ПОКА МЫ БУДЕМ
ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД
В НАШЕМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ,
МЫ БУДЕМ НЕИЗМЕННО
НАХОДИТЬСЯ
В ПЕРИОДЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Губернский комиссар

ИХ ИМЕНА В
ИСТОРИИ КРАЯ

Г. З. Анашкин, М. М. Глазунов

Губернский комиссар

Мы переживали страдные дни.
Нас было страшно мало,
а работа велась колоссальная...
Мы дни и ночи проводили в исполкоме,
но были бодры, как никогда в жизни.

П. ЛЕБЕДЕВ

Г. З. Анашкин, М. М. Глазунов

Губернский комиссар

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1983

66.61(2)8
А64

Рецензенты: *Е. П. Любарский, Е. И. Ивановский,* члены бюро Саратовской секции историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма ЦК КПСС.

Анашкин Г. З., Глазунов М. М.
А64 Губернский комиссар: [О П. А. Лебедеве].— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983.— 120 с.— (Их имена в истории края).

Книга о жизни и деятельности видного саратовского большевика губернского комиссара, позже комиссара юстиции П. А. Лебедева.

А $\frac{0505030101}{153(68)-83}$ 66.61(2)8

Память надо беречь

Внешне это выглядело довольно привычно: очередной переезд Лебедевых в связи с переводом главы семейства на новое место службы. Позади остался долгий и утомительный путь из польского городка Седлеца, и уже в прошлое ушли хлопоты переселения и неуют, который сопутствует привыканию к новой обстановке. Но так выглядело только внешне...

Если бы гимназисту старших классов Петру Лебедеву предложили написать об этом сочинение, он поделился бы своим неожиданным открытием. Последний переезд ему представлялся так: поезд навсегда увез его от станции, где прошло отрочество, а на саратовском вокзале со ступенек вагона он шагнул уже в новую жизнь, в свою юность — пору возмужания. Здесь, в Саратове, он пристальнее стал вглядываться в себя и окружающих, заметив, что жизнь все чаще ставит перед ним вопросы — один сложнее другого — и требует ответа на них.

Поступив в мужскую гимназию, в то время единственную в городе, Петр очень скоро понял, что занятия в ней не прольют свет на мучавшие его вопросы. Более того, его возмущали порядки, царящие в гимназии: казуистика и ханжество учителей, «карцерная» дисциплина и наздор администрации за каждым шагом гимназистов. А юности хотелось свежего воздуха, открытия истин и свободы.

Среди однокашников новичок быстро обрел доверие. К счастью, он был не одинок в своем желании разобраться в вопросах, которые предъявляла жизнь. Вскоре Лебедева приняли в кружок, где читались запрещенные книги Белинского, Чернышевского, Писарева, Шелгунова. Зимой кружковцы собирались у кого-нибудь дома. В летнее время отыскивали уединенное место на откосах берега Волги, заметно мелевшей в пик лета от жары и песчаных наносов. Или поднимались на вершину Соколовой горы, и тогда взгляду была доступна панорама Саратова. Город лежал на возвышенной местности, уступами спускаясь к Волге, окруженный довольно высокими горами, частью обнаженными, частью покрытыми лесом и фруктовыми садами.

В это время особый интерес Петра вызвали произведения

Чернышевского. О Николае Гавриловиче немало говорилось в среде гимназистов: уроженец Саратова, он несколько лет преподавал в местной гимназии русскую словесность, здесь на городском кладбище была его могила. О Чернышевском Петр впервые услышал в раннем детстве от матери. Она рассказывала о том, как Ипполит Мышкин пытался освободить Николая Гавриловича из сибирской ссылки. Приехав с этой целью в Вилюйск под видом жандармского поручика, Мышкин в самый последний момент провалился. Он бежал, отстреливался, но был схвачен и закован в кандалы.

В доме Лебедевых царил дух преклонения перед осужденными по так называемому процессу 193-х, одним из которых был Мышкин. Причастность семьи Лебедевых к этому нашумевшему процессу составляла фамильную гордость, а вместе с тем являлась и причиной многих злоключений.

Впрочем, все по порядку... Отец Петра, чиновник военного ведомства Александр Иванович Лебедев, не удивлялся, получая новые назначения без повышения в должности. Служебные неурядицы объяснялись просто: в середине 70-х годов начальству стало известно от политической полиции, что квартиру военного следователя А. И. Лебедева в Харькове нередко посещали Макаревич с женой Анной, братья Владимир и Сергей Жебуневы, другие революционеры-народники из одесского пропагандистского кружка, многие из которых были затем арестованы. Более трех лет тянулось следствие по делу народников. Лишь к осени 1877 года стало известно, что суду предано 193 человека, некоторые были приговорены к каторге.

С тех самых пор оскорбленное начальство военного следователя Лебедева неустанно заботилось о благонадежности своего подчиненного, меняя ему время от времени места службы.

В истинных причинах частых переездов Петр разобрался в Саратове. Здесь же у него появилось настойчивое стремление узнать подробности политического процесса, где одним из подсудимых был его дядя по материнской линии Петр Маркелович Макаревич.

Александр II побеспокоился о том, чтобы суд над революционерами был гласным, и отчеты о нем в назидание подданным печатались в прессе. Это дало возможность Петру Лебедеву из газет и журналов за прошлые годы получить сведения о революционной деятельности своего дяди и его товарищей.

Официальная пресса сообщала, что П. М. Макаревич обвинялся в занятии «преступной» пропагандой, направленной на ниспровержение государя и его правительства в более или менее отдаленном будущем.

В вину Макаревичу вменялось проведение у него на квартире собраний, которые посещали братья Жебуневы, Феликс Волховский, Соломон Чудновский, Андрей Желябов, рабочие одесских заводов и фабрик. Все они придерживались тактической линии, выдвинутой бывшим профессором Петербургской артиллерийской академии полковником Лавровым, суть которой сводилась к необходимости постепенной и настойчивой подготовки революции путем социалистической пропаганды. Литература для ведения такой пропаганды доставалась членами одесского кружка главным образом за границей и распространялась на Юге России.

Немало подробностей о жизни дяди Петр узнал от родных. Иногда к Лебедевым в Саратов приезжала погостить из Петербурга сестра матери Мария Маркеловна. Она знала о своем брате Петре Маркеловиче буквально все, словно сама прожила его жизнь.

— Здравствуй, Петя,— обнимала она племянника, который вместе с матерью Ольгой Маркеловной встречал ее на железнодорожном вокзале.— Боже мой, как ты вырос. Ведь совсем недавно бегал мальчишкой...

Она смотрела на него и не верила своим глазам. Перед ней стоял неожиданно вытянувшийся юноша с открытым, чистым взглядом и высоким лбом, над верхней губой его пробивался первый пушок.

— Ты прости, что по старой памяти называю Петей. Теперь я вижу, ты Петр... Петр.

Голос тети Маши неожиданно дрогнул, и она замолчала...

Родившийся у Лебедевых 13 июня 1877 года (незадолго до начала процесса 193-х) сын — их третий ребенок — был назван Петром в честь Петра Макаревича. Боль за брата была настолько остра, что, казалось, лишь вчера они переживали горе, когда его по этапу отправляли на каторгу. А вот поди ж ты — успела уже подняться молодая поросль, приняв в наследство от старшего поколения не только имя, но и чистоту побуждений.

— Не надо, Маша,— попыталась успокоить ее Ольга Маркеловна.— С тех пор прошло семнадцать лет...

— Нет, нет, я ничего...— сдерживая слезы, отвечала сестра.— Просто я очень хочу, чтобы Петя прожил счастливую жизнь.

Когда в доме общее возбуждение от встречи наконец утихло, Петр и Мария Маркеловна уединились в его комнате — здесь им никто не мешал.

— Тетя Маша, мне показалось, что сегодня на вокзале вы хотели спросить меня о дяде: помню ли я о нем? — Петр видел, как

ожидающе вскинулись ее брови.— Я помню. И обещаю, что никогда не забуду.

— Петя, мальчик мой, спасибо... Память надо беречь.— Они допоздна просидели в его комнате, и не было конца рассказам тети Маши о своем брате.

— Это было в январе семьдесят четвертого. Петя вместе с Желябовым и Чудновским в двух пролетках выехали за очередной партией нелегальной литературы. Они ехали к условленному месту — в пяти верстах от границы. Их подозрение вызвал староконстантиновский еврей Сима, через которого следовало получить транспорт литературы. «Сима, не играй с огнем»,— предупредил его Чудновский и, чтобы придать большее значение своим словам, переложил из кармана в карман револьвер. Сима не проникся уважением к словам Чудновского. Он плевал на идею, ради которой рисковали собой эти непонятные ему люди... В этот раз они заплатили ему меньше, чем местный исправник. Это для Симы было главным. Он привез кружковцев в засаду. Чудновского арестовали. Пете с Андреем Желябовым удалось скрыться.— Тетя Маша вздохнула и уставшим голосом закончила:— Взяли их позже и в разное время... Но доставили потом в одно место — в Петербург. Тюрьмы столицы в это время были забиты революционерами... Испытания, выпавшие на долю твоего дяди, не сломили его волю. На каторгу он пошел непобежденным.

— Я знаю... Недавно в журнале «Община» за семьдесят восьмой год я обнаружил «Завещание». Его подписала группа осужденных по процессу 193-х. Вы, конечно же, читали его. Но мне хочется, чтобы вы послушали еще раз.

Петр потянулся к книжной полке, висевшей над его столом, достал пожелтевший журнал и, отыскав нужную страницу, взглянул на тетю Машу.

— Вот, послушайте... В своем завещании революционеры писали: «Мы по-прежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей Родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол «личного усмотрения». И далее... Поразительно смело: «Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха».

Лицо племянника было озарено юношеским восторгом. И без того бледное, в эту минуту оно стало совсем бескровным, и

только в больших карих глазах его светилось беспредельное восхищение волей и мужеством тех людей...

— Да, Петя, я помню почти каждое слово этого «Завещания». Оно подписано твоим дядей Петром Макаревичем, Войнаральским, Сергеем Жебуневым, Чудновским и другими. Их было двадцать четыре, кто отправился на каторгу и в ссылку. Никто из них не признал себя виновным. Но никто из них и не попросил о помиловании.

— Какой же верой в будущее надо обладать... Ведь они знали, не могли не знать, что «Завещание» может усилить меру наказания. Ведь так же?..

— Цель, во имя которой жили эти люди, была настолько возвышенна, что они не чувствовали собственных мук. Они были счастливы, Петя. Это ведь счастье — принять муки за высокую идею.

...Ночью, когда тишину дома нарушало лишь тиканье ходиков, Петр долго не мог уснуть. Его мысли были об одном. Уже в полузабытьи он явственно услышал слова. Каждое слово отдельно, будто удары сердца: память... надо... беречь! А потом он увидел узника в мрачном каземате Алексеевского равелина. То был Чернышевский, обросший бородой, больной. Он приблизился к Петру и удивительно молодым голосом сказал: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...». И снова узник Петропавловской крепости: аккуратно зачесанные волнистые волосы, элегантная черная бабочка на фоне белой сорочки. Таким предстал Петр Макаревич, знакомый племяннику по единственно сохранившейся фотографии. «Мы уходим, оставляя вам завещание. Кто пойдет следом за нами?.. Кто завершит наши прерванные дела?.. Кто?..»

Петр освобождался от оцепенения сна и чувствовал, как трепещет его душа, как зреет в ней, готовая вырваться наружу, тайная клятва.

В ладу с совестью и честью

Шумная студенческая жизнь целиком поглотила Петра Лебедева. Гимназия осталась позади, он — студент естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Он молод (ему только 20), независим (снял квартиру, хотя мог жить у родственников), жизнь повернулась самой привлекательной стороной, захватив яркими, глубокими впечатлениями.

Вчера ему не без труда удалось побывать в Малом театре на бенефисе Комиссаржевской. Что за чудо эта актриса! Он видел ее на сцене не однажды. Но вчера в спектакле «Дикарка» она была выше всяческих похвал. Зал был заворожен, очарован ею. Зрители раз сорок вызывали бенефициантку к рампе, ее буквально забросали цветами.

А сегодня Петр был на студенческой вечеринке вместе со своими друзьями — членами Саратовского землячества Архангельским, Львовым, Стаматовой и другими. Землячество располагало богатой библиотекой, здесь представлялась возможность познакомиться с произведениями Маркса, Энгельса, Плеханова. Это рождало общность интересов и сплачивало их союз. Петр возвращался с вечеринки, разгоряченный жарким спором, еще раз вспоминая вспыхнувшую среди студентов полемику. Сторонники революционного марксизма упрекали «легальных марксистов» и «экономистов» в мягкотелости, а те, в свою очередь, обвиняли революционеров в отсутствии гибкости. Странные люди, думал Петр, гибкость воспринимая как соглашательство, они не могут понять, что призывают нас изменить своим принципам, мировоззрению...

На квартире его ждало письмо из дома.

«Умер папа...» — прочитал Петр первые слова.

* * *

«Милые мои, за меня не беспокойтесь,— писал он в Саратов, спустя некоторое время.— Я понимаю, как трудно сейчас вам, а потому, отказываясь от вашей помощи, решил изыскивать средства к существованию своим трудом. Мне помогли найти работу. Сейчас я даю уроки по русскому языку и литературе. Оплачиваются они недорого — по полтиннику или того меньше, но и этого вполне хватает, чтобы содержать себя и продолжать учебу в университете».

Петр перечитал письмо, обратив внимание на то, что ничего не написал о своей учебе. В конце он сделал приписку: «Об университетских делах писать не буду — обо всем расскажу по приезде. Скажу лишь, что студенческая жизнь моя находится в ладу с совестью и честью».

Чтобы полнее понять смысл последней фразы из письма Петра Лебедева, необходимо обратиться к событиям тех дней, которые окончательно утвердили его в выборе жизненного пути.

Заканчивался девятнадцатый век. Полицейский режим все ощутимее проникал во все сферы жизни. Ужесточался он и в

высших учебных заведениях, где процветали доносы, постоянные слежки за преподавателями и студентами. Чтобы затруднить общение обучавшихся, закрывались студенческие читальни и даже столовые, а участие в каком-либо кружке с малейшим намеком на социализм влекло возбуждение уголовного дела и принятие репрессивных мер. Протест против грубого произвола и беззакония зрел в душе чуть ли не каждого студента и готов был вылиться в массовое движение.

День 4 февраля 1899 года с утра ничем не отличался от других. Петр, как обычно, шел привычной дорогой на занятия. В глаза уже не бросалась, как в первые дни учебы, невзрачность университетского корпуса на фоне величественных зданий столицы. Длинное трехэтажное здание с узкими коридорами и клетушками-аудиториями скорее напоминало казарму, нежели храм науки.

У доски объявлений Петр увидел большую группу студентов. Возбуждение, царившее среди них, привлекло его внимание. В вывешенном объявлении за подписью ректора Сергеевича сообщалось указание градоначальника, согласованное с министром внутренних дел, о том, чтобы в день университетского праздника — 8 февраля — студенты соблюдали тишину и спокойствие. В противном случае, подчеркивалось в распоряжении, к нарушителям порядка «будут приниматься строгие меры вплоть до тюремного заключения или высылки из города».

Объявлению суждено было провисеть недолго: в субботу, 6 февраля, оно было сорвано, а витрина, в которой покоились и другие распоряжения университетского начальства, разбита вдребезги. Демонстративно. В присутствии инспектора. На созванной в тот же день сходке студенты решили выразить ректору Сергеевичу протест — выйти в день торжественного собрания из зала, как только он появится на кафедре.

Но то, что было намечено, на собрании приняло несколько иное течение. Когда ректор поднялся на кафедру, в зале разразился шум, который не позволил ему сказать ни слова. Простояв 15 минут, ректор вынужден был покинуть кафедру. После этого воцарился порядок. А через минуту тишину зала нарушили слова «Марсельезы», дружно подхваченные сотнями голосов.

По окончании торжеств студенты стали расходиться по домам. Выйдя на улицу, Петр Лебедев увидел возле Академии наук большой отряд полиции. Вместе с друзьями он примкнул к толпе студентов, головная часть которой достигла уже Румянцевского сквера. В это время мимо него проскакали два всадника. Круто осадив коней, они потоптались на месте, а затем понеслись назад. Через несколько минут они вернулись в составе конного эскад-

рона. Казаки врезались в толпу, с остервенением, без разбора заработали нагайками...

На следующий день в 11 часов возле университета началась сходка. Так как уличная площадка вскоре оказалась тесной, по требованию студентов был открыт большой актовый зал. В течение двух суток здесь проходили многолюдные митинги. Оратор сменял оратора. Большинство из них высказывались за объявление забастовки.

«...Мы закрываем университет до тех пор,— говорилось в бюллетене забастовщиков,— пока не будут даны прочные гарантии личной неприкосновенности и судебной ответственности ее нарушителей...

Требования наши так скромны, что мы не можем уступить ни в одном слове. Итак — закрытие университета... всеми средствами, которых будут требовать обстоятельства. Вот программа дальнейших действий» [1].

В гуще описываемых событий находился Петр Лебедев. По заданию организационного комитета он печатал на ротаторе воззвания и листовки, распространял их.

Некоторые профессора университета пытались повлиять на студентов в желательном для администрации направлении. Так, профессор церковного права Горчаков, сев на стул, поставленный при входе в пустующую аудиторию, обратился к находившимся в коридоре студентам с речью, призывая их к благоразумию. Профессор астрономии Глазенап приглашал слушателей предаться изучению бесстрастных звезд, как занятию, более возвышающему душу, нежели политика. Но пока они увещевали забастовщиков, университет наводнила полиция, прибывшая по указанию градоначальника Клейгельса. Таким решением градоначальника было возмущено не только студенчество, роптала почти вся профессура. Даже священник Горчаков заявил, что считает присутствие полиции в стенах университета оскорбительным и незаконным.

И все же некоторые профессора продолжали ходить на кафедры буквально сквозь строй полицейских. Слушало их не более 20 студентов, не пожелавших подчиниться общему решению о забастовке. «Ректор Сергеевич и профессора, читавшие лекции в присутствии городовых, несут ответственность за это. Имена Сергеевича, Фойницкого, Ведрова и Георгиевского наши наследники запишут на позорном столбе» [2] — так реагировал печатный орган студентов на лакейское поведение названных лиц.

К забастовке, объявленной в университете, присоединился одним из первых лесной институт, а затем и другие высшие

учебные заведения столицы. А вскоре забастовкой было охвачено около 25 тысяч студентов, обучавшихся в высшей школе России.

С целью подавления возникшего студенческого движения правительство обратилось прежде всего к репрессиям. Начались массовые аресты. На шестой день забастовки из Петербурга была выслана первая партия забастовщиков — 70 студентов университета. За ними последовали другие. В Москве, к примеру, к концу марта подверглись высылке 2160 студентов, в Харькове были исключены все обучавшиеся в университете, которым было предложено подавать новые прошения о зачислении.

На петербургских вокзалах, как, впрочем, и на вокзалах многих других городов, сочувствующая публика провожала опальных студентов: одних высылали этапным порядком, другие, получив прогонные, уезжали сами. В одной из таких групп — Петр Лебедев, которому за активное участие в забастовке запрещалось посещение университета до 1 января 1900 года...

* * *

Полгода, проведенные в Саратове, не пропали даром. Здесь Петр встречался со многими сосланными, как и он, студентами из Петербурга, Москвы, Харькова, других городов. На встречах делились впечатлениями, обсуждали рвение «верноподданных» Боголепова и Горемыкина, с негодованием говорили о высшем повелении царя отдавать «беспокойных» студентов в солдаты.

Основное же время Петр посвящал чтению книг. В работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» он прочитал: «Сила рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении...» [3].

Лебедев понимал, что роль руководителя рабочих ко многому обязывает. Для того чтобы объяснить рабочим их политические и экономические интересы, взаимосвязь этих интересов, необходимо много знать. Бессонными ночами он штудировал первый том «Капитала» Маркса и «Развитие научного социализма» Энгельса. Сложное, поначалу противоречивое и вместе с тем сильное впечатление на него произвела работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ведь к народникам, ошибочность взглядов которых вскрывал Ленин, принадлежал Макаревич — тот человек, чьим именем всю

жизнь гордился Петр Лебедев. Критика народничества настораживала до тех пор, пока Петр не прочитал в книге о большом мужестве, героизме и революционной закалке народников 70-х годов. Автор призывал видеть разницу между ними и либеральными народниками, которые, по существу, стали тормозом на пути развития рабочего движения. Принятие ленинской критики народничества не было предательством памяти Макаревича и его товарищей. «Кто пойдет следом за нами?..— спрашивал когда-то Макаревич.— Кто завершит наши прерванные дела?» Сейчас Петр Лебедев знал наверняка: народников 70-х годов смогут достойно сменить лишь революционные марксисты, программа которых стала его личным убеждением.

* * *

И снова Петербург.

Приближалась годовщина всеобщей студенческой забастовки. Революционные студенческие кружки готовились отметить эту дату однодневной забастовкой во всероссийском масштабе. Усиленно готовилась к предстоящему событию и охранка, имевшая указание произвести «предупредительные» аресты всех тех, кто будет замечен в агитации за забастовку. Это обстоятельство повлекло за собой принятие мер и в отношении лиц, заподозренных в систематическом занятии «антиправительственной пропагандой» среди фабрично-заводского люда Петербурга.

6 февраля 1900 года у Петра Лебедева, студента Петербургского университета, числившегося в списке подозреваемых, был произведен обыск. В акте, составленном тут же, полицейские записали: «Обнаружено несколько запрещенных брошюр и начатый перевод явно революционной брошюры «Русские и польские социалисты». После обыска Петру объявили, что он арестован. А спустя три четверти часа состоялось его первое знакомство с Петербургским домом предварительного заключения.

В тот же день была оформлена анкета, куда тюремный чиновник занес все интересовавшие его сведения о Петре Лебедеве. К делу был приложен словесный портрет арестованного: рост —2 аршина 7 вершков; телосложение — правильное, худощавое; лицо — чистое, бледное; волосы — темно-русые; глаза— карие; лоб — высокий; голос — чистый. После этого Лебедева дважды — в фас и профиль — сфотографировали, затем подвергли унизительной процедуре — взятию пальцевых отпечатков.

Пребывание в одиночной камере настолько тяготило, что день казался нескончаемым. Но помогли книги. Как выяснилось, в тюрьме имелась неплохая библиотека, насчитывавшая около семи тысяч томов. Кроме религиозной («душеспасительной») литературы в ней было немало художественных произведений, книг по истории, естественным и другим наукам. Это было общение, которое притупляло чувство одиночества.

Недели через полторы Петра вызвали на допрос. Предложив сесть на табуретку, прикрепленную к полу намертво, следователь приступил к делу. В словах и жестах ротмистра было столько вальяжности, что, казалось, он играет на сцене роль. Всем видом давая понять, кто здесь хозяин, он неторопливо задавал вопросы, снисходительно и вежливо выслушивал ответы, аккуратно фиксировал их в протоколе.

Петру вновь пришлось повторить анкетные данные, рассказать о родственниках, живущих в Петербурге, к которым следователь проявил немалый интерес. Пока он записывал на отдельном листе сведения о них — служебное положение и адреса, Петр внимательно рассматривал комнату. Она, похожая больше на щель, мало чем отличалась от его одиночной камеры. Разве что деревянным полом, дверью без глазка да еще окном на уровне канцелярского стола, а не под потолком?! Впрочем, какая разница, где находится окно, в обоих случаях оно перекрещено железными прутьями решетки...

— Скажите, с кем из студентов вы были дружны и в последнее время встречались? — прервал размышления Петра следователь.

— Полгода я жил в Саратове и только недавно вернулся в Петербург. Особо близких друзей у меня нет. Встречался с сокурсниками.

— Каковы ваши отношения с Александром и Надеждой Архангельскими, а также Дубровским, Каляевым, Лихачевым, Беклемишевой? — ротмистр изобразил не только желание помочь допрашиваемому вспомнить, но и свою полную осведомленность.

— Брат и сестра Архангельские — мои земляки. Иногда проводил с ними свободное время: ходили в театр, раза два выезжали на загородные прогулки. Других названных вами лиц я не знаю.

— Но ведь они, кроме Беклемишевой,— студенты университета.

— Студентов в университете много, не могу же я знать всех.

Следователь покачал головой, не то соглашаясь с доводом Петра, не то возражая.

— Кого вы, господин Лебедев, знаете из фабричных и заводских рабочих Выборгской стороны?

Этот вопрос следователя не был неожиданным — Петр предполагал, что именно его пропагандистская работа явилась причиной ареста. Он занялся ею сразу же по прибытии из Саратова. По поручению студенческой организации он осуществлял связи с рабочими Выборгской стороны.

— Итак, кого вы знаете?..

— Никого.

— А вас, между прочим, видели, и неоднократно, на сходках рабочих, которым вы читали запрещенные книжки, рассказывали об учении Маркса.

...На первых порах в своих беседах Петр использовал наиболее доходчивые брошюры, такие, как «Что нужно знать и понимать каждому рабочему», где имелись ответы на самые насущные вопросы из жизни пролетариата. А в брошюрах «Откуда взялись рабочие и капиталисты», «Рабочий день», которые, как и многие другие, Петр оставлял читать в цехах, в популярной форме излагалось учение Маркса о первоначальном накоплении капитала, освещалась история развития пролетарского движения на Западе. Живой интерес слушателей вызывали рассказы Петра о «Манифесте Коммунистической партии», о развитии революционного движения в России, о роли рабочего класса, призванного историей быть передовым борцом за будущее народа.

Вопросам, которые задавались на этих встречах, не было конца. И как жаль, что порой не хватало знаний, чтобы ответить на них. Тогда приходилось обращаться за помощью к старшим товарищам по университету, по студенческой организации... Ах, самоуверенный ротмистр, знал бы ты, что именно встречи с рабочими побудили Петра перейти на юридический факультет!

Следователь терпеливо ждал объяснений.

— Это недоразумение. Меня, видимо, с кем-то перепутали.

— Но у вас при обыске обнаружены брошюры социалистического направления и начатый перевод одной из них,

...Пропагандистская работа целиком захватила Петра. Рабочие жадно ловили каждое его слово, ждали от него новой литературы. Несколько раз он ездил в Выборг, привозил марксистские брошюры — счет шел не на экземпляры, а на пуды. Редкие издания размножались на ротаторе, приходилось заниматься и переводами.

— Брошюры я приобрел случайно и хотел их прочитать из простого любопытства. Что касается начатого перевода, то это свидетельство моего плохого знания польского языка. В детстве вместе с родителями я некоторое время жил в Польше и, об-

щаясь с местными детьми, пытался усвоить азы их языка. Выучил наиболее часто употребляемые слова, стал произносить простейшие фразы. Потом, как выяснилось, я много забыл...— Петр платил следователю его же монетой, поддерживая «доверительную» атмосферу их беседы.— Этим и объясняется моя практика в переводе попавшейся под руку польской брошюры, закончившаяся, можно сказать, в самом начале.

Долго еще продолжался этот разговор «по душам». Уверенное и внешне спокойное поведение арестованного временами раздражало ротмистра, и тогда он от увещевания вдруг без всякой логики переходил к угрозам. Но Лебедев сохранял прежнюю невозмутимость, что приводило следователя в замешательство. Кто он, этот студент: заблудшая овца, попавшая в волчью стаю, или окрепший волк, умеющий ловко запутывать следы?

Видимо, ротмистр так и не смог ответить на свой вопрос однозначно. Лишь этим можно было объяснить то обстоятельство, что арестованного надолго оставили в покое.

В середине марта Петра вызвали на свидание с... невестой. «Кто бы это мог быть?» — думал он, шагая узким коридором. В комнате для свиданий Петр увидел стройную миловидную девушку и не сразу признал в ней Надю Савич — слушательницу Бестужевских курсов, с которой ранее встречался раза два или три на студенческих вечеринках. Однажды, припомнил он, Надя помогала ему собирать с участников одного из мероприятий деньги, подлежавшие сдаче в общественную кассу.

Как рад был Петр этому свиданию! Да и в глазах «невесты» светилась искренняя радость. Их встреча была настолько трогательна, что надзиратель, усевшийся невдалеке, понимающе крякнул и уставился в каменный пол. Петр и Надя — жених и невеста — сидели друг против друга и, казалось, сами были готовы обмануться, поверить собственной версии.

— Никогда не подозревала, Петр, что у тебя может быть такая черная, закручивающаяся в кольца борода. Она просто прелестна.

— Ты находишь?..

— Да. Я бы хотела, чтобы ты не брил ее до дня нашей свадьбы.

Петр улыбнулся и с нежностью взглянул на Надю:

— День свадьбы, видимо, придется перенести, дорогая. Видишь ли, меня попытались обвинить в каких-то грехах. Но ведь тебе известно, что я безгрешен. Это я и постарался внушить следователю на допросе. Надеюсь, он в конце концов поймет, что это недоразумение.

— Тебя, Петр, несомненно, путают с кем-то другим, с каким-нибудь... как его.... социалистом.— Надя всем своим видом выражала сочувствие. Она играла так тонко, так умело, что усмотреть ее лукавство было невозможно. — Ах, эти смутьяны... Недавно они очередной раз сорвали в университете торжественный акт. Мало того, они организовали шествие по набережной Невы. Естественно, пели... Конечно же, не «Боже, царя храни» — «Дубинушку»...

Надзиратель поднялся с табуретки, бесстрастным голосом произнес:

— Заканчивайте, милаи.

Надя протянула руку.

— До свидания, Петр. Как только мне позволят, я приду еще раз.

— Спасибо. Я буду ждать тебя. Привет нашим общим друзьям...

Надя вновь посетила Петра через месяц. Она принесла ему несколько произведений французских энциклопедистов, а также небольшую книжку итальянского юриста и публициста Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Уникальный труд итальянца, разоблачающий произвол и драконовские законы периода инквизиции, поразил Петра не столько смелостью суждений автора, сколько схожестью воспроизводимых картин с российской действительностью: то же грубое попирание гражданских свобод, разрешение уголовных дел в административном порядке, ведущее к произволу, то же широкое применение смертной казни. К этому нужно прибавить лицемерие и ханжество российского правительства, которое, разрешив издание книги, тем самым открещивалось от собственных пороков.

В начале июня Петра вновь вызвали на допрос. В этот раз следователь не играл в «душевность». Видимо, он в конце концов смог освободиться от сомнений и поставить точки над «и». Петру Лебедеву было предъявлено обвинение в проведении противоправительственной пропаганды среди рабочих, проживающих на Выборгской стороне Петербурга.

С августа пошел седьмой месяц тюремной неволи. Иногда приступы тоски становились невыносимыми. Чтобы заглушить их, Петр составил четкий режим дня, которого неукоснительно придерживался. Чтение прерывалось занятиями гимнастикой или «загородными прогулками» — так называлось хождение по периметру тесной камеры. Особое удовольствие он получал от бесед с... самим собой. Как правило, эти разговоры велись вслух, что окончательно освобождало их от налета искусственности.

Одну из таких бесед прервал вошедший в камеру надзиратель.

— Собирайте вещи.

Петра то и дело переводили из камеры в камеру. Как позже он понял, делалось это для того, чтобы помешать заключенным налаживать связи. Но в этот раз надзиратель отвел его в тюремную канцелярию. Чиновник, сидевший здесь за столом, объявил ему, что в связи с изменением меры пресечения его высылают под особый надзор в Саратов, где он и должен ожидать окончательных результатов разрешения дела. Спустя полчаса Петр с проходным свидетельством в кармане был уже за воротами ненавистного дома предварительного заключения.

Не сразу ощутил он чувство свободы, о котором так долго мечтал, — постоянно казалось, что за спиной стоит надзиратель. И еще долго не мог отделаться от приобретенной привычки разговаривать вслух с самим собой, смущаясь, если это случалось в обществе посторонних.

Встретившись со своими товарищами и войдя в курс минувших событий, Петр принял решение поехать на несколько дней в Киев и повидать Надю Савич, уехавшую туда к родным. «Поднадзорному, мне вряд ли удастся куда выбраться из Саратова», — не без оснований предполагал он.

Киевская встреча получилась, однако, не такой, как представлялась. Вопреки ожиданиям разговор с Надей не клеился, чувствовалась какая-то скованность, вставшая между ними непреодолимым барьером. Петр наедине с Надей неожиданно робел, злился на себя, нес чепуху и еще больше терялся. И Надя, к сожалению, не помогла исправить положение.

Несмотря на то что натянутость в их отношениях вскоре сгладилась, они расстались просто друзьями. Доехав вместе до Москвы, Надя направилась в Петербург, Петр — в Саратов.

Поздним вечером Петр долго стоял в тамбуре вагона, размышляя о последних событиях своей жизни.

— Любовь и ненависть — вот достойные чувства, которые могут двигать человеком. Чего было больше в моих поступках? Пожалуй, ненависти. Своим свиданием с Надей в тюрьме, разговором, добрым и нежным, мы выразили всего лишь ненависть. К надзирателю и следователю — этим грязным и лживым псам... К обстоятельствам, унижающим достоинство человека... Ко всей российской действительности. Да и поездка после освобождения не в Саратов, а в Киев — это был вызов обстоятельствам. Так, в сущности, выразилась та же ненависть На что я рассчитывал, когда ехал к Наде? На любовь? Но ее никогда

не было между нами. Была лишь общая ненависть к злу. Но нельзя, не может жить человек одной лишь ненавистью... Этим и объясняется мое желание увидеться с Надей. Душа инстинктивно потребовала любви. В двадцать три года — это ведь так естественно... Спасибо, Надя Савич, за открытие. В нашем сердце кроме ненависти должна быть любовь... Ненависть и любовь...

Петр прислонился лбом к прохладному стеклу тамбурной двери и увидел впереди густую россыпь огней. Поезд подъезжал к Саратову.

Любовь и ненависть

Материальное положение семьи, жившей на небольшую пенсию, вынуждало Петра немедленно найти хоть какую-то работу, которая давала бы средства к существованию. После длительных поисков ему удалось устроиться в отдел вспомогательных предприятий управления железной дороги. Начальник отдела инженер Виноградов был давним знакомым родителей Петра.

— Увы, при всем сочувствии к бедственному положению семьи, могу предложить лишь должность конторщика.

Виноградов вопросительно посмотрел на собеседника. Петр промолчал: он был согласен на все. Права поднадзорного были урезаны не только в отношении места жительства, но и работы. Поднадзорный не мог рассчитывать на службу в государственных и общественных учреждениях, запрещалось даже давать уроки.

— Надо полагать, что и в конторщиках ты проходишь недолго: жандармское управление вряд ли утвердит твою кандидатуру, — продолжал Виноградов. — Надеюсь, что бюрократическая машина сработает нескоро, а следовательно, месяца три ты будешь получать жалованье.

Петр довольно быстро освоил обязанности конторщика, которые заключались в основном в ведении канцелярских дел. Конечно, большого удовольствия такая работа не приносила, однако давала некоторую материальную независимость не только ему, но и его семье.

Однажды начальник отдела познакомил Петра с молодой журналисткой, готовившей статью о работе железной дороги. Ее звали Зиной Андреевой. Из первого разговора с ней он узнал, что Зина — слушательница местных фельдшерских курсов, а журналистика была для нее тем делом, с которым она неплохо справлялась и за которое сносно платили.

В этот раз статья почему-то долго не давалась ей. Она несколько дней кряду приходила в отдел, Петр помогал ей всем, чем мог. А потом, когда статья была все же написана, они продолжали встречаться.

Вечером, когда заканчивалась работа, Петр торопился к условленному месту на свидание с Зиной. Еще издали он замечал ее среди оживленной улицы. В белой шапочке, в пальто, отороченном мехом, стройная, невысокого роста, она была похожа на снегурочку. Оранжевым светом горели редкие фонари, снег кружился и падал на землю крупными хлопьями. Они бродили по зимнему городу, и Петр думал о том, что никогда не был таким счастливым, потому что еще никто не понимал его так, как Зина.

— Продолжай, я слушаю... Итак, выйдя из дома предварительного заключения, побыв в Петербурге и в Киеве, ты приехал в Саратов. Как же встречали тебя местные власти?

— Конечно же, без оркестра и цветов на вокзале, — улыбнулся Петр. — Как того требовало предписание, по освобождении из тюрьмы я должен был в кратчайший срок встать на учет в полиции. Так я и сделал, с той лишь разницей, что несколько затянул этот срок. К полковнику Дояну меня пригласили в ту минуту, как только взглянули в полиции на мои документы. Боже, каким страшным голосом заревел он: «Почему заставляете нас долго ждать? Где вы до сего влемени находились?» Клянусь, зверя свирепее не было бы, если бы этот Доян не картавил. Представляешь, как это смешно?.. «Где вы до сего влемени находились?» Грешен — соврал я Дояну: мол, приболел после длительного одиночного заключения, отлеживался у петербургских родственников. Кажется, поверил. Но тона не сбавил — видно, по уставу не положено. Поорал еще. С тех самых пор я регулярно хожу в полицию слушать душеспасительные проповеди. Как? Нравится?..

— Жанровая картинка называется «Полковник Доян селдится».— Зина знала, что роль поднадзорного угнетала Петра, потому и поддержала его шутливый тон — так легче ему было говорить о невеселых делах.

Они шли по Никольской улице, когда Зина увидела замаячившую со стороны Царицынской фигуру городового. Улыбка сгладилась на его лице.

— Петя, я очень хочу посидеть в сквере, — она потянула его за собой в сторону. — Представляешь, дорожки, деревья и скамейки — в пушистом снегу. Чудо...

Но как Зина ни старалась, оградить Петра от полицейского надзора не могла. Жандармское управление кандидатуру Лебе-

дева на должность конторщика отклонило. Проработав три месяца, он оставил с трудом найденную работу.

— А что, если тебе попробовать силы на литературном поприще? — предложила Зина.

— Когда-то мои сочинения в гимназии признавались одними из лучших...

— Судя по тому, как точно ты видишь слабые места в моих статьях, у тебя получится... Ты попробуй. Я уверена...

После некоторых раздумий Петр на несколько дней засел за письменный стол и написал довольно пространный очерк, который затем отнес в редакцию газеты «Саратовский дневник». Редактор газеты, к немалому удивлению автора, одобрил написанное, тут же отдал материал в номер и предложил Петру стать постоянным сотрудником газеты с жалованьем 30 рублей в месяц.

С приходом Лебедева в отдел корреспонденций и хроники газета стала чаще выступать с фельетонами. Кто этот злой фельетонист, подписывающий свои обличительные материалы псевдонимом П — р, никто не знал, исключая разве немногих товарищей Петра Лебедева, самым близким из которых была Зина Андреева.

Работа в газете, связанная с хождениями по разного рода учреждениям, день ото дня расширяла круг знакомых. Правда, новые знакомства не всегда мотивировались лишь служебными заботами. Иногда Петру приходилось бывать у старой народоволки Черняевой, проживавшей с ним по соседству. В ее квартире собирались люди, в былые времена боровшиеся за высокие идеалы. Теперь они постарели, утратили прежний пыл, превратились в обычных либералов. Многие из них усердно работали учителями, врачами, принося своим трудом несомненную пользу, но в политическом отношении это были мечтатели, не представлявшие собой практически никакой силы.

Чаще и с большим удовольствием Петр вместе с Зиной бывали в доме Дьяковых, где по вечерам собиралась прогрессивно настроенная молодежь. Здесь обменивались новостями, вели споры о настоящем и будущем России, иногда слушали рефераты. Попадала сюда и нелегальная литература, ходившая потом по рукам.

Хозяйка дома Елизавета Дьякова, которую между собой звали теткой Марсельезой, отличалась безграничным гостеприимством. Обремененная большим семейством, она не тяготилась ежедневной сутолокой, царившей в квартире, а наоборот, когда такие посещения почему-либо сокращались, бывала недовольной. Как правило, в беседах она участвовала редко, но неиз-

менно по просьбе присутствующих с удовольствием садилась за рояль, воодушевленно исполняла «Марсельезу» или аккомпанировала при общем пении народных и студенческих песен.

Иногда такие встречи проводились на квартире Петра Лебедева. Впрочем, предоставим место строкам из донесения начальника Саратовского охранного отделения в департамент полиции:

«Прибыв в г. Саратов в сентябре 1900 г., Лебедев с первых же дней обратил на себя внимание сношениями с политически неблагонадежными лицами, а 18 ноября того же года в его квартире происходила сходка... Учрежденным, вследствие сего, за деятельностью Лебедева секретным наблюдением было установлено, что, помимо сношений с Крафтом и Хатемкиной, он поддерживал особо близкие сношения с... Сергеем Сомовым, бывшим студентом Александром Алексеевым Архангельским и сестрой последнего — Надеждой Архангельской» [5].

Постепенно складывался в Саратове костяк студенческой молодежи марксистского направления. Одним из тех, кто всеми силами способствовал этому, был Петр Лебедев.

Располагая обширными связями, Петр умело подыскивал помещения для явок и сходок. Никто лучше его не мог собрать деньги, требовавшиеся для ведения пропаганды и других целей. Он буквально горел желанием активно действовать, нести в массы идеи марксистского учения. Но Петр понимал, что для этого требовалось в первую очередь создать в городе центральную организацию, которая могла бы взять на себя руководство ширившимся социал-демократическим движением, отдельными рабочими кружками, существовавшими на ряде предприятий города.

Придавать широкую огласку задуманному Петр не хотел, поэтому, наметив наиболее близких по взглядам товарищей, решил посвятить их в свои планы. Первым, кому он высказал такое намерение, был Сергей Фофанов, которого знал еще по гимназии как серьезного, вдумчивого и деятельного юношу. Сергей к этому времени уже имел опыт работы в социал-демократической группе, разгромленной в августе 1899 года, а также немалую практику проведения занятий в социал-демократических кружках металлообрабатывающего завода Беринга и сталелитейного завода, выступлений с докладами и лекциями на загородных сходках рабочих, выпуска прокламаций, листовок и журнала «Саратовский рабочий» *.

* Журнал «Саратовский рабочий» издавался в 1899 г. местной социал-демократической группой; вышло два номера.

Сергей Фофанов горячо поддержал предложение Петра Лебедева, так как и сам давно думал о необходимости объединения. Они обсудили кандидатуры будущего комитета, наметили его первые шаги. На организационном собрании, состоявшемся весной 1901 года, был создан первый Саратовский социал-демократический комитет, в состав которого вошли кроме его инициаторов Н. А. Архангельская, В. А. Фоминых и некоторые другие. Тут же были распределены обязанности. Лебедеву поручили связь с интеллигенцией и финансовую работу. Правда, на практике строгого разделения обязанностей не придерживались: каждый делал, что мог, отчитываясь на очередных заседаниях комитета за весь объем выполненной работы.

Первым делом решили объявить о создании комитета, выпустив листовку с изложением в ней своих целей и задач. К печатанию листовки были привлечены буквально все члены комитета, так как приобретенный для этого передвижной резиновый шрифт «Победа», предназначавшийся для изготовления небольших оттисков в 3—5 строчек, требовал немалых усилий, чтобы напечатать хотя бы небольшой текст. Качество листовки вследствие такого примитивного печатания получалось неважное, но все комитетчики были счастливы: сделан первый практический шаг на пути создания общегородской партийной организации.

После изготовления и распространения листовки партийный комитет занялся приобретением марксистской литературы, в которой ощущалась большая нужда. Кое-что удалось собрать из тайников членов комитета и сочувствующих товарищей.

Большую роль в налаживании связей с ведущими предприятиями Саратова сыграло введение в партийный комитет рабочих С. И. Канатчикова, К. И. Плаксина и других.

Усиливавшийся рост забастовочного движения требовал решительного перехода от просветительской и пропагандистской работы к политической агитации. Для этого необходимо было усовершенствовать печатное дело, чтобы обеспечить выпуск достаточного количества листовок и воззваний. Через печатников удалось раздобыть настоящий типографский шрифт. Теперь нужно было подыскать подходящее помещение и нужных для подпольной работы людей. Налаживание подпольной типографии партийный комитет поручил Петру Лебедеву.

Вскоре типография заработала. Кто бы мог подумать, что расположена она в старомодной, аккуратно прибранной двухкомнатной квартирке живущей на пенсию вдовы, которую с некоторых пор стал регулярно посещать по вечерам всегда опрятно одетый то ли приказчик, то ли заводской служащий. На са-

мом деле «вдова» исправно выполняла обязанности наборщицы, а ее «ухажер» — высококвалифицированный печатник — выдавал за вечер по 500 и более экземпляров нужного текста, заранее отредактированного в партийном комитете. Все изготовленное в подпольной типографии относилось в определенное место, установленное Лебедевым, а затем переправлялось на склад комитета для последующего распространения.

При соблюдении жесткой конспирации печатное предприятие саратовских социал-демократов смогло беспрерывно функционировать в течение года. Распространением агитационных листовок и воззваний занимались, как правило, специально подбираемые лица. Не раз приходилось расклеивать их в общедоступных местах, бросать в открытые окна работавших по ночам предприятий и самому руководителю подпольной типографии Петру Лебедеву.

Свидания с Зиной чаще всего заканчивались за полночь. Того требовало ответственное задание партийного комитета: они гуляли по улицам города до тех пор, пока у Петра не оставалось в грудном кармане ни одной листовки.

Однажды он пришел к ней радостно возбужденный. О том, что им предстоит сегодня нелегкое дело, Зина догадалась сразу: Петра выдавали глаза. Она подошла к нему и протянула руку:

— Здравствуй... Я готова идти с тобой. Только не таи, говори, что принес... По счастливым глазам твоим вижу: принес что-то важное.

Петр с благодарностью глянул на нее и жестом руки показал на грудь:

— Здесь полторы сотни листовок, где перепечатана статья из «Искры» *. Нужно распространить их сегодня...

Они вышли на улицу. Теплый ветерок чуть заметно трепетал в кронах высоких тополей. Над городом — чистое звездное небо. Лишь на западе вспыхивали багровые сполохи. И было в этом августовском вечере нечто такое, отчего тревожно и радостно замирало сердце.

— Зина, прости, но иногда я боюсь за тебя. Понимаешь ли ты всю степень риска, опасности?..

Петр остановился, не выпуская ее руки, и Зина почувствовала, как нервно дрогнули его пальцы.

— Я все понимаю, Петя... Не беспокойся за меня. И верь мне до конца.— Она минуту помолчала и тихо закончила:—

---

* Первые номера «Искры» появились в Саратове в начале 1901 г. Вскоре через агентов газеты В. П. Арцебушева, М. П. Голубеву, Е. В. Барамзина она стала поступать довольно регулярно.

Пойми, меня связывает с тобой не одно лишь чувство, у нас — общее дело. В этом, поверь, я даю себе полный отчет.

— Прости. Я просто под впечатлением последних событий в нашем комитете.

С некоторых пор в Саратовском комитете РСДРП началось размежевание сил. Оно проходило под влиянием «Искры». Противники направления, которое проповедовала газета, остались на позициях «экономизма». Более того, они, объединившись с эсерами, повели яростную борьбу против «Искры» и ленинского плана построения марксистской партии. Другие члены партийного комитета, среди которых был Петр Лебедев, решительно проголосовали за поддержку «Искры» и выделение для нее своих партийных средств.

— Увы, как ни горько, но мои пути расходятся даже с когда-то близкими друзьями юности, — продолжал Петр. — Ты ведь знаешь Надю Архангельскую?.. Теперь мы в разных станах. Она, как и некоторые другие, среди тех, кто ищет поддержки у либералов...*. Но пусть нас меньше. Мы выстоим в этой борьбе, потому что с нами — правда. За нее стоит драться.

Петр и Зина спустились по Никольской улице к Волге. Сегодняшние листовки предназначались для рабочих мельницы и гвоздильного завода. В этом районе они бывали не раз, а потому знали все закоулки. Прежде всего несколько листовок они перебросили через забор мельничного двора — к утру, когда станет светло, рабочие разнесут их по домам и кто-то, быть может, впервые задумается о справедливости.

Вечер складывался, как никогда, удачно. Оставив Зину на углу просматривать улицу, Петр смог расклеить искровскую статью вблизи проходной завода. Можно было бы возвращаться домой, но Петр предложил зайти в рабочую слободку: у него оставалась еще небольшая стопка листовок.

Улица, где по обе стороны лепились лачуги рабочих, была неосвещенной. Лишь кое-где керосиновые лампы окрашивали окна в желто-розовый цвет. Слободка готовилась ко сну.

Они прошли по правому порядку улицы, не пропустив ни одного почтового ящика. Потом перешли мостовую и повернули обратно. Иногда в каком-нибудь дворе неожиданно взлаивала собака, и тогда они торопились отойти отсюда.

— Сто тридцать пять... Сто тридцать шесть, — тихо сообщал Петр. — Осталось четырнадцать...

У него осталось всего три листовки, когда Зина услышала

* После II съезда РСДРП Н. А. Архангельская — меньшевичка.

чьи-то шаги. Человек шел в их сторону, и по тому, как цокали подковы его сапог по булыжной мостовой, стало ясно: полицейский. Бежать было уже поздно: от жандарма их отделяли несколько метров.

Петр быстро сунул оставшиеся листовки в щель почтового ящика, привлек Зину к себе.

— Рядом твой дом. Я провожаю тебя...

Он положил руки на ее плечи, неумело обнял ее и прошептал на ухо:

— Ты не бойся. Все будет хорошо. Ведь я рядом с тобой. Все будет хорошо, милая...

Она стояла, прислонившись спиной к забору, и через плечо Петра следила за полицейским. Увидев их, он перешел с мостовой на тротуар, стараясь подойти поближе. Чуть поодаль он замедлил шаги, и теперь удары подков стали глухими. Видно, он раздумывал: остановиться ему или идти дальше?

Петру казалось, будто он слышит, как трепетно бьется сердце Зины, переполненное ужасом. Он не знал, чем успокоить ее, и только шептал:

— Милая...

Кажется, сначала кожей затылка он почувствовал, что полицейский уходит, а потом только услышал его удаляющиеся шаги. То, что опасность миновала, поняла и Зина. Она вдруг, обессиленная, прижалась к Петру, словно ища его помощи, подтверждения мысли о спасении. Приподняв лицо, молча смотрела она на него широко открытыми глазами. Петр наклонился к ней и прикоснулся губами к ее щеке.

— Милая... Я люблю тебя.

* * *

Приближался май 1902 года. Вопрос о проведении открытой политической демонстрации обсуждался на тайных загородных рабочих собраниях, на которые собиралось до ста и более человек. Решения об устройстве такой демонстрации были единодушными.

В течение нескольких дней перед рабочим праздником Лебедев был полностью поглощен выпуском воззвания к рабочим и всем гражданам, в котором кроме сообщения о предстоящей демонстрации содержались объяснения ее значения, призыв к поддержке, указание места сбора — Соборная площадь. Устно же рабочим было передано, что сбор назначен на Верхнем базаре. Рабочие ждали своего праздника с приподнятым настроением.

5 мая, в воскресенье — демонстрацию решено было провес-

ти в выходной день, — к 12 часам Верхний базар заполнился до отказа: такого множества людей здесь ранее никогда не видели... Проталкиваясь сквозь толпу вместе с Сергеем Косовичем, у рекламной тумбы Петр неожиданно встретился с Зиной. Вечером накануне он просил ее не приходить на базар: столкновение с полицией было неизбежно, но...

— Не беспокойся, Петр. Со мной ничего не случится. — Зине было неловко оттого, что она не сдержала вчерашнего обещания. Она окинула взглядом многолюдную площадь и со вздохом добавила: — Ну как же я могла в такой день остаться дома. Ты только взгляни...

— Береги себя. Я прошу...

Базарная площадь гудела как улей. Рабочие, собравшись отдельными группами, горячо обсуждали свои дела. Иногда из общего гуда, каким переполнялась площадь, вырывались отдельные слова:

— Довольно терпеть...

— Встанем грудью за свои права...

— В кабале у хозяев не будем.

— Если вместе... силища...

— Запевай нашу, пролетарскую...

В стихии гнева, ненависти и мести было столько решимости, что, казалось, невозможно ни удержать, ни направить эту огромную силу в нужное русло. Настало время действовать — таково было единодушное мнение членов партийного комитета, собравшихся в центре базарной площади.

Убедившись, что все готово, Петр тронул за руку стоявшего рядом Косовича. Тот быстро выхватил из-за пазухи полотнище сшитого накануне красного знамени, прикрепил его к древку, и вот оно уже развевается на упругом майском ветре высоко над головами людей. Одни с ликованием, некоторые с ужасом прочитали на нем: «Долой самодержавие!» Вслед за первым появились и другие знамена с лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «8-часовой рабочий день!». Было поднято и еще одно знамя — с крепом: его развернули социалисты-революционеры в память о только что казненном Степане Балмашеве, застрелившем 2 апреля в Мариинском дворце Петербурга в знак протеста против правительственных репрессий министра внутренних дел Сипягина.

Знамена поплыли над толпой, и люди, подчиняясь их властному движению, сплачивались в шеренги, образуя единый мощный поток. Выйдя с территории базара, демонстранты дружно запели. Без помех они прошли Театральную площадь и Александровскую улицу. Когда же приблизились к Немецкой, шед-

шие впереди столкнулись с заслоном солдат и полицейских, которые, врезавшись в колонну, начали зверское избиение рабочих: били прикладами, ножнами, нагайками — всем, что было в руках. Демонстранты в меру своих сил отбивались.

Огромный и сильный Косович одетых в мундиры буквально разбрасывал в стороны, но вскоре одолели и его. Один из полицейских попытался овладеть знаменем, однако внушительной силы удар Петра Лебедева не позволил ему этого сделать. Знамя освободили от древка и спрятали. Отбиваясь от наседавших полицейских, Петр обернулся назад, ища глазами в толпе красную косынку Зины. Сильный удар прикладом в голову свалил его на тротуар...

Безоружные участники демонстрации не могли продержаться долго: около 70 человек было арестовано, другим удалось скрыться. Избежал ареста и Лебедев: придя в себя, он затерялся в одном из дворов.

Лишь поздно ночью он вернулся домой, тяжело переживая арест многих товарищей. И все-таки Петр почувствовал себя счастливым: сегодня была одержана еще одна значительная победа. Он понимал: первомайская демонстрация, так напугавшая местные власти, явилась крупным политическим событием. Она показала силу саратовского пролетариата, рост его классового сознания. Она не могла не оказать влияния на все слои населения города. А это значило, что завтра на место вырванных из рядов социал-демократов встанут новые борцы за народное дело.

* * *

Через два дня Петр встретился с Зиной у нее на квартире.

— В колонне демонстрантов тебя видели многие. Если кто-либо сообщит об этом в полицию, не избежать ареста. Нужно что-то предпринимать.

Зина ходила по комнате, зябко кутаясь в наброшенный на плечи платок, вопросительно глядела на Петра. Он молчал.

— Предпринять практически ничего нельзя, — прервал долгое молчание Петр.— Разве только попытаться куда-нибудь уехать и выждать.

— В твоем положении поднадзорного без разрешения уехать невозможно. Такой отъезд сам по себе — повод для ареста.

— Да, я понимаю... Однако товарищи по комитету настаивают на моем отъезде. Предлогом для выезда может служить, скажем, ухудшившееся здоровье. Кстати, они достали для меня соответствующую справку о необходимости лечения.

— Пожалуй, в этом есть резон. Надо поторопиться с просьбой о разрешении выезда. Затягивать с этим — значит увеличивать риск. — Зина остановилась у окна и, резко повернувшись, спросила: — Но куда?.. У тебя ведь обязательно спросят твой новый адрес.

— Скорее всего в Эриванскую губернию. В местечке Камарлю живет Мария, моя старшая сестра. Ее муж — офицер военной бригады. Я бы смог пожить у них месяц-другой...

— Ах, Петр, как тяжело мне будет в разлуке с тобой. Но это единственный способ уберечь тебя...

Вопреки всем сомнениям просьба Лебедева была удовлетворена. Он, не медля, уехал на юг. Дав согласие на выезд, департамент полиции предложил Саратовскому губернскому жандармскому управлению сообщить в Эривань все необходимые сведения о Лебедеве с тем, чтобы за ним сразу же по приезде было установлено соответствующее наблюдение. Это было немедленно исполнено. В поле зрения эриванской жандармерии оказались его поездки в селение Ахары Сурмалинского уезда и другие места, где он побывал, знакомясь с пейзажами и достопримечательными местами неизвестного ему горного края. Постоянно чувствуя за собой слежку и болезненно перенося оторванность от товарищей, Петр скоро затосковал и, не дожидаясь истечения двух месяцев, покинул Эриванскую губернию, предварительно отметившись в жандармском управлении, что возвращается в Саратов.

На самом же деле Лебедев уехал в Петербург, чтобы узнать, чем дышит столица, что нового произошло там. В Питере ему стало известно, что недавно состоялось общегородское собрание представителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», местной группы «Искры» и «Рабочей организации», высказавшихся за поддержку «Искры»; вскоре после этого образовался новый состав Петербургского комитета РСДРП искровского направления. Здесь он узнал и о том, что в Лондоне В. И. Лениным проведено совещание с представителями социал-демократических организаций России, на котором выработан единый план действий по подготовке II съезда РСДРП. Здесь же Петр Александрович принял поздравления друзей с его переизбранием (в период отъезда) в Саратовский комитет, в который кроме него вошли Е. В. Барамзин, М. П. Голубева, Н. Г. Смидович и другие. Через несколько дней Лебедев отправился в Саратов, горя желанием немедленно включиться в работу.

В осенние дни 1902 года здесь его часто можно было видеть на массовках, в кружках, на собраниях социал-демократических

групп, где он выступал с разъяснениями положений ленинского проекта Программы партии. Распространение и разъяснение этого документа способствовало и вскоре привело к объединению фабрично-заводских социал-демократических групп в единую организацию.

Дело арестованных участников первомайской демонстрации, как стало известно, назначалось к слушанию в Саратовской судебной палате на 4 ноября. Ожидалось, что обвиняемых привезут в Саратов из Самарской тюрьмы в конце сентября. Саратовским комитетом РСДРП было решено организовать встречу арестованных на вокзале и этим выразить им свою солидарность.

Начальник Саратовского охранного отделения доносил об этом в департамент полиции так:

«Будучи солидарным с привлеченными по делу этой демонстрации лицами, Лебедев находился 28 сентября 1902 года на пассажирском вокзале в толпе лиц, встречавших 11 обвиняемых по этому делу, которые были привезены из Самарской губернской тюрьмы в г. Саратов к предстоявшему разбирательству их дела в Саратовской судебной палате, причем, вместе с другими встречавшими, в большинстве поднадзорными лицами, приветствовал прибывших... по отвозе последних в губернскую тюрьму все встречавшие отправились в квартиру присутствовавшей с ними на вокзале... Елизаветы Дьяковой, где пробыли до 2 часов ночи» [6].

Приближался день начала процесса. Опасаясь, что во время процесса могут быть устроены политические выступления, полиция решила прибегнуть к массовым арестам, чтобы разгромить местную социал-демократическую организацию. В ночь на 1 ноября было произведено не менее 100 обысков, в результате чего еще 34 социал-демократа оказались в тюремных застенках. Вызвали в жандармское управление и Лебедева (при обыске у него ничего не обнаружили), где объявили, что срок гласного надзора и запрещение жительства в столицах и столичных губерниях, назначенный ему по высочайшему повелению до 19 декабря 1902 года, продляется еще на год.

Но ни арестами, ни принятием дополнительных мер к поднадзорным разгромить социал-демократическую организацию полиции не удалось. Лебедев и другие товарищи, оставшиеся на свободе, не только не прекратили свою деятельность, а, наоборот, усилили ее, работая за себя и за тех, кто оказался в неволе.

В зал судебного заседания Петру попасть не удалось: пускали по специальным билетам. О ходе процесса пришлось узнавать от знакомых газетчиков, допущенных в качестве репортеров, а также от родственников обвиняемых. Большинство под-

судимых вело себя на процессе мужественно и стойко. В своих речах они разоблачали царское самодержавие как главного врага рабочего класса и всего трудового народа, утверждая, что на демонстрацию вышли сознательно, так как считают это своим правом. Особенно страстной и проникновенной была речь молодого рабочего П. И. Воеводина, воспроизведенная потом в агитационных целях в нелегальной печати. С достоинством и глубокой верой в правоту своего дела звучали слова рабочего В. П. Ефимова, интеллигента С. М. Фофанова и ряда других.

Суд вынес суровый приговор: многие были приговорены к длительному тюремному заключению или к ссылке на вечное поселение.

В ходе процесса и по его окончании Петр Лебедев участвовал по поручению комитета в составлении листовок. В одной из них говорилось: «Вам не вырвать корней революции, против вас не отдельные личности, не отдельные кружки... а вся революционная масса сознательных рабочих»[7]. Другая листовка комитета, выпущенная в ответ на судебную расправу с демонстрантами, гласила, что растерянность судей и «сама жестокость мести должны внушать нам непоколебимую уверенность в том, что час свободы пробил и что, побежденные сейчас, мы завтра победим»[8].

* * *

Пусть простит читатель то обстоятельство, что за стремительностью политических и общественных событий, в центре которых находится герой нашей повести, порою невольно упускаются детали его личной, частной жизни. Ведь именно к этому времени относится женитьба Петра Лебедева на Зинаиде Андреевой. В день свадьбы они поклялись друг другу сохранить любовь на долгие годы и пронести ее через все испытания, которые ждали их на тернистой дороге борьбы. Они верили в будущее.

Работать в Саратовской социал-демократической организации Лебедеву становилось все труднее и труднее: беспрерывная, неотступная слежка, обыски, частые приглашения в полицию для отметок и назиданий, сопровождавшихся угрозами. Он отдавал себе отчет в том, что такое внимание полиции к нему может причинить вред организации: требовалась перемена местожительства. Понимали это и члены комитета, а потому советовали, если удастся, получить разрешение «переменить климат». Еще осенью Петр Александрович послал письмо в Новороссийский университет с просьбой о зачислении его с января 1903 года

в число студентов для продолжения образования. Заместитель ректора этого университета отправил в департамент полиции запрос с просьбой выдать справку о политической благонадежности Лебедева. Ответ, поступивший в начале января, был отрицательным. Из департамента полиции писали: «Лебедев продолжает вести сношения с лицами неблагонадежными в политическом отношении... Политическая благонадежность... удостоверена быть не может» [9].

Узнав об этом, Петр Александрович едет в Петербург и 16 января подает директору департамента полиции прошение, в котором содержалось обжалование решения о продлении ему срока высылки и одновременно просьба о разрешении проживания в Петербурге.

«19 сентября 1900 г., по освобождении от предварительного заключения, — писал Петр Александрович , — я был выслан в г. Саратов, где и пробыл до окончания следствия, а затем там же отбывал определенное мне наказание — 1 год гласного надзора. Таким образом, мне пришлось пробыть в г. Саратове почти 2,5 года, и все это время в материальном отношении было временем самых тяжких лишений. Г. Саратов с давних времен служит местом высылки лиц, подвергавшихся административным мерам, в последнее же время число таких лиц особенно велико.

Ввиду невозможности для них занимать какие-либо должности на государственной или общественной службе, а также благодаря отрицательному отношению лиц, занимающих видное общественное положение, на долю административно высланных остается лишь случайная работа. Благодаря большому спросу на нее, работа эта оплачивается крайне низко» [10]. Далее Петр Александрович указал, что в Петербурге проживают его близкие родственники: Н. И. Лебедев — брат умершего отца, М. М. Вердеревская — сестра матери, А. И. Ильин и другие, у одного из которых он мог бы жить вместе с женой Зинаидой Ивановной, оканчивающей в этом году фельдшерскую школу.

Прошение отклонили. Чтобы иметь возможность пробыть в Петербурге еще несколько дней (нужно было достать необходимую литературу, побывать на конспиративных квартирах, повидать друзей по университету), Петр Александрович пишет одно за другим еще два прошения: срок проживания в столице «для ожидания ответа» ему продлевался каждый раз на семь дней.

В одном из документов этого времени полиция зафиксировала, что Лебедев, временно проживая в Петербурге, встречался с членами студенческой организации и был на их собрании, где обсуждался вопрос о подготовке очередного протеста (с 1899 го-

да это стало традицией) в день торжественного акта университета.

Приобретая нелегальные издания, Петр Александрович стремился достать свежие номера «Искры». В № 31 этой газеты он прочитал в первую очередь открытое письмо Саратовского комитета об официальном признании «Искры» своим руководящим органом. В письме, текст которого был принят после детального обсуждения незадолго до его отъезда из Саратова, говорилось о необходимости размежеваться с теми, кто делал ставку на буржуазию, не понимая или не желая понимать, что основной революционной силой является рабочий класс. В нем подчеркивалось, что готовить трудящиеся массы к решающим схваткам с самодержавием должна сильная и сплоченная социал-демократическая рабочая партия. В следующем, только что полученном в Питере номере Лебедев ознакомился с извещением об образовании Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП...

Истекали последние дни отсрочки, полученной 30 января с пометкой, что дается «в последний раз». Очередной отказ не расстроил — всерьез Петр Александрович и не надеялся на другое решение, более того, он был удовлетворен поездкой: прожил в Петербурге почти месяц, многих повидал, запасся литературой, узнал о последних политических событиях и еще больше уверовал в правоту действий своих соратников. Лебедев вернулся в Саратов.

Чтобы наглядно представить себе, что же было дальше, заглянем еще в одно донесение саратовской охранки:

«Весною 1903 года Лебедев был замечен в сношениях с главными агитаторами среди местных рабочих, подготовлявшими первомайскую демонстрацию... и распространявшими в большом количестве революционные издания, из коих рабочий Александр Киреев 30 апреля был задержан на улице с 460-ю экземплярами воззваний «Первое мая», вынесенных им из того дома, где квартировал Лебедев, почему у последнего в тот же день был произведен обыск, оказавшийся, однако, безрезультатным» [11].

Несмотря на огромную занятость, Лебедев выкраивал время и для агитационной работы в деревне. Он давал соответствующие задания выезжавшим в деревни и села рабочим, учителям, некоторым земским служащим. Нередко и сам отправлялся в сельскую местность, чаще всего — в Мариинскую волость. Проехав около часа по железной дороге, остальной путь в несколько верст проходил пешком. Рано утром устраивали где-либо в лесу массовку. Крестьяне с интересом выслушивали речи не только против помещиков, но и против царя. Тон в беседах за-

давали, как правило, пожилые крестьяне — в этом заключалось одно из отличий от работы в городе, где инициаторами были более молодые рабочие, старые же нередко, наоборот, тормозили агитационно-пропагандистскую работу.

Дом № 49 на углу Гимназической и Царицынской улиц, где поселилась молодая чета Лебедевых, стал объектом пристального внимания агентов охранного отделения. Они неусыпно вели слежку за хозяевами и гостями дома, периодически делая в нем обыски. И только искусство конспирации, которым обладал Петр Лебедев, уберегало его и товарищей по партии от ареста.

Безрезультатные обыски лишь озлобляли жандармов. И они с утроенной энергией следили за Лебедевым, собирая обвинительный материал. Осенью девятьсот третьего года агентурные сведения указывали на него, как на активного члена Саратовского комитета Российской социал-демократической партии, исполнявшего в комитете обязанности секретаря.

Жандармы стремились проконтролировать каждый его шаг:

«22 ноября вместе с Соловьевым, Смидовичем и Борисовым был (П. А. Лебедев. — *авт.*) на собрании интеллигентов, продолжавшемся 3 часа, а затем отправился на очередную сходку «Рабочего комитета», происходившую в квартире рабочего Пронина» [12]. Но многое для них оставалось, конечно, неизвестным.

К этому времени в Саратов поступили материалы об итогах работы II съезда РСДРП. Саратовский комитет вынес резолюцию о том, что он признает все постановления съезда, подчиняется учреждениям партии и будет бороться со всеми действиями, дезорганизующими партию.

Среди тех, кто сразу встал на большевистские позиции, был и Петр Александрович Лебедев.

* * *

В конце декабря 1903 года истекал срок официального гласного надзора. Вместе с тем Лебедев понимал, что если он уедет из Саратова, то полиция все равно не оставит его в покое, где бы он ни находился. И все же перемена местожительства представлялась необходимой: филеры стали ходить буквально по пятам.

Встретив в кругу родных и близких друзей новый, 1904 год, Лебедевы стали собираться в дорогу. Наметили, что сначала поедут, для отвода глаз, в Одессу, затем — в Киев.

17 января они были уже в Киеве. Вскоре удалось снять небольшую, но уютную комнатку в доме № 67 по Владимирской улице. С работой было сложнее. После долгих мытарств Петр

Александрович устроился наконец служащим в управление Юго-Западной железной дороги, однако, ненадолго: его уволили, как лицо, которому отказано в выдаче свидетельства о политической благонадежности, не внесшее, к тому же, пожертвование на ведение войны с Японией, начавшейся в конце января. После этого Лебедев пытался поступить в земское страховое общество рядовым агентом — отказали по тем же причинам.

Лебедевы жили на скудные средства от случайных заработков, нередко голодали, но унынию не предавались. Более того, в крайне трудных условиях молодая чета активно включилась в работу местной социал-демократической организации. Кроме партийной клички «Пьер» здесь Петру Александровичу дали еще одну — «Орловский», но не товарищи по партии, а филеры Киевского охранного отделения. Попала в поле зрения охранки и Зинаида Ивановна, которая проходила в донесениях под кличкой «Голубка». Оба они были взяты под наблюдение, как лица, распространяющие нелегальные социалистические издания. Когда слежка стала хронической, Лебедевы решили покинуть Киев.

На вокзал их пришли проводить товарищи. Среди них Петр Александрович увидел и Надежду Савич. С ней и ее мужем Лебедевы встречались в Киеве не раз. И часто, когда к этому располагали обстоятельства, Петр и Надежда вспоминали Петербург, свидания в доме предварительного заключения. Эти воспоминания были дороги Петру, поскольку они связывали его с юностью, с началом пути, продолжением которого являлась вся его нынешняя жизнь.

В пламени пролетарской борьбы

1905 год застал Петра Александровича и Зинаиду Ивановну в пути: они ехали в Петербург...

Знакомые улицы столицы воскресили в памяти Петра студенческие годы, юридический факультет университета, с которым пришлось расстаться почти пять лет назад, первые шаги в революционном движении. Встречи со знакомыми ввели в курс петербургской жизни.

3 января Лебедевым стало известно, что в ответ на отказ восстановить на работе четырех рабочих и убрать с завода инициатора этого увольнения мастера Тетявкина, тринадцатитысячный коллектив путиловцев объявил забастовку, которую сразу же поддержали рабочие Франко-Русского, затем Невского судостроительного, металлического заводов, Невской бумагопрядильной и Екатерингофской мануфактур. По призыву Петербургско-

го комитета партии, принявшего меры к распространению стачки, забастовали предприятия Шлиссельбургского района, Обуховский и ряд других заводов. К вечеру 7 января забастовкой было охвачено более 130 тысяч рабочих Петербурга. Стачка стала всеобщей.

Для подавления стремительно разраставшегося движения по указанию правительства спешно были приведены в боевую готовность многочисленные войска, расквартированные в Петербурге и его предместьях, и, кроме того, вызваны дополнительные воинские силы из Пскова и Ревеля.

В это же время глава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» Гапон выступил с провокационным предложением организовать шествие к Зимнему дворцу для вручения царю петиции с требованиями рабочих. При обсуждении проекта петиции, составленного подвизавшимся возле Гапона сотрудником «Саратовского листка» Матюшинским, по предложению представителей Петербургского комитета РСДРП в петицию вносились политические требования, в результате чего это обсуждение приобрело явно политический характер. Одновременно большевики всячески пытались удержать рабочих от шествия к дворцу, предупреждая, что Гапон поведет их под штыки и пули.

8 января партийный комитет выпустил прокламацию «Ко всем петербургским рабочим», в которой говорилось, что просить царя о свободе бесполезно, так как свобода завоевывается с оружием в руках. В тот же день руководящий орган столичных большевиков обратился с листовкой к солдатам, призвав их не стрелять в народ и переходить на его сторону. И все же вера многих рабочих в царя не позволила предотвратить шествие. Поэтому было принято решение участвовать в нем, чтобы использовать его в политических целях, а при благоприятной ситуации и возглавить выступление, если оно приобретет революционный характер.

К шести часам утра 9 января представители Петербургского комитета партии находились в закрепленных за ними районах, откуда колонны рабочих должны были двигаться к Зимнему дворцу. На место сбора трудящихся Невского района прибыл и Петр Александрович Лебедев. Невский район, где располагались крупнейшие предприятия Петербурга — Семениковский судостроительный, Ижорский оружейный, Обуховский сталелитейный, Петр Александрович знал хорошо, так как среди рабочих этого района, отличавшихся своей организованностью, а также среди трудящихся Выборгской стороны несколько лет назад он вел революционную пропаганду.

Около девяти часов утра колонны рабочих торжественно направились к центру города. В одной из колонн шел и Лебедев. Сначала казалось, что все обстоит благополучно: встречавшиеся на пути полицейские не делали никаких предупреждений. Однако у Невской заставы головная колонна остановилась, послышались крики, редкие выстрелы. Но попытка воинского подразделения задержать здесь рабочих оказалась неудачной: многим, в том числе и Лебедеву, удалось пройти на Невский проспект, а затем к Александровскому саду, примыкавшему к площади Зимнего дворца.

Более тревожные вести принесли путиловцы, которые рассказали, что, когда подошли к Нарвской заставе, по ним в упор и без всякого предупреждения солдаты дали ружейный залп боевыми патронами, в результате чего было убито и ранено несколько десятков человек. Пулями были встречены и колонны рабочих Петербургской стороны и Васильевского острова.

Рабочие всех районов прорывались к Зимнему дворцу, рассчитывая, что там в них стрелять не будут. Тем не менее у царской цитадели они увидели значительно большее скопление войск, чем у районных застав. Основная масса прибывших сюда людей сосредоточилась у Александровского сада, у Невского и Адмиралтейского проспектов, а также непосредственно напротив дворца, оцепленного густыми рядами пехоты и казачьими разъездами. Напряженную тишину нарушал лишь периодический бой адмиралтейских часов. Когда же стрелки приблизились к двум, раздался скрежещущий звук армейского рожка и сразу прогремел залп, потом второй, третий. Люди, находившиеся в первых рядах, повалились на мостовую.

Временное замешательство вскоре вылилось в страстное негодование. Как бы прозрев, люди вдруг поняли, что нет у них больше «царя-защитника», что они предательски брошены на произвол братоубийц и им остается только одно — самозащита. Началось беспощадное избиение военных... На Невском, недалеко от Морской, возник митинг.

Поднявшись на чугунную решетку забора, Лебедев вскинул над головой руку:

— Товарищи! Еще вчера многие из нас верили в царскую милость. Сегодня эта вера расстреляна самодержавием. Вера утоплена в крови тысяч убитых и раненых. Но у нас есть своя, рабочая, вера. Вера в то, что мы сможем добиться освобождения от тиранства. И мы добьемся его!..

— За оружие!..

— Долой самодержавие!.. Долой царя-душегуба!— послышалось из толпы.

— Настало время сказать свое слово рабочему люду России,— перекрыл шум толпы голос Лебедева.— Мы должны теснее сплотить ряды в борьбе за свое освобождение. Довольно терпеть насилие. Мы не хотим жить рабами. Хозяином должен стать рабочий человек. Будущее принадлежит ему...

Его голос неожиданно оборвался, и в наступившей тишине Петр Александрович почувствовал безмолвное требование людей продолжать говорить — облекать в слова мысли, которые казались им собственными, давно выношенными и, наконец, освободившимися из-под спуда угнетенности и страха. То же одобрение, призыв он прочел и в глазах Зинаиды Ивановны, стоявшей рядом с ним у чугунной решетки. Она ждала его слов.

— Это будущее завоевывается кровью. В нас хватит ненависти, чтобы разорвать оковы самодержавия. Большевики зовут нас с оружием в руках завоевать новый мир, где власть будет принадлежать пролетарию. Мы по-настоящему будем сильны, когда объединим не только свою ненависть, но и любовь... Любовь к свободе и справедливости. Любовь к будущему... Грудью же станем за это будущее. Время зовет нас вооружаться, строить баррикады, вступать в открытый бой с царем и его опричниками...

* * *

Под влиянием развернувшихся событий и агитации большевиков в столице остановились 625 заводов, фабрик и мастерских. Всеобщая стачка приобрела ярко выраженный политический характер. На митингах и собраниях повсеместно звучали слова: «Смерть или свобода!», «Да здравствует революция!»

Испугавшись размаха революционного движения, царское правительство вновь прибегнуло к давно испытанному средству — усилению репрессий. Начались массовые аресты.

Вскоре, однако, правительство приняло и иные меры. В середине января в газетах появилось сообщение, что министру финансов Коковцову поручено разработать вопрос о страховании рабочих и сокращении рабочего времени. А 19 января Николай II распахнул двери своей царскосельской резиденции перед так называемой «рабочей депутацией». Более того, спустя десять дней его указом была учреждена комиссия под председательством сенатора Шидловского «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в гор. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В ее состав кроме предпринимателей и чиновников предполагалось включить и представителей рабочих.

Петербургский комитет в связи с выборами в эту комиссию созвал совещание представителей 45 крупнейших предприятий, на котором было принято решение об участии в выборах с условием, что правительство обеспечит свободу слова, собраний, неприкосновенность личности и жилища рабочих (тогда это было немало), а также гласность работы комиссии. Для разъяснения указанных условий, с тем чтобы использовать предвыборную кампанию в политических целях, столичный партком направил на предприятия и в рабочие кварталы 60 агитаторов. Одним из таких агитаторов стал и Петр Александрович Лебедев.

5 февраля 1906 года в квартире большевика Богданова и проживающего вместе с ним Дмитриева состоялось совещание представителей крупнейших заводов Невского района: Обуховского сталелитейного, Александровского механического, Невского судостроительного и других. «В качестве интеллигентного руководителя,— указывается в донесении Петербургского охранного отделения,— на это совещание явился сотрудник газеты «Новая жизнь», бывший студент Петр Александров Лебедев...»[13].

Собравшимся рабочим Лебедев говорил о необходимости выбирать в комиссию сенатора Шидловского сознательных депутатов из числа членов местной социал-демократической организации, которые могли бы подробно изложить нужды рабочих и отстаивать требования как экономические, так и политические. На изложении последних требований Лебедев остановился особо: созыв Учредительного собрания, свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек, неприкосновенность личности, отмена косвенных налогов и замена их подоходными. Кроме того, как указывалось в донесении охранного отделения, Петр Александрович говорил о бесполезности войны с Японией[14].

На основании этого донесения на следующий день П. А. Лебедев был арестован.

В момент задержания при нем оказалась анкета, рекомендованная партийным работникам для опроса очевидцев о событиях 9 января. По пути в полицейское отделение Петр Александрович пытался бежать, но был настигнут и жестоко избит. Так ровно через пять лет (день в день) он вновь оказался в Петербургском доме предварительного заключения.

Вскоре его вызвали на допрос в ту же следственную камеру. На вопросы жандармского ротмистра Переверзева Петр Александрович ответил, что на собрание рабочих пришел как сотрудник газеты «Новая жизнь», имея намерение присутствовать при обсуждении вопросов, касающихся выборов в комиссию Шидловского, и поместить затем об этом заметку в газете.

Официально допрошенные следователем рабочие, присутст-

вовавшие на собрании, не дали показаний, которые уличали бы Лебедева в «побуждении... к ниспровержению существующего в России общественного строя». Тем не менее так было записано в предъявленном ему обвинении, основанном на доносе тайного агента охранки. Им оказался один из участников собрания.

Для того чтобы предать Лебедева суду, требовалось легализовать агента и допросить его в качестве свидетеля, на что охранное отделение не согласилось: оно, как бы компенсируя это, выдало еще один компрометирующий документ — справку о том, что в письмах, адресованных в Саратов, Лебедев часто посылал «преступные издания». Но разбираться с такими деталями у жандармского управления не было времени: в тюрьмах столицы находились сотни арестованных по делу о событиях 9 января.

А что же стало с комиссией Шидловского? 17 февраля после предъявления общегородским собранием выборщиков требований, сформулированных Петербургским комитетом РСДРП, правительство отказалось принять их, а выборщики, в свою очередь, заявили, что своих представителей в комиссию Шидловского при таком положении посылать не будут. В результате комиссии Шидловского так и не удалось родиться: 20 февраля состоялся указ о ее роспуске.

Во второй половине марта на основании так называемой «переписки» Лебедеву было предписано выехать на постоянное местожительство в Саратов. А вскоре начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Померанцев сообщил в департамент полиции, что в первых числах апреля Лебедев прибыл на место ссылки и за ним учрежден особый надзор полиции.

* * *

Очередной приезд Петра Александровича в Саратов совпал с периодом активной подготовки к первомайским выступлениям. День международной солидарности трудящихся предполагалось отметить проведением третьей в этом году массовой забастовки. 10 апреля Лебедев присутствовал на совещании, созванном партийным комитетом на Лысой горе. Было приглашено около 200 наиболее сознательных рабочих из числа металлистов, печатников, портных и ряда других профессий. Все выступавшие высказались за забастовку. В последующие дни на предприятиях города проводились собрания, на них пропагандисты разъясняли рабочим значение праздника международной солидарности для дела борьбы трудящихся за свои права, призывали активно поддержать забастовку.

К концу апреля в городе было распространено несколько тысяч экземпляров ленинской первомайской прокламации, в которой провозглашались большевистские лозунги о международном единении рабочего класса, о подготовке вооруженного восстания для свержения царизма и образования временного революционного правительства. По рукам ходили также листовки Саратовского комитета: «К рабочим», «К солдатам».

...1 мая Петр Александрович проснулся чуть позже обычного. В последнее время ему приходилось работать, прихватывая ночи. Так случилось и накануне: домой он пришел ранним утром, сокрушаясь быстротечностью майской ночи. Стараясь не шуметь, он быстро разделся и лег в постель. Но Зинаида Ивановна не спала. Она молча взглянула на мужа и, улыбнувшись, провела ладонью по его небритой щеке:

— Устал ты, Петя, осунулся.

Кому, как не ей, было знать, что в эти дни, когда город сотрясали революционные события, Петр Александрович должен был оставаться в центре — того требовали убеждения, суть всей его жизни. Ей хотелось оградить мужа от неосторожных шагов, дать ему силы выстоять в этой нелегкой борьбе. Она знала, что полиция не выпускала Петра Александровича из-под постоянного надзора и, стоило ему немного расслабиться, арест был неминуем.

Лебедева разбудил луч яркого майского солнца. И хотя сон не снял вчерашнюю усталость, на душе было светло и радостно. Наскоро перекусив и бросив на ходу Зинаиде Ивановне: «Встретимся в Парусиновой!» — Петр Александрович заторопился на улицу. Он зашагал в направлении Театральной площади, чтобы, попетляв по городу, ко времени прийти в назначенное место...

К 17 часам в Парусиновой роще собралось около двух тысяч человек. Торжественно развевались красные знамена. Их, правда, было пока немного, но, может быть, именно поэтому они показались ему еще более значимыми. На полотнищах плакатов были начертаны большевистские лозунги. Встретившись с Зинаидой Ивановной, Петр Александрович вместе с ней пробрался к импровизированной трибуне, где одно за другим звучали сопровождаемые одобрительным гулом выступления представителей и агитаторов городского комитета РСДРП, рабочих завода Беринга, других предприятий.

— Мы, рабочие Саратова,— говорил один из выступающих,— в день 1 Мая решаем бороться за свои права всеми средствами, вплоть до всеобщего восстания, за немедленный созыв Учредительного собрания, которое должно, опираясь на широкие

народные массы, гарантировать политические свободы, прекращение войны, уничтожение всех остатков крепостного строя и установление демократического порядка правления...

На другой день по призыву партийного комитета в городе началась массовая политическая забастовка. Ведущую роль в ней играли металлисты, железнодорожники и печатники. В той же Парусиновой роще 2 мая собралось более трех тысяч человек. На многолюдном митинге впервые в Саратове выступили и рабочие-женщины. Ощущение праздника не покидало Лебедева в этот день. Публичные выступления трудящихся убеждали его в том, что рабочие города значительно выросли политически, что идеи революционных социал-демократов о переустройстве общества глубоко укоренились в их сознании.

В результате проведенной стачки рабочие типографий и ряда заводов добились частичного удовлетворения экономических требований. Некоторые же предприятия были закрыты, а рабочие уволены; на прежних условиях пришлось приступить к работе железнодорожникам. И все-таки Петр Александрович не мог не радоваться: пролетарская борьба разгоралась все сильнее...

Политические выступления рабочих оказали влияние и на деревню. В майские и июньские дни в ряде деревень были проведены сходки, массовки и демонстрации явно революционного направления. Крестьяне стали захватывать помещичьи луга, леса, пруды, скот, хлеб, начались разгромы и поджоги поместий.

Усмирением крестьян непосредственно руководил губернатор Столыпин, разъезжавший по деревням с эскадроном драгун. За подавление восстаний в Балашовском уезде он получил благодарность от министра внутренних дел. Усердие Столыпина было замечено и выше: спустя некоторое время, когда народной крови прольется неизмеримо больше, он сам станет министром внутренних дел, а затем и председателем Совета министров.

В условиях бурного подъема революционного движения Петр Александрович много внимания уделял подготовке агитаторов и пропагандистов, в основном из числа рабочих. Наряду с проведением занятий в нелегальной партийной агитшколе, он составлял тезисы докладов и других выступлений,— размноженные на гектографе, они становились достоянием широкого круга агитаторов. И здесь Петра Александровича выручал опыт журналиста. Его агитационные материалы отличались убедительностью аргументации, образностью языка, публицистической яркостью. Они воспринимались как призыв к действию, к борьбе за права рабочих.

Активно участвуя в партийной работе, Лебедев не входил в то время в состав партийного комитета — в него он был избран

несколько позже. Саратовский комитет РСДРП, состоявший из 10 человек, имел в своем составе 4 большевика, 4 меньшевика и 2 неустойчивых. Возглавлявший комитет И. П. Гольденберг (Мешковский) являлся большевиком, но порой колебался, делал неоправданные уступки меньшевикам.

Этим объясняется то, что, обсуждая вопрос об отношении к решениям III съезда партии, комитет большинством голосов принял противоречивую примиренческую резолюцию, в которой хотя и говорилось об одобрении идейной позиции съезда и признании избранных им органов, но, вместе с тем, указывалось и на необходимость установления связи с меньшевистским центром. Резолюцию съезда по аграрному вопросу, требовавшую конфискации всех помещичьих земель, комитет признал неприемлемой, оставаясь, таким образом, на позициях программы II съезда, призывавшей на том этапе к борьбе за возвращение земель, отрезанных у крестьян после реформы 1861 года.

Постепенно, под влиянием разъяснений и непосредственной помощи Центрального Комитета, Саратовский комитет исправил эти отклонения от общей линии большевистской партии.

Существенную роль здесь сыграли перевыборы городского комитета РСДРП, проведенные в середине августа. В его новый состав, ограниченный шестью членами, вошло пять большевиков: А. Ветров, Н. Дюбюк, П. Лебедев, В. Обухов, А. Петров.

Саратовская партийная организация под руководством большевистского парткомитета, среди самых активных членов которого был Петр Александрович Лебедев, проделала большую работу по укреплению партийной дисциплины, вовлечению в партийную жизнь молодежи, налаживанию печатного дела, усилению влияния на крестьянские массы, дальнейшему росту политической сознательности трудящихся города и деревни.

Петр Александрович регулярно направлял на село агитаторов, сам нередко выезжал в сельскую местность. Находясь в загородных «командировках», он проводил сходы, собрания, митинги. С собой он привозил листовки, порой написанные им же, звавшие деревенскую бедноту следовать примеру рабочих — организовываться и вооружаться для решительной борьбы с самодержавием.

В Саратове Лебедев организовал Крестьянскую лигу, призванную служить тем же целям. Большое значение для поднятия политического уровня сельских жителей имела разработанная Саратовским комитетом программа для занятий в крестьянских кружках, охватывавшая широкий круг вопросов, увязанных с непосредственными нуждами и запросами деревни. Программа была напечатана затем в центральном органе партии —

газете «Пролетарий» — и оценена как удачный пример социал-демократической пропаганды среди крестьян.

Эту программу одобрил В. И. Ленин, указав, что она может служить полезным материалом для обсуждения практической стороны работы в деревне [15].

В актив Саратовского комитета следует отнести также то, что к осени 1905 года все десять уездов губернии были охвачены крестьянским движением (в среднем по европейской части России оно распространилось на треть уездов). В справке министерства внутренних дел об убытках, причиненных аграрными «беспорядками», Саратовской губернии отводилось первое место: убытки от захвата помещичьих угодий и разгрома имений составили здесь примерно треть всех убытков, понесенных землевладельцами 18 наиболее «неблагополучных» в этом отношении губерний.

Убедительным свидетельством влияния большевистской пропаганды в уездах Саратовской губернии являлось и то, что значительная часть крестьян, в первую очередь беднота, стала решительно выходить из-под эсеровского влияния, создавая свои революционные комитеты — зачатки новой революционной власти.

* * *

Проведенный в фельдшерской школе многолюдный митинг, на котором говорилось о необходимости энергичной подготовки по примеру Москвы к вооруженному восстанию, вызвал у местных властей большое беспокойство. На следующий день по городу было расклеено распоряжение о запрещении всяких митингов и собраний. Ожидалось прибытие дополнительных воинских сил, запрошенных Столыпиным. Во избежание захвата рабочими оружия, имевшегося в частных магазинах, власти распорядились об его изъятии и доставке в жандармское управление, что тотчас и было сделано. В ночь на 13 декабря 1905 года полиция устроила многочисленные обыски и аресты. Произвели обыск и у Петра Александровича, но, как это часто было, ничего не нашли.

15 декабря состоялось подпольное заседание недавно созданного Саратовского Совета рабочих депутатов, вынужденного в этих условиях перейти на нелегальное положение. Совет принял решение провести на следующий день, вопреки запрету, митинг и призвать рабочих к восстанию.

В назначенное время на Институтской площади собралось более двух тысяч человек. Одобрительно восприняв призыв ора-

торов поднять знамя восстания, участники митинга хотели идти к центру города, но на пути появились отряды казачьих войск.

Боевая дружина, охранявшая митинг, заставила казаков отступить, однако ненадолго. Выбрав удобную позицию, казаки открыли оружейный огонь, несколько десятков человек было убито и ранено. В этот ответственный момент Лебедев вместе с семнадцатилетним большевиком Георгием Ломовым (Оппоковым) поспешил к дружинникам, прикрывавшим отход демонстрантов. Они стали принимать меры к оказанию помощи раненым, к тому, чтобы не допустить несогласованных действий и обеспечить организованное отступление безоружных рабочих, уходивших от пуль в сторону рощи.

17 декабря Саратовская губерния была объявлена на военном положении. В тот же день полиция выследила и арестовала весь состав Совета рабочих депутатов.

С 20 декабря всеобщая стачка рабочих Саратова пошла на убыль. Дольше других бастовали рабочие гвоздильно-проволочного завода. В резолюции, принятой 29 декабря, они записали: «Нам не удалось свергнуть правительство... Но пусть оно не думает, что революционное движение подавлено. Становясь с сегодняшнего дня на работу, мы заявляем, что самым деятельным образом будем готовиться к вооруженному восстанию, которое сотрет с лица земли ненавистное нам царское правительство»[16].

А в делах саратовской полиции появилась еще одна запись, касавшаяся Петра Александровича: «...Лебедев принимал активное участие в агитации среди рабочих г. Саратова за устройство декабрьской политической забастовки и за необходимость вооруженного восстания»[17]. Но арестовать его полиция пока не решалась: прямых улик у нее не было.

* * *

В тяжелейших условиях наступавшей реакции Петр Александрович и его товарищи по партии, которым удалось избежать ареста, делали все возможное, чтобы не снижалась политическая активность трудящихся города и села: они, веря в подъем революции, писали и распространяли листовки, воззвания, использовали, где только возможно, живое пропагандистское слово.

После неудачной попытки наладить выпуск журнала «Воля» (он был закрыт по выходе первого номера) Лебедев с присущей ему энергией и настойчивостью стал добиваться разрешения на право издания легальной еженедельной газеты «Волна». И такое разрешение ему удалось наконец получить. Эта газета,

ставшая органом социал-демократов, сразу же начала публиковать материалы, направленные, с одной стороны, против выборов в виттевскую Думу, с помощью которой правительство рассчитывало не только отвлечь трудящихся от борьбы за свои права, но и отколоть крестьянские массы от пролетариата, нанеся еще один удар по революции, с другой стороны, на популяризацию идей социализма. Газета существовала полтора месяца. В середине мая вышел ее седьмой номер.

Усмотрев в ряде опубликованных статей «преступную» пропаганду, прокурор окружного суда возбудил против редактора газеты П. А. Лебедева уголовное дело и предложил судебному следователю произвести расследование. Однако встретиться следователю с Петром Александровичем не удалось. Посланные в редакцию жандармы, которым было предписано произвести обыск, а заодно и доставить издателя для допроса, вернулись ни с чем: Лебедев и находившийся с ним большевик Богданов в последний момент забрали с собой хранившуюся отдельно всю неопубликованную корреспонденцию (основные улики находились именно здесь, так как наиболее острый материал пропускался постепенно), выпрыгнули в окно, выходящее во двор, и скрылись.

Деятельность Петра Александровича на издательском поприще впоследствии была оценена полицейскими властями так:

«В марте 1906 года Лебедев, состоя издателем и редактором газеты «Волна» — орган Саратовской социал-демократической организации,— приостановленной... по распоряжению судебной палаты, в конторе редакции неоднократно устраивал сходки комитета, в которых лично принимал самое деятельное участие, прилагая все свои усилия к тому, чтобы членами этой организации возможно удачнее велась бы противоправительственная агитация среди населения, а квартира его, находившаяся при редакции, служила явочным местом деловых свиданий главных членов партии» [18].

Здесь же отмечалось, что в майские дни 1906 года Лебедев был главным устроителем противоправительственных демонстраций.

В создавшейся ситуации Петр Александрович вынужден был перейти на нелегальное положение. На этом настаивала и Зинаида Ивановна. Решение о тайном выезде в Петербург они приняли без колебаний: там партийные связи, родственники, знакомые преподаватели в университете, через которых, в зависимости от обстановки, можно будет попытаться получить разрешение на сдачу выпускных экзаменов. Отдавая себе отчет в том, что постоянно оставаться в Петербурге опасно — сведения об

исчезновении из Саратова скоро поступят, и его будут искать,— Петр Александрович рассчитывал временно поселиться в пределах столичной или в одной из соседних с ней губерний. Товарищи, кого по приезде в Петербург он успел повидать, и брат Александр посоветовали уехать пока в Псковскую губернию, где, по их мнению, и полицейские силы невелики, и пришлых людей в последнее время появилось порядочно.

Профессор университета Э. Д. Гримм дал обнадеживающее обещание оказать всяческую помощь как в разрешении вопроса о сдаче экзаменов, так и в подготовке к ним.

Набив чемодан литературой, на сей раз сугубо легальной (учебной), Лебедев уехал на Псковщину, где нанялся на работу по осушке болот. В свободное время, которого было не так уж много, он стал приводить в порядок свои юридические познания, осваивая постепенно и новый материал. Читая литературу, он чувствовал, что все усваивается значительно легче, чем раньше: опыт революционной борьбы позволял глубже осмыслить написанное в учебниках, по-иному взглянуть на многие аспекты проводившейся правовой политики.

Время от времени Петр Александрович выезжал в Петербург и благополучно возвращался. Но одна из таких поездок окончилась арестом: его опознал сотрудник сыскной полиции, имевший, как и многие его сослуживцы, задание выявлять лиц, значащихся во всероссийском розыске.

После двухмесячного пребывания в пересыльной тюрьме Лебедева выслали за принадлежность к Саратовской социал-демократической организации и активное участие в ее деятельности, в частности, издании антиправительственной газеты «Волна», за пределы России на три года.

* * *

Семь долгих месяцев пробыл Петр Александрович в Бельгии. Постоянное чувство одиночества, разлука с женой, а главное, отсутствие живого партийного дела, без которого жизнь теряла всякий смысл, гнали его домой. Из Бельгии он уехал в Швецию, затем в Финляндию с тем, чтобы оттуда нелегально вернуться в Россию. В конце 1907 года он вновь в Петербурге. Европейское платье и отпущенные усы позволяют быть вне подозрений. Здесь он встретился с приехавшей из Саратова Зинаидой Ивановной. Они поселились на Васильевском острове. Жизнь вновь обретала смысл. Лебедев поступил на работу в издательство «Молот», возглавляемое тогда В. Д. Бонч-Бруевичем, возобновил университетские занятия. Все это стало возмож-

ным потому, что он умело воспользовался паспортом брата Александра, у которого их оказалось два — один значился утерянным.

В 1910 году Петр Александрович успешно выдержал экзамены за юридический факультет. К этому времени истек срок высылки за границу. Для того чтобы окончательно легализовать свое положение, он по тому же паспорту брата оформил выезд в Германию, откуда затем вернулся на родину под своим настоящим именем, избрав местом постоянного жительства Саратов — город, ставший для него родным.

Работали для будущего

Многое приходилось начинать сначала, еще большее нужно было продолжать.

Диплом юриста пришелся как нельзя кстати. В Саратове Лебедев записался в сословие присяжных поверенных и стал заниматься адвокатской практикой. Поскольку в выдаче свидетельства о политической благонадежности Петру Александровичу отказали, он не имел возможности выступать ни в окружном суде, ни в судебной палате. Пришлось довольствоваться участием в рассмотрении судебных дел, проходивших у мировых судей, что, тем не менее, позволило ему иметь впервые за много лет сравнительно приличные средства к существованию.

Положение адвоката Лебедев умело использовал в партийных целях: его нередко можно было видеть на рабочих собраниях, где он выступал с докладами, отвечал на многочисленные вопросы, увязывая затрагиваемые темы с положением трудящихся в царской России. Разъясняя, например, положения закона от 23 июня 1912 года о страховании рабочих, Петр Александрович на материалах больничных касс местных заводов убедительно показал, что бремя расходов на выплату пенсий и пособий ложится в основном на плечи самих же рабочих. Под влиянием таких разъяснений Лебедева и других большевиков, действовавших в соответствии с директивой ЦК партии «О страховой кампании», росло недовольство трудящихся, зрела их сознательность. Об этом свидетельствует резолюция, принятая на собрании членов больничной кассы при табачной фабрике. В ней указывалось: «Мы, рабочие табачной фабрики Левковича, обсудив вопрос о страховании рабочих, пришли к следующему выводу: новый закон ложится тяжелым бременем на рабочих, сокращая их и без того малый заработок. Мы обращаемся к рабочей фракции Государственной думы с предложением поднять вопрос о пересмотре закона страхования рабочих» [19].

Большую роль в организации рабочих Саратова в условиях нараставшего революционного подъема сыграло культурно-просветительное общество «Маяк». Основанное в 1912 году либералами, это общество постепенно было завоевано большевиками. Фактическим руководителем «Маяка» стал вскоре П. А. Лебедев, вошедший вместе с А. М. Лежавой в его правление. Активным деятелем этого общества был также В. П. Антонов (Саратовский), которого Петр Александрович хорошо знал по совместной работе и ценил, как человека несгибаемой воли.

Студентом юридического факультета Московского университета Антонов активно участвовал в первой русской революции, находился в центре революционной работы и в последующее время, был привлечен к судебной ответственности за принадлежность к Московской организации РСДРП, причем непосредственным поводом для возбуждения против него уголовного дела послужила сказанная им 19 мая 1908 года возле мастерских Московско-Курской железной дороги речь, призывавшая рабочих-железнодорожников организовываться, крепить свои силы для дальнейшей экономической и политической борьбы против предпринимателей и «военно-полевого» правительства Столыпина. Эти и другие действия, поставленные в вину Владимиру Павловичу, были совершены в период жесточайшей реакции, когда, по неполным данным только за 1907—1909 годы, царскими судами (не считая кровавых последствий карательных экспедиций) было осуждено по политическим делам более 26 тысяч человек, из которых 5086 — приговорено к смертной казни.

Коренной житель Саратова, принятый в партию здесь же в 1902 году, Антонов пользовался большой популярностью и уважением среди рабочих города.

В период империалистической войны активно вели революционную работу в Саратове и такие видные деятели партии большевиков, как В. П. Ногин, М. И. Васильев (Южин), С. И. Мицкевич, М. С. Ольминский, Г. И. Ломов (Оппоков) и ряд других. Твердая воля и энергия этих людей, среди которых был Петр Александрович Лебедев, с новой силой направлялись на подрыв существующего строя. С восстановлением в мае 1915 года Саратовского городского комитета РСДРП агитационно-пропагандистская работа стала вестись особенно активно.

Главной задачей комитета было сплочение рабочих масс вокруг большевистского ядра. Разбудить в рабочем человеке стремление к свободе, направить его сознательный протест в русло политической борьбы — к этому сводились усилия Петра Александровича и его товарищей.

Вот почему на общих собраниях рабочих в обществе «Маяк»

агитаторы комитета выступали с критикой правительственной политики, указывали на растущую дороговизну, на тяжелое положение трудящихся. Вот почему здесь читались лекции и доклады, направленные против войны, указывавшие пути разрешения страхового и аграрно-крестьянского вопросов.

Но чем наступательнее был характер борьбы большевиков, тем яростнее сопротивлялись властьпридержащие...

* * *

Начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Федоренко был раздражен. Он ходил из угла в угол по своему просторному кабинету и негодовал. Его терпение лопнуло. Эти смутьяны зашли слишком далеко: даже его, лояльного, гуманного человека, каким он считал себя, довели до белого каления. Он слишком многое прощал им. Теперь — хватит.

— Вы свободны,— произнес он, не сумев скрыть раздражения в голосе.

Молодой ротмистр Круковский, щелкнув каблуками, вышел.

Оставшись один, Федоренко придвинул бумаги, принесенные ротмистром, и стал их перелистывать.

«В марте 1915 года,— бежал он глазами по написанному от руки тексту,— были получены сведения, что в г. Саратове под руководством присяжного поверенного Лебедева и помощника присяжного поверенного Антонова при просветительском обществе «Маяк» сорганизовывается марксистский кружок. С этой целью названные лица стали завязывать связи с рабочими местных фабрик и заводов. Для скорейшего затем объединения рабочих они начали изыскивать средства для выпуска в Саратове рабочей газеты, а перед 1 мая сего года настаивали на выпуске прокламации к рабочим с призывом к забастовке в день рабочего праздника — 1-го Мая...»

Полковник ухмыльнулся, перечитывая конец фразы: «настаивали на выпуске прокламации»... «Хитрец все же Круковский. Ведь можно было написать конкретнее: выпустили листовку. Уловил мои намеки — не сгущать в официальных бумагах краски, этим порой сами себя высекаем перед высшим начальством...»

«Далее Антонов и Лебедев всеми силами стали содействовать притоку рабочих в «Маяк», что им удалось, и вскоре рабочие, главным образом портные и типографы, наводнили «Маяк», вытеснив из него бывших там прежде разных мелких служащих; вообще, наплыв рабочих в «Маяк» изменил и характер

самого «Маяка», ставшего чисто рабочим учреждением, вместо прежнего его характера исключительно литературно-просветительного общества».

Раздражение в душе Федоренко сменилось деловитой сосредоточенностью. Сознание служебного долга брало верх.

«В июне месяце сего года к компании Антонова и Лебедева присоединился и административно высланный из Москвы помощник присяжного поверенного Георгий Ипполитович Оппоков. С его появлением работа по организации марксистского кружка несколько более оживилась, и в июне месяце из «Маяка» выделилась группа рабочих, которая и стала устраивать сходки за городом под руководством самого Оппокова. Оппоков сообщал присутствовавшим о происходивших в разных местах империи забастовках; агитировал также за необходимость, в целях скорейшего соединения рабочих, издания в г. Саратове рабочей газеты. Необходимые для этого средства должны были быть собраны участниками этого кружка, а также в обществе «Маяк».

Полковник отложил в сторону перо, вспоминая последние события. После обыска все руководители общества «Маяк» были допрошены. Допрос некоторых из них вел он сам.

«На допросах... никто из названных лиц не дал откровенных показаний; все они отрицали свою принадлежность к какой-либо организации и в деятельности общества «Маяк» якобы принимали лишь участие как члены этого общества.

Все названные лица издавна уже известны своей революционной деятельностью и за государственные преступления были присуждены...» [20].

Далее перечислялись меры наказания.

Федоренко встал, прошелся по кабинету. Он остановился у окна и долго смотрел на улицу.

Полковник понимал, что жандармскому управлению было известно далеко не все о партийной деятельности Лебедева и его товарищей в рабочем клубе «Маяк». В основном собранные Круковским сведения получены через провокаторов Платонова и Любимова, которые, естественно, не знали многого, а также и через официальных лиц полиции, присутствовавших на проводившихся собраниях.

Сгущались сумерки. А он стоял у окна, силясь разобраться в смутном чувстве неудовлетворенности. Ясно было одно: необходим четкий, как выстрел в упор, финал его постановления. А он-то, финал, как раз и не получался. Допросами да обысками таких людей, как Лебедев, не напугаешь — тут поможет только Сибирь, каторга, рудники и вечное поселение. В этом — спасе-

ние не только государства, но и его, полковника Федоренко, личное спасение. Неуверенность в завтрашнем дне — вот что терзало его душу.

* * *

Для охвата большевистским влиянием возможно более широкого круга трудящихся настоятельно требовалось создание своего печатного органа, легальной газеты.

С этой целью в июле 1915 года на квартире П. А. Лебедева было проведено партийное совещание, в котором участвовали М. С. Ольминский, В. П. Ногин, С. И. Мицкевич, В. П. Антонов, И. А. Галактионов и другие. Один из главных вопросов совещания — согласование названия газеты. Предлагавшиеся названия, такие, как «Саратовская правда», «Вперед», «Саратовский пролетарий», были сочтены неприемлемыми. Остановились на более скромном — «Наша газета». Это звучало не так громко, но давало надежду на получение у губернатора разрешения на издание газеты. И такое разрешение действительно скоро было получено.

Следующее организационное совещание состоялось 27 июля у С. И. Мицкевича. На нем были решены практические вопросы — где и кто будет издавать газету.

Местом издания «Нашей газеты» стала типография Рабиновича (на углу Вольской и Царицынской улиц) с размещением там же конторы и редакции.

В редакционную коллегию были избраны П. А. Лебедев, В. П. Антонов, Г. И. Ломов. Негласно в нее ввели также М. С. Ольминского (его особо оберегали от преследований полиции). Официальным редактором был утвержден С. Лазарев, которого с третьего номера газеты заменила известная в городе работница-швея из профсоюза «Игла» М. Артемьева, издателем — С. Нацаренус.

На квартире Ольминского состоялось заседание редакционной коллегии. Оно было строго законспирированным.

Поскольку газета была легальной, статьи, хроники и заметки решили подбирать так, чтобы о большевистском направлении говорила не какая-нибудь отдельная публикация, а весь номер в целом, чтобы публикуемые материалы заставляли читателей думать и делать желательные для партийной организации выводы. Важной задачей было признано и постоянное расширение корреспондентского актива из числа рабочих.

Вернувшись домой, несмотря на поздний час, Петр Александрович сел за передовую для первого номера...

8 августа, в день выхода в свет первого номера «Нашей газеты», в типографии царило всеобщее возбуждение. Когда началось печатание номера, члены партийного комитета, актив заводских организаций, ну и, конечно, весь состав редакционной коллегии, кроме Ольминского, то и дело заходили в типографию, вплоть до четырех часов утра, пока не был напечатан весь тираж в две тысячи экземпляров. По мере изготовления пахнувшие краской листы разносили в разные места, чтобы утром раздать их читателям.

Петр Александрович не смыкал глаз в эту ночь. Когда были отпечатаны первые экземпляры, он внимательно прочитал все от начала и до конца, хотя все материалы знал чуть ли не наизусть. Первой стояла его вводная статья, озаглавленная «От редакции».

«Приступая к изданию «Нашей газеты»,— читал он знакомые строки,— редакция, конечно, предвидит все затруднения, главным образом внешнего характера, связанные с ведением последовательной демократической газеты. Но она полагает, что потребность в такой газете и именно в настоящее время настолько назрела в Саратове, что следует предпринять хотя бы попытку в этом направлении. Однако успех этой попытки зависит в очень большой мере от того, как отнесутся к ней широкие демократические круги саратовского населения. Если их сочувствие, на которое рассчитывает газета, не будет проявляться активно, то «Наша газета» и независимо от внешних условий не сможет существовать, так как она не располагает ни материальными средствами, ни достаточными силами для ее ведения. Только дружное сотрудничество в ней и поддержка ее материальной помощью со стороны читателей может дать ей возможность стать на ноги и приносить ту пользу, ради которой предпринято ее издание» [21].

Второй была статья Михаила Степановича Ольминского «Саратов 8 августа».

«Менее всего справедливо мнение, будто наша Дума, при теперешнем избирательном законе и при отсутствии свободной избирательной борьбы, может считаться Думой народной. И голос Думы вовсе не является голосом народа, как хотели бы уверить нас либеральные газеты.

Дума осталась прежней помещичьей и буржуазной Думой. Разница лишь в том, что из нее целиком удалены депутаты от рабочей курии» [22].

А вот и еще статья Михаила Степановича «Из-за чего шум», направленная против военно-промышленных комитетов и участия в них рабочих, в которой указывается, что эти комитеты

представляют интересы капиталистов для выколачивания под прикрытием «патриотизма» баснословных сверхприбылей.

Были в газете и белые пятна — результат приложения руки цензора.

«Про Думу и военно-промышленные комитеты,— размышлял Петр Александрович,— цензор оставил все. Что ж, видимо, он исходил из того, что Думу ругают и привилегированные, не жалует и сам Николай II. Далеко не всеми разделяется и идея военно-промышленных комитетов».

Обращали на себя внимание и первые рабочие корреспонденции. Они, как и статьи общего, направляющего характера, принесли газете большую популярность. «Наша газета» была воспринята рабочими Саратова как орган, близкий им по духу. Ломов, заскочивший в редакцию, с нескрываемой радостью рассказывал Петру Александровичу:

— Волнующее зрелище мы застали в «Маяке», когда принесли туда первый номер. Не хватало стульев, и поэтому многие товарищи расположились читать газету прямо на полу. У всех в руках был первый номер «Нашей газеты», весь пол «Маяка» был устлан газетами. Отовсюду слышались одобрительные восклицания.

А спустя несколько дней в редакцию стали поступать отклики. Их было много. Читатели горячо приветствовали появление газеты. С волнением прочитал Петр Александрович сообщение легального журнала большевистского центра «Вопросы страхования»:

«8 августа в Саратове вышел № 1 нового демократического органа «Наша газета». Во вступительной заметке редакция заявляет, что она предвидит все затруднения, главным образом, внешнего характера, связанные с ведением последовательной демократической газеты... Горячо приветствуем нового собрата и надеемся, что то дружное сотрудничество и поддержка материальной помощью со стороны читателей, на которые рассчитывает редакция, не заставят себя ждать» [23].

И ждать действительно не пришлось. Наряду с многочисленными корреспонденциями от рабочих Саратова и многих других городов, в том числе Петрограда и Москвы, стали поступать денежные взносы.

Публикуя статьи о Государственной думе, газета показывала ее теневые стороны, и через них освещала многие вопросы реакционной политики царского правительства. Невзирая на трудности, она умела находить путь разоблачения грабительского характера империалистической войны. В отличие от буржуазной прессы, «Наша газета» никогда не публиковала военных сводок,

кричавших о «славных победах», чем подчеркивала, что на войну она имеет свои взгляды, соответствующие интересам трудовых масс.

Под ее критику попадали и местные думцы. Так, в заметке «О г. Волкове и о дороговизне» (автор П. Лебедев) говорилось:

«Наша Городская дума делает иногда вид, что она как будто озабочена той невероятной дороговизной... продуктов, которая тяжелым гнетом ложится на плечи трудящихся классов г. Саратова. На самом деле это, конечно, одно лицемерие. По существу же, все ее симпатии несомненно на стороне тех, кто наживается на этой дороговизне, а не на стороне страдающих от нее. Иного отношения, впрочем, и трудно ожидать, если иметь в виду, что благодаря избирательному закону, лишающему демократию всякого участия в городских делах, теперешняя дума — плоть от плоти и кровь от крови крупной буржуазии.

...Ниже читатель найдет описание ужасного положения, в котором находятся служащие городской механической прачечной. То же самое творится и в других городских предприятиях. Для облегчения этого положения Городская дума, конечно, и пальцем не пошевельнет»[24].

Авторитет газеты объяснялся еще и тем, что она была одной из немногих легальных газет большевиков, начавшей выходить в условиях империалистической войны. Тираж ее непрерывно рос и на девятом номере достиг 10 тысяч. Газета направлялась в 27 городов России.

Много внимания в ней уделялось теме солидарности рабочего класса. В связи с прибытием в Саратов беженцев с семьями, биржа труда, где верховодили ставленники капиталистов, стала направлять переселенцев на те заводы и фабрики, где проходили забастовки. Устанавливая вновь принятым пониженную заработную плату, заводчики и фабриканты рассчитывали подавить этим забастовочное движение и получить заодно дополнительные прибыли. В целях борьбы с такими явлениями, порождавшими антагонизм местного населения и приезжих, печатный орган большевиков регулярно стал помещать статьи и корреспонденции, призывавшие трудящихся к братской взаимопомощи и единению.

Продолжали откладываться в делах полиции и донесения.

«При... наплыве в Саратов беженцев Антонов, Лебедев и Оппоков стали агитировать и среди них, а именно: под предлогом оказания помощи рабочим-беженцам они озаботились устройством ряда собраний для объединения рабочих.

Для первого из этих собраний, состоявшегося 25 августа сего года, Антонов составил особый доклад, прочитанный на соб-

рании, однако не самим Антоновым, а другим лицом; сущность доклада сводилась к необходимости рабочих организаций в широких размерах.

...Такое же собрание предполагалось устроить и в начале сентября в зале народной аудитории под предлогом дальнейшего обсуждения вопроса о помощи беженцам... о несостоятельности правительства, не пользующегося доверием общества... и замене его лицами, пользующимися общественным доверием...»[25].

Голос «Нашей газеты» звучал все громче. 12 сентября жандармский полковник Федоренко направил губернатору и в департамент полиции донесение, помеченное грифом «совершенно секретно». В нем сообщалось, что вышедшие четвертый и пятый номера «Нашей газеты» имеют явно угрожающий общественной безопасности и порядку характер: одни помещенные в них статьи настраивают население против правительства, другие — стремятся к обострению отношений между состоятельными классами и рабочими.

Вслед за тем донесением последовали репрессивные меры: 29 сентября «Наша газета» не вышла: ее седьмой номер был полностью конфискован, а против «редактора» Артемьевой возбуждено уголовное дело. Непосредственным поводом к этому послужила передовая статья, написанная Антоновым, которую прокурор расценил как возбуждающую «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя». О чем же говорила эта статья? Вот несколько выдержек: «Политический курс внутреннего управления, сделав несколько неуверенных, кривых шагов в сторону либерализма, снова возвращается к испытанному, старому средству: «тащить и не пущать».

...В общественной атмосфере снова запахло «террором справа» — погромами, столь любезными сердцу каждого махрового черносотенника еще со времени 18 октября 1905 года.

Чем теперь ответит буржуазия на эту мобилизацию, покажет ближайшее будущее...

Иное дело — демократия во главе с рабочим классом. Поставленные в невозможные условия обе эти силы, судя по целому ряду данных, не могут и не хотят дальше мириться с этими условиями. Зорко следя за командующими группами, учитывая все шаги мобилизации черных банд, они также, не покладая рук, работают над воссозданием и укреплением своих политических, профессиональных и иных организаций. И пусть не думают реакционные и либеральные круги, что им удастся обмануть и увлечь за собой рабочих и демократию. Массы слишком много выстрадали, слишком много продумали, чтобы попасться еще раз на удочку «общенациональных» призывов. В решитель-

ный момент, а он не за горами, пролетариат и демократия свою организованную силу и свои лозунги полного политического раскрепощения России резко и определенно противопоставят всем как погромным, так и ублюдочно-либеральным начинаниям»[26].

В адрес членов редколлегии в ответ на эту и другие статьи стали поступать угрозы местных «черносотенцев». Но ни официальные предупреждения представителей власти, ни угрозы, ни травля либералов не действовали — революционеры-большевики упорно продолжали начатое дело. Вера в его правоту придавала им силы. Они видели результаты своего труда: в рабочей среде все заметнее чувствовался политический подъем. Никакие опасности, подстерегавшие их, не могли остановить социал-демократов. «На огне кирпич-то обжигают»,— говорил обычно товарищам Петр Александрович, имея в виду трудности, с которыми приходилось встречаться в работе.

Воспользовавшись тем, что рассмотрение вопроса о закрытии газеты в судебной палате по каким-то причинам задерживалось, спешно стали готовить следующий номер, затем другой. «Наша газета» торопилась выговориться. Когда же был набран десятый номер, явились жандармы — номер был изъят в гранках.

Так завершилась яркая и плодотворная деятельность редколлегии большевистской газеты, смело поднявшей голос против войны, сыгравшей большую роль в организации сил рабочих для борьбы с царским самодержавием. И так закончился еще один важнейший этап в общественно-политической деятельности П. А. Лебедева.

Поначалу ему было не по себе: отсутствие газеты и связанного с ней напряженного ритма внесло чувство опустошенности. Однако развернувшиеся вскоре события полностью поглотили все казавшееся свободным время.

* * *

Активная деятельность Лебедева, Антонова и Ломова в «Нашей газете» во многих деталях была известна полиции, но привлечь их к ответственности только за это она не решалась: могла последовать нежелательная реакция широкой демократически настроенной общественности. Чины полиции выжидали, подыскивая подходящий случай. И такой случай скоро представился. Охранка, усиленно следившая за высланным в Саратов под гласный надзор С. А. Зиркой, получила сведения, что он отпечатал значительное количество листовок. 31 октября у Зирки (в действительности — Зарницын Михаил Петрович) произвели

обыск и среди прочих улик обнаружили материалы, предназначавшиеся для «Нашей газеты», указывающие на его связь с Лебедевым, Антоновым, Оппоковым, Нацаренусом и Куруловым. Все они в тот же день были обысканы.

На этот раз у Лебедева обнаружили «отпечатанное на пишущей машинке письмо явно противоправительственного направления, агитирующее против настоящей войны», и еще 12 наименований различных писем и брошюр, «частью запрещенных, частью тенденциозного содержания», по рабочему вопросу. Аналогичные улики нашли и у других.

Ослабление конспирации можно было объяснить прежде всего работой в редакции газеты, требовавшей, чтобы нужные материалы находились под рукой — это с одной стороны, а с другой — подготовкой к публикации таких статей, содержание которых в ряде случаев мало чем отличалось от того, что запрещалось цензурой. И все же дело было не только в этом. В конце 1915 года — начале 1916-го либеральная буржуазия, убедившись в неспособности властей обеспечить победоносную войну и противостоять народному гневу, тайно и явно усилила поиски новых методов управления вплоть до подготовки дворцового переворота с целью замены Николая II его братом Михаилом, тесно связанным с буржуазными кругами. Так, наряду с кризисом «низов» назревал кризис «верхов», что оказывало на различные слои русского общества революционизирующее влияние, все более прорывавшееся наружу.

Чтобы ослабить, хотя бы только ослабить это влияние (теперь думали больше об этом), власти обрушились на пролетариат и его партию с очередными репрессиями. Не был исключением в этом отношении и Саратов.

Обнаруженные при обысках улики в противоправительственной деятельности были использованы как повод для возбуждения в отношении бывших сотрудников «Нашей газеты» так называемой «переписки», предусмотренной Положением о государственной охране. Именно «переписки», а не дела. Но это безобидное на первый взгляд название полицейского делопроизводства означало, что лица, которые привлекаются к «переписке», могут быть высланы на длительный срок в отдаленные местности России в административном порядке, то есть без следствия и суда, с лишением права на защиту. Никакие процессуальные гарантии, предусмотренные законом, здесь не действовали. Это был удобный способ разделаться с неугодными — можно выслать в тартарары даже любого невиновного, благо решения о высылке могли приниматься по агентурным данным, проверить которые практически никто не имел права, кроме самой

полиции. «Переписку» поручили жандармскому ротмистру Круковскому, мечтавшему вплести в свой послужной список как можно больше лавров.

Но Лебедев и его товарищи, над которыми нависла угроза внесудебной расправы, не собирались складывать оружия: они по-прежнему не давали покоя агентам охранного отделения, участвуя во всех событиях общественной жизни рабочих. Буквально через несколько дней после обыска они включились в организацию забастовки и политической демонстрации в связи с похоронами бывшего члена социал-демократической фракции II Государственной думы Б. П. Ломтатидзе.

Еще 11 сентября в «Нашей газете» появилась статья М. И. Васильева о бесчеловечном отношении к Ломтатидзе, содержавшемуся после осуждения за депутатскую деятельность в течение семи лет в разных тюрьмах и заболевшему в связи с этим туберкулезом легких. В первых числах августа 1915 года его перевезли из Астрахани в Саратов и поместили в богадельню вместе с находившимися там под арестом бродягами. Под влиянием этого выступления Васильева, подписанного «товарищи больного депутата», Ломтатидзе был переведен в земскую больницу, где в ночь на 5 ноября и скончался.

В справке за номером 41196 ротмистр Круковский писал:

«Лебедев, принимая совместно с Антоновым и Оппоковым наиболее горячее участие в устройстве похорон умершего в ночь с 4 на 5 ноября 1915 года члена социал-демократической фракции II Государственной думы Ломтатидзе, стремился вместе с ними для большей торжественности похорон привлечь к участию в них рабочих и студентов. Имея связи с рабочими через просветительское общество «Маяк» и биржу труда, они просили рабочих непременно быть на похоронах и собрать деньги на венки; ленты на последних должны быть красными, а надписи на них составлены Антоновым и Лебедевым. При следовании похоронной процессии в случае малочисленности полиции или ее растерянности предполагалось пропеть «Вы жертвою пали», а при погребении произнести речи, которые для рабочих должен был составить Антонов.

7-го и 8-го того же ноября наблюдением за земской больницей, где лежало тело Ломтатидзе, было отмечено беспрерывное посещение часовни студентами и рабочими, причем в числе приносимых венков были венки и с красными лентами, каковые ленты по требованию полиции заменялись белыми; на некоторых белых лентах были сделаны надписи красными буквами, большинство надписей было тенденциозного содержания...

9 ноября состоялось перенесение тела Ломтатидзе на вокзал

для отправления на Кавказ, где, как выяснилось впоследствии, должно было состояться погребение.

В числе собравшихся к выносу тела Ломтатидзе из земской больницы находились также Лебедев, Антонов и Оппоков. Там же собралось около 400 студентов и около 200 рабочих; хотя во время следования процессии к вокзалу, вследствие принятых полицией мер, противоправительственных демонстраций не состоялось, но во время остановки процессии около тюрьмы некоторыми высланными административным порядком рабочими была сделана попытка запеть «Вы жертвою пали...». Такая же попытка была сделана на вокзале частью студентов после произнесения речей...»[27].

Что касается принятых полицией мер, то автором этого документа они были явно преувеличены, размах же политического выступления трудящихся города многократно уменьшен. Чем изощреннее пытался ротмистр Круковский приукрасить описываемые события, тем суровее была сама действительность.

* * *

...С утра к земской больнице стекались группы рабочих, учащейся молодежи, интеллигенции. Члены общества «Маяк» — их было около ста человек — организовали живую цепь, в окружении которой траурная процессия двинулась по Московской улице, втягивая в себя все новых и новых участников.

Петр Александрович, шедший рядом с гробом, повернул голову назад — невозможно было окинуть взглядом гигантскую толпу людей. Гроб с телом Ломтатидзе провожали тысячи человек. Антонов, перехвативший взгляд Петра Александровича, понимающе кивнул и молча тронул за плечо. Сейчас они думали об одном: похороны члена социал-демократической фракции II Государственной думы вылились в демонстрацию единства и сплоченности рабочих.

Огромная масса людей двигалась через центр города к железнодорожному вокзалу. Когда шествие поравнялось с тюрьмой, где содержались политические заключенные, рабочие дружно запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». В ответ на это тюрьма огласилась возгласами: «Да здравствует свобода!», «Долой тиранов!».

Раздались ружейные выстрелы: тюремные часовые, стараясь водворить порядок, стреляли по окнам камер. В это время нахлынувшие полицейские попытались рассеять процессию, но она не дрогнула.

В здании вокзала были организованы митинги. Рабочие вы-

ступали с откровенно революционными речами, призывая к единению и борьбе с тиранией. В центре собравшихся развевался красный флаг. Цель, которую преследовали большевики, была достигнута: сегодня рабочий класс Саратова убедительно показал возросшую революционную активность. И несмотря на то, что демонстрация под натиском прибывших на вокзал дополнительных конных отрядов полиции и армейских подразделений была все же рассеяна, трудящиеся понимали: победа в конце концов будет за ними.

Вечером Лебедев выступил перед рабочими в «Маяке». Он проинформировал их о прошедшей недавно в Петрограде массовой политической стачке, о забастовочном движении в других городах, проходящем под политическими, в том числе антивоенными, лозунгами.

...Долго не мог заснуть Петр Александрович в эту ночь. На душе было какое-то двоякое чувство: удовлетворение от сделанного за прошедший день, сожаление о том, что многого еще не удалось сделать. «Да, некоторые рабочие лояльно относятся к меньшевикам»,— думал он. Это-то и настораживало, тревожило.

Незадолго до этого Лебедев беседовал с прибывшим в Саратов членом социал-демократической фракции меньшевиков IV Государственной думы А. И. Чхенкели, который рассказал о некоторых подробностях политической жизни в столице, о том, как в Государственной думе прозвучала меньшевистская декларация, обращенная к буржуазии,— взять власть в свои руки, ибо, как подчеркивалось в ней, народные массы могут пойти через головы буржуазных партий. В ходе беседы Чхенкели стал как бы оправдываться, говоря, что он не вполне согласен с некоторыми формулировками декларации, но Петру Александровичу было ясно: меньшевистская фракция сорвала с себя ореол «борца» против буржуазии, теперь она сама подталкивает ее к власти.

«Многие рабочие,— думал Лебедев,— не разобрались еще как следует в различии наших платформ. Да и удивительно ли? В «Нашей газете» мы почти не касались критики меньшевистских взглядов, которые тогда, правда, были довольно туманными. Сейчас же, когда их мелкобуржуазность, сдобренная шовинизмом, проявилась воочию, нужно действовать решительно. Рабочие должны твердо знать, кто есть кто».

Со временем саратовские большевики стали настойчивее разоблачать позиции других партий. Порой казалось, сама история помогает им расставлять все на свои места: идейные противники нередко сами выдавали себя с головой, особенно когда возникала полемика с большевиками.

Так, выступавший в «Маяке» А. Ф. Керенский, прибывший в Саратов в январе 1916 года в связи с кампанией по выборам рабочих групп при военно-промышленных комитетах, напирал в своем выступлении на то, что внутреннее благоустройство рабочих зависит от успехов на фронте. Керенскому рабочие не поверили, его миссия по организации выборов рабочей группы в Саратове оказалась безрезультатной: выборы под влиянием большевиков с треском были провалены. Это привело к еще большему полевению масс, к расколу в рядах меньшевиков и эсеров: многие члены этих партий стали отходить от своих руководителей и становиться на путь интернационализма.

* * *

А «переписка» у жандармского ротмистра Круковского все пополнялась новыми запросами, справками, донесениями, уведомлениями... В конце концов пришло время составлять заключительный документ — постановление. Прокорпев над его составлением полных два дня, затем начисто переписав, ротмистр передал проект полковнику Федоренко, который поправил резолютивную часть, где говорилось о том, что дальнейшее пребывание в Саратовской губернии лиц, привлеченных к «переписке», представляет существенную угрозу государственному порядку и общественному спокойствию, и подписал постановление. Спустя неделю оно через губернатора было отправлено в министерство внутренних дел с ходатайством о высылке Лебедева, Антонова, Оппокова и других в одну из отдаленных местностей Российского государства.

Первоначально постановление было рассмотрено в департаменте полиции, где по нему составили заключение с предложением выслать Лебедева, Антонова, Оппокова, Курулова и Нацаренуса в Иркутскую губернию сроком: первых трех — на 3 года, остальных — на 2 года.

10 февраля 1916 года подготовленные материалы рассмотрело Особое совещание при министерстве внутренних дел. Оно согласилось с заключением департамента полиции в отношении всех, кроме Лебедева,— ему срок высылки был увеличен до 5 лет.

Когда об этом стало известно в демократических кругах Саратова, в защиту бывших работников рабочей газеты в Петроград стали направляться многочисленные письма и телеграммы с требованием отменить принятое в отношении их решение. Заместитель министра внутренних дел Степанов вынужден был запросить генерал-губернатора Тверского, считает ли он удаление

из пределов Саратовской губернии каждого из высылаемых в отдельности безусловно необходимым.

Генерал-губернатор вызвал к себе начальника жандармского управления, дал ознакомиться с запросом Степанова.

— Каково ваше мнение, полковник?

Федоренко был готов к ответу:

— Свое мнение я изложил в постановлении. Я считаю необходимым положить конец этому затянувшемуся делу. Единственный его финал — высылка, как можно дальше и как можно скорее. События последнего времени не могут не настораживать. Я даю себе полный отчет за свои слова: борьба должна быть решительной или... Да, да. Иначе... иначе я не ручаюсь за будущее России...

Федоренко увидел, как поморщился генерал-губернатор: он не любил высокопарных речей. Преодолев робость, полковник закончил в том же духе:

— Только безжалостно карающая рука может навести в государстве порядок и спокойствие.

— Я удовлетворен вашим мнением, полковник.— Кивком головы генерал-губернатор дал понять, что разговор окончен.

В этот же день Тверской послал в министерство внутренних дел ответ:

«Лебедев, Антонов и др. направляют свою общественную деятельность к объединению рабочих масс между собой и с оппозиционно настроенной интеллигенцией для сорганизованных выступлений на экономической и политической почве с целью достижения стремлений Российской социал-демократической рабочей партии. Местом такого общения является просветительское общество «Маяк», в котором принимают участие многие фабричные и заводские рабочие. За последнее время там стали бывать и студенты.

Такого рода деятельность названных лиц является особо опасной в настоящее время в Саратове, ввиду нахождения здесь около 6000 учащихся высших учебных заведений, переведенных с осени 1915 года из Киева, которые дают много удобного для всякого рода политической, оппозиционной и революционной пропаганды» [28].

Нажал по своей линии и начальник губернского жандармского управления. В письме, адресованном в департамент полиции, Федоренко сообщил, что, несмотря на привлечение высылаемых к предусмотренной Положением о государственной охране ответственности, они продолжают антиправительственную деятельность, в подтверждение чего приложил к письму справку с изложением фактов, не отраженных в постановлении.

В справке Саратовского охранного отделения от 18 апреля 1916 года говорилось: «В марте 1916 года последовало разрешение губернатора на издание в Саратове газеты «Поволжье», мысль об издании которой возникла еще в ноябре 1915 года в местной марксистской большевистской группе, пожелавшей иметь свой печатный орган для освещения с партийной точки зрения жизни рабочих. Газета явилась бы как бы продолжением издававшейся в Саратове рабочей газеты «Наша газета», закрытой в октябре прошлого года. Во главе газеты должны были стать Лебедев, Оппоков и Антонов. Газета еще не вышла, и ввиду высылки ее главных работников, видимо, не выйдет» [29].

В справке также указывалось, что высылаемые входили в большевистскую социал-демократическую группу (вновь возродившуюся в декабре 1915 года после арестов, произведенных 31 октября) и принимали активные меры к проведению агитации среди рабочих железнодорожных мастерских и других предприятий города за объявление забастовки, которая потом началась в первых числах января.

Партийной организации в конце октября — начале ноября полиция нанесла серьезный удар. Потери были велики, но оставшиеся на свободе продолжали действовать с удесятеренной энергией. Большевики не собирались складывать оружие.

Так как попытки возродить свой печатный орган под другими названиями («Жизнь рабочего», «Поволжье») не увенчались успехом, Саратовский комитет при непосредственном и деятельном участии Лебедева в феврале 1916 года выпустил в крайне сложных условиях легальный сборник статей с названием «Под старым знаменем». Основу сборника составили неопубликованные материалы «Нашей газеты»; он был разослан во многие города страны и использован большевиками в антивоенной пропаганде, в разоблачении позиций либеральной буржуазии и социал-шовинистов.

21 апреля в губернаторском доме была получена телеграмма заместителя министра внутренних дел Степанова с предписанием исполнить постановление Особого совещания по делу Лебедева и других.

На сборы в дорогу дали практически один день: отъезд Лебедева, Антонова и Оппокова в Тобольскую губернию был назначен на 23 апреля *.

На городскую пристань в этот день проводить отъезжающих собралось около 500 человек. Проводы вылились в яркую поли-

---

* Курулов и Нацаренус к этому времени нелегально выехали из Саратова.

тическую демонстрацию, закончившуюся столкновением с полицией.

«...На волжской пристани,— зафиксировали стражи «порядка»,— произносились речи, в которых ораторы благодарили отъезжающих, указывая, что с их отъездом Саратов теряет интеллигентных работников, которые шли рука об руку с рабочими... Стали петь «Вы жертвою пали...». По распоряжению полицмейстера певшие были оцеплены и задержаны и по распоряжению губернатора отправлены в тюрьму. Всего задержано было 47 человек» [30].

Ссыльные прощались с родными.

— Прощай, Зина. И прости... Прости за эти слезы... за то, что не смог устроить для тебя семейного счастья, которого ты заслуживаешь.

— Не надо, Петя... Как ни тяжела будет разлука с тобой, я переживу ее... И помни: я счастлива. Счастлива потому, что люблю тебя. Помни об этом на чужбине. И верь, что разлука будет недолгой.

— Мне пора,— он стиснул ее руку и прижал к губам.— Мы уходим... Уходим, чтобы вернуться... Здесь остаются незавершенные дела. До встречи... в которую верю.

С минуту они стояли молча. Но их уже торопили: пароход готов был отдать швартовые.

Родные места оставались за кормой. Пароход медленно поднимался вверх по течению, словно давал последнюю возможность изгнанникам продлить расставание. До боли в глазах всматривался Петр Александрович в берег, на котором осталась Зина, и долго еще он видел белую косынку, которой махала она.

Мимо проплывала Соколовая гора. Вон там, на ее вершине, Лебедев еще гимназистом впервые читал запрещенные книги Чернышевского. Он вспомнил слова, с юности запавшие в душу: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...». Этот завет Чернышевского он старался выполнять всю свою жизнь.

Его мысли прервал неожиданно громкий гудок парохода — начав с низкой ноты, гул креп и нарастал, рождая в душе щемящую боль. Ссыльные стояли на палубе, смотрели туда, где скрылся из вида Саратов, и молчали. Их думы были об одном.

— Нам не в чем упрекнуть себя,— нарушил общее молчание Лебедев.— Сама жизнь заставляла нас действовать решительно и, увы, иногда открыто. Но каждый из нас отдавал себе отчет в том, что подвергает себя и свою семью неотвратимой опасно-

сти. Пусть удовлетворением будет для нас то, что проведенная работа дала неплохие результаты... Мы работали для будущего... *.

Саратов. Март 1917-го

Весть о Февральской революции буквально ошеломила Петра Александровича. Вся его жизнь была посвящена борьбе с самодержавием. Он знал, твердо верил, что рано или поздно оковы тирании падут, должны пасть. И все-таки весть, докатившаяся до сибирского поселения, была настолько поразительна, что сердце заходилось от восторга и радости.

Лебедев возвращался домой. Поезд неторопливо вез его по России, то и дело останавливаясь на станциях и полустанках. А Петру Александровичу хотелось быстрее попасть в Саратов... На остановках он торопился в диспетчерскую, чтобы узнать последние новости. На одной из них ему стало известно, что в ночь на 3 марта Николай II отрекся от престола, что он арестован и водворен в Царское Село под охрану революционных войск.

У пассажиров встречного поезда удалось достать первый номер газеты «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов».

«Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голода,— гласило обращение Петроградского Совета рабочих депутатов к населению Петрограда и России.— Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец.

Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений.

Борьба еще продолжается: она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России.

* Последующие события показали, что партийная деятельность Лебедева, Антонова (Саратовского), Ломова (Оппокова), других большевиков Саратовской партийной организации, многие из которых уже находились в тюрьмах и ссылках или отправились туда вслед за ними, была не напрасной: рабочий класс Саратовской губернии в прошумевших вскоре вихрях Февральской, а затем и Октябрьской революций оказался в первых рядах тех, кто решительно и бесповоротно пошел за пролетариатом Петрограда, первым поднявшим знамя борьбы за свое освобождение.

5 Заказ 1350

Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию...»[31].

К газете был приложен «Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

«Граждане! Твердыни русского царизма пали,— читал Лебедев.— Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха...

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии — создать *Временное Революционное Правительство,* которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное Революционное Правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих *все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих... и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания* на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов...

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу»[32].

Но многого Петр Александрович еще не знал. Не знал он и того, что к вечеру 27 февраля на частном совещании, проведенном под председательством Родзянко, был образован Временный комитет Государственной думы, поставивший перед собой задачу «водворить порядок в Петрограде», то есть подавить революцию. Не было ему также известно, что Чхеидзе, Керенский и Скобелев после продолжительных уединенных совещаний в правом крыле Таврического дворца начали работу по созданию буржуазного правительства, которое будет якобы подконтрольно Совету рабочих депутатов.

Утром 7 марта Петр Александрович был в Саратове. Первое, что бросилось в глаза,— отсутствие городовых, вместо которых за порядком наблюдали вооруженные винтовками студенты университета.

В городе царило всеобщее возбуждение. У рекламных тумб толпился народ. И было в этом оживлении, как ему показалось, больше ожидания грядущих перемен, чем удовлетворения свершившимся.

...Зинаида Ивановна собиралась на службу, когда в дверь постучали. На пороге стоял Петр Александрович. Она, пораженная, кинулась ему на шею.

— Петя, родной, вернулся!..

Она смотрела на него и не верила своим глазам. Перед ней стоял ее Петр, все такой же, как прежде, высокий, суховатый, с чистым и добрым взглядом. И лишь глубокая морщина, прочертившая лоб, напоминала о разлуке, о нелегком времени, проведенном на чужбине.

— Вот мы и снова вместе,— говорил Петр.— И теперь уже никогда не будем разлучаться.

Он посадил жену рядом с собой и, не выпуская ее рук, попросил посвятить его в последние события, которые произошли в Саратове.

— В городе создан Общественный городской исполнительный комитет,— начала Зинаида Ивановна.— Но даже заигрывание с демократическими слоями не может скрыть его буржуазной сути. Кроме этого, революционно настроенная военная молодежь образовала Военный комитет. Но и там полно эсеров, анархистов и прочих болтунов. К счастью, тон в комитете задают большевики. Так, член комитета прапорщик Соколов со своей ротой арестовал представителей старой власти. Среди них губернатор Тверской, небезызвестный тебе жандармский полковник Федоренко, полицмейстер Нейман, вице-губернатор Римский-Корсаков.

Словом, предстоит нелегкая борьба. И только Совет рабочих депутатов, мне кажется, способен поставить точки над «и». Кстати, теперь он уже стал Советом не только рабочих, но и солдатских депутатов.

От Зинаиды Ивановны Лебедев узнал, что первое заседание Совета состоялось вечером 2 марта в нижнем зале городской думы. На нем были представители от 29 предприятий Саратова. Выбран исполнительный комитет, в состав которого вошли большевики М. И. Васильев, В. П. Милютин, И. А. Галактионов и К. И. Плаксин, а также три меньшевика и один эсер. Председателем исполнительного комитета избран В. П. Милютин, товарищами председателя — М. И. Васильев и меньшевик И. А. Скворцов.

— Ты знаешь, Зина, когда я ехал в Саратов и шел сегодня по городу, меня не покидало чувство: главные события — впереди. Нам, чтобы добиться цели, предстоит еще большая, упорная и настойчивая работа.

— Да, Петр, ты прав. Большевики стали действовать открыто, но сил пока явно недостаточно.

* * *

Через несколько часов Петр Александрович торопливо шел в направлении городской управы. Царившая там суматоха поначалу оглушила — люди (многие с красными бантами и розетками) находились в каком-то головокружительном потоке: одни приходили, другие спешили на выход — все были чем-то заняты. Наконец удалось узнать, где находится комната председателя исполкома Совета.

У дверей Петр Александрович столкнулся с Васильевым, который куда-то торопился. Михаил Иванович, увидев Лебедева, воскликнул:

— Кого я вижу!..— Он протянул руку для приветствия.— Знать, нашего полку прибыло. Рад, очень рад!

Лебедев взглядом показал на папку бумаг, которую Васильев держал под мышкой.

— Дела, дела... Столько тяжелых и добрых дел навалилось. Спешу в полк, нужно встретиться с товарищами... Извини, должен идти. Надеюсь, вечером встретимся.

В комнате Милютина были какие-то люди. Когда они ушли, Лебедев представился председателю исполкома.

— Много наслышан о вас, Петр Александрович. И поверьте, все мы ждали вашего возвращения. Сейчас, как никогда, нужны опытные партийцы.

Милютин прищурил свои подслеповатые глаза, разглядывая Лебедева, и продолжил:

— Отсутствие таких, как вы, Петр Александрович, к сожалению, привело к тому, что из 127 депутатов Совета всего лишь 23 большевика. Но и в таком числе нам, как видите, кое-что удалось. Меня избрали председателем. Видную роль в Совете играет Михаил Иванович Васильев. Талантливый он человек. Солдаты так те его слушают буквально чуть ли не с раскрытыми ртами, он пользуется их безграничным доверием... Рассказывать подробно о деятельности Совета не буду. Приходите сегодня на заседание и сами многое поймете. Вашу кандидатуру предложим ввести в состав Совета. Подумайте, как бы наладить нам рабочие клубы...

Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на которое Петр Александрович отправился на исходе дня, проводилось в помещении городской управы.

В зале было людно и шумно. После утверждения повестки дня и отчета о предыдущем заседании председательствующий Милютин предоставил слово секретарю Совета для доклада по вопросам, возникшим в секретариате. Говоря о работе с жало-

бами и заявлениями, докладчик подчеркнул, что они подразделяются на три группы: первая касается взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, вторая — между солдатами и офицерами, третья — между отдельными группами и Советом. Особо он остановился на третьей группе.

— С просьбами принять представителей в Совет обратились тюремные надзиратели, подрядчики, слушатели вечерних курсов, чиновники учреждений, из которых, по мнению секретариата, подлежит удовлетворению лишь просьба чиновников. Допуск в Совет рабочих и солдатских депутатов тюремных надзирателей исключает сама их профессия. Подрядчики тоже не подходят под понятие рабочих, так как они являются посредниками между рабочими и работодателями. Слушатели же вечерних курсов — те же заводские, фабричные и другие рабочие, так или иначе уже представленные в Совете.

Лебедев внимательно слушал докладчика. Несмотря на кажущуюся нелепость просьбы тюремных надзирателей и подрядчиков, думал он, нельзя не сделать вывод о том, что Совет, безусловно, пользуется в городе популярностью. Тем более авторитет Совета нужно крепить, утверждать его преданность делу рабочих.

Докладчик между тем говорил о необходимости усиления агитмассовой деятельности Совета среди рабочих города, о том, что в первую очередь нужно активизировать работу агитаторов.

— С этой целью газету «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов»,— закончил он,— решено выпускать не через день, как было до сих пор, а ежедневно. Принимаются меры к изданию новых брошюр и переизданию некоторых старых, представляющих интерес в данное время.

Многие выступавшие в прениях настаивали на безотлагательном развертывании работы в деревне, предостерегая, что в противном случае этим займутся реакционные силы, которые постараются увлечь крестьянские массы за собой. Эту мысль поддержал и представитель воинской части, подчеркнув, что исполкому Совета нужно больше уделять внимания воинским подразделениям, направляя в них своих людей.

Как бы подытоживая эти выступления, Васильев сказал, что исполнительный комитет надеется найти в трудном и кропотливом деле организации разрозненной массы крестьян, в том числе одетых в солдатские шинели, активную помощь со стороны партийной социал-демократии, особенно от бывших пленников павшего самодержавия, возвращающихся теперь из ссылок и тюрем в родные места.

Призвав депутатов Совета записываться для работы в дерев-

не, председатель заседания В. П. Милютин торжественно объявил:

— Товарищи! Вернулся из ссылки старейший партийный работник, один из организаторов в царское время рабочего клуба «Маяк» Петр Александрович Лебедев!

Это сообщение было встречено аплодисментами: многие присутствующие приветствовали Петра Александровича, встав со своих мест.

Когда зал успокоился, словно для выступления было предоставлено Лебедеву.

— Я глубоко тронут приветствиями,— начал свою речь Петр Александрович. — Я думаю, что ваши приветствия относятся не столько лично ко мне, сколько ко всем тем, кто способствовал своими усилиями падению старого правительства. Всем нам известно, что система старого правительства заключалась в том, чтобы ради своего существования препятствовать какой бы то ни было организации рабочих. И это не случайно. Ибо оно знало, что в организациях та сила, под давлением которой самодержавие рухнет. И тотчас после его падения возникла одна из таких организаций, как Совет рабочих и солдатских депутатов. Но это еще не все: мы стремимся к организации профессиональных союзов, рабочих клубов...

Вглядываясь в зал, Петр Александрович видел знакомые лица, смотревшие на него одобрительно.

— Рабочие клубы должны стать такими объединяющими органами, в которые бы имели доступ все желающие. Здесь могут читаться лекции, доклады, рефераты, здесь могут делать свои сообщения члены Совета, обмениваться с рабочими мнениями по тем или иным текущим событиям. Такие клубы существовали еще во время Великой французской революции,— так называемые якобинские клубы, сыгравшие свою положительную роль в революционных преобразованиях.

После выступления Лебедева неожиданно разгорелась дискуссия. Против создания рабочих клубов выступил меньшевик Каплан, некоторые другие его единомышленники. Большинство же поддержало предложение Лебедева. Было решено учредить в Саратове шесть рабочих клубов, равномерно распределенных по всему городу.

Несмотря на позднее время, заседание продолжалось.

— Ввиду перегруженности исполнительного комитета работой,— сказал Милютин,— он нуждается в пополнении свежими силами, поэтому исполком просит у Совета разрешения на введение в его состав пяти новых членов.

Среди выдвинутых восьми кандидатур была названа и фа-

милия Петра Александровича. Из пяти избранных лишь он не получил ни одного голоса против. Как наглядно свидетельствовало это о его популярности среди саратовских рабочих!

В заключение заседания по предложению Милютина была принята резолюция по вопросу об отношении Совета к современному моменту, в которой, в частности, говорилось:

«Настоящий исторический момент возлагает на рабочий класс и революционную армию ответственную задачу и обязанность окончательно закрепить совершившийся переворот и переход власти в руки народа.

Все меры, какие будут проводиться с этой целью, как-то: свобода слова, собраний, печати, отмена национальных ограничений и т. д. ...— встретят нашу самую горячую поддержку...

Формой политического устроения России мы считаем демократическую республику.

Всякое колебание или стремление задержать в проведении последовательной демократизации строя встретит с нашей стороны самое энергичное сопротивление»[33].

Говоря о сопротивлении, члены Совета имели в виду конкретного противника. Местная саратовская буржуазия по примеру петроградской и московской принимала необходимые меры к тому, чтобы не уступить власти. 2 марта 1917 года, то есть в тот же день, когда был выбран Совет рабочих депутатов, был создан Общественный городской исполнительный комитет, являвшийся проводником антинародной политики Временного правительства.

Проявлял колебания и Совет рабочих и солдатских депутатов, в составе которого имелось значительное число эсеро-меньшевистских соглашателей, а также лиц, вынесенных на гребень революционных событий случайно. Не было подчас единства по отдельным важным вопросам и среди большевиков.

Так, при единодушном мнении присоединиться к требованию ареста семьи Николая II многие члены Совета, в том числе и некоторые большевики, с большой осторожностью высказались в отношении изоляции дяди бывшего царя великого князя Николая Николаевича Романова, который якобы пользуется популярностью в армии и в силу старости и бездетности не представляет опасности для будущего.

— Тот переворот, что совершился у нас,— сказал в своем выступлении по этому поводу Петр Александрович,— совершается не первый раз в мире. Он был уже во многих странах — во Франции, Англии, Германии, Турции и Испании. И каждый раз возникал вопрос, что делать с династией. Вопрос важный... Вся черная сотня в первые минуты ошеломлена, но затем она,

как только опомнится, старается вернуть все старое. Поэтому после революции всегда появлялась и контрреволюция. Такая несвергнутая династия является ядром, вокруг которого сплачивается контрреволюция. В Турции, когда свергли кровавого султана Абдулл-Гамида, хотя он был всем ненавистен, он тоже делал попытки восстановить свою власть. Говоря об аресте представителей династии, мы думаем не о мести, а только о том, чтобы устранить возможный возврат к старому. Допустим, у нас явится демократическая республика, и все они станут просто господами Романовыми. Поверьте, с этим им будет трудно согласиться. Что касается Николая Николаевича, то едва ли он примирится с вольностями в войсках...

И все-таки вопрос об отстранении великого князя Н. Н. Романова ставить на голосование было рискованно: значительное большинство членов Совета высказывались против этой меры. Только через несколько дней этот вопрос, поднятый большевиками, был решен единогласно. Политическое развитие масс шло быстрым шагом [34].

Уже 11 марта на заседании Совета было решено об отправлении Временному правительству, Петроградскому и Московскому Советам рабочих и солдатских депутатов телеграммы такого содержания:

«Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов считает необходимым в интересах укрепления нового свободного строя и предупреждения каких-либо возможностей контрреволюции и возвращения к старому режиму устранение всей бывшей царствующей династии и отнюдь не поручать какому-либо из ее членов какого-либо командования в армии» [35].

* * *

В течение месяца в Саратов возвращались революционеры, освобожденные из тюрем, ссылок и поселений. В один из этих дней в городском театре состоялось их чествование. Со многими Петр Александрович здесь встретился впервые после неволи. Ему было радостно видеть в них своих единомышленников. О чем бы они ни вспоминали, какую бы тему ни затрагивали, разговор так или иначе сводился к одному — к необходимости укрепления своих партийных рядов.

В эти дни большевики часто собирались в «Маяке», где говорили о предстоящем общегородском партийном собрании, о том, как быстрее наладить выпуск своей газеты. Первый номер этой газеты под названием «Социал-демократ» вышел 23 марта. В тот же день открылся 1-й областной съезд представителей

Советов рабочих и солдатских депутатов Саратова, Самары, Оренбурга, Челябинска, Пензы, Астрахани, Златоуста и еще десяти городов. После бесед в кулуарах стало ясно, что большинство приехавших придерживается меньшевистских позиций.

В самом начале работы съезда было единогласно принято предложение П. Лебедева о том, чтобы доклады с мест делались для экономии времени в сжатой форме и по определенному плану с охватом важнейших вопросов, таких, как организация революционных сил, борьба с представителями старого строя...

Один за другим выступали делегаты: в Ртищеве доминирующее положение за Советом рабочих депутатов, солдатских организаций нет; в Астрахани военный гарнизон перешел на сторону Временного правительства; в Оренбурге из полицейских чинов смещены только низшие представители, Комитет социал-демократов принял резолюцию — делать все для обороны и начать переговоры о мире; в Балашове крестьяне сами арестовали земских начальников, у Нарышкина обнаружено и отобрано 1500 винтовок и 4 пулемета; в Самаре поднят вопрос об объединении фракций большевиков и меньшевиков; в Пензе пока действует только Исполнительный инициативный комитет, в котором рабочих около одной трети, либералы пытались ввести в комитет губернатора, выделившаяся из комитета группа занялась организацией Совета...

К обеду 25 марта областной съезд Советов закончил работу — принятые им резолюции были проникнуты духом оборончества и соглашательства.

День 25 марта оказался для Петра Александровича крайне перегруженным. После обеда он, в порядке очередности, открыл заседание Саратовского Совета, на которое были приглашены делегаты областного съезда Советов. С докладом выступил член Государственной думы А. М. Масленников, один из лидеров-прогрессистов, крупный фабрикант и помещик. После приветственных слов в адрес присутствующих и в их лице «народа и солдат» полилась высокопарная речь:

— Весь мир смотрит с восторгом и удивлением на русский народ, совершивший с такой быстротой свою почти бескровную революцию. Но радость наша не может быть полна, дело освобождения России еще не закончено: оно найдет свое разрешение на поле сражений, ибо вопрос о прочности завоеванных нами свобод неразрывно связан с вопросом, за кем будет победа. Это понимают и русский народ и русская армия, которая воодушевлена одной мыслью — победить или умереть. Все наши стремле-

ния должны быть направлены на снабжение армии снарядами и всем необходимым.

Долго говорил Масленников в том же духе, но, когда кончил, зал ответил жидкими и вялыми хлопками: многие с ним были не согласны. Его пояснения, дававшиеся потом по ходу обсуждаемых вопросов о том, что правительство якобы уже занято вопросом об увеличении пайка семьям призванных и жалованья солдатам, что в ближайшем будущем будет издан новый закон о самоуправлении городов и земств на самых демократических началах, что правительство намерено передать милицию в распоряжение органов самоуправления, а старую полицию призвать в войска, звучали декларативно и неубедительно.

Слово взял Петр Александрович Лебедев:

— Член Государственной думы много говорил здесь о победоносной войне, которая якобы разрешит все проблемы. Прикрывшись этим радужным и всеобещающим ореолом победы, он и словом не обмолвился о наших демократических требованиях. Более того, вдумайтесь, что нам сулит новый закон о самоуправлении городов и земств с передачей в распоряжение этих органов Временного правительства вооруженной милиции: по крайней мере сейчас уже ясно видно одно — ослабление роли Советов.

Участники заседания, кроме большевиков, выступление Лебедева встретили сдержанно. В то же время не нашлось желающих и опровергать его, если не считать реплик Масленникова, который, выражая протест, собрался покинуть заседание.

Чтобы сгладить неловкость положения, меньшевик Майзель обратился к Масленникову с благодарственной речью. Явно искажая действительность, меньшевистский оратор стал рисовать придуманную по ходу фальшивую картину о единодушной поддержке саратовскими рабочими и солдатами Временного правительства и его начинаний *.

«Майзель как будто забыл, что саратовская буржуазия, интересы которой представлял Масленников, давно уже начала снимать со своих пиджаков красные банты и розетки,— слушая оратора, думал Лебедев.— Благодаря таким соглашателям буржуазия все более уверенно чувствует себя в местных органах Временного правительства и всячески тормозит проведение в жизнь решений Совета. Она делает все, чтобы ослабить влияние Совета на трудящиеся массы».

---

* Спустя некоторое время Майзель пересмотрит свои политические позиции: он порвет с меньшевизмом, станет большевиком и отдаст за дело партии жизнь.

Заботясь об усилении роли Саратовского Совета, Петр Александрович еще 10 марта (на третий день после возвращения из ссылки) выступил на заседании исполкома с критикой действий некоторых руководителей Совета, которые вошли в состав буржуазного Общественного городского исполнительного комитета, возглавлявшегося бывшим членом Государственной думы Токарским. В тот день он заявил: «Создалось ненормальное положение: почти все члены президиума Совета присутствуют в Общественном городском исполнительном комитете, а у себя появляются как метеоры»[36].

По мнению Лебедева, участие в местном органе Временного правительства создавало у трудящихся масс представление о сотрудничестве большевиков с буржуазными партиями, затрудняло развитие революции.

И чем глубже он вникал в суть происходящего, тем убедительнее был его вывод о том, что большевикам необходимо вести непримиримую борьбу — борьбу за Советы.

Прямо с заседания Совета Петр Александрович направился на партийное собрание, намеченное на восемь часов вечера. Саратовские большевики оказали ему большую честь, поручив, как одному из основателей местной партийной организации, открыть собрание.

«25 марта,— писала газета «Социал-демократ» в своем втором номере,— состоялось организационное собрание членов Саратовской организации РСДРП. На собрании присутствовало около 150 человек. Избранный председателем тов. П. А. Лебедев в кратком вступительном слове сопоставил современные условия с теми условиями, в которых 16 лет тому назад возникла Саратовская организация. За эти годы классовая дифференциация русского общества и самосознание классов сильно возросло, организовались классовые партии, и буржуазия решила наконец взять власть в свои руки. У пролетариата есть свои задачи, отличные от задач всех прочих классов. Для осуществления их он должен организоваться, сплотиться вокруг социал-демократической партии».

Организационным партийным собранием был выработан устав, согласно которому город подразделялся на пять районов: фабрично-заводской, железнодорожный, городской, береговой и военный. Низшей партийной ячейкой были признаны заводские или цеховые собрания.

За недостатком времени (собрание окончилось поздно ночью) все внесенные в повестку дня вопросы, в том числе выборы руководящих органов, обсудить не удалось. Постоянный (до этого функционировал временный) Саратовский комитет

РСДРП(б) был выбран на следующем общем партийном собрании, состоявшемся 10 апреля. В его состав вошли: Лебедев, Антонов, Плаксин, Алексеев, Васильев, Соколов, Рапопорт, Хрынин, Марциновский, Абрамов, Мгеладзе, Вайнтруб и Гульбис.

«...Обсудив вопрос о современном политическом моменте,— сообщалось в том же номере «Социал-демократа»,— общее собрание членов Саратовской организации РСДРП признает:

1) Несмотря на то что революция совершена рабочим классом и революционной армией, т. е. теми же рабочими и крестьянами, власть формально передана в руки идеологов и представителей имущих классов.

2) В силу этого Временное правительство, состоящее из представителей буржуазии, не может разрешить всех вопросов и задач, созданных революцией.

3) До сих пор оно только под давлением революционных сил пролетариата и революционной демократической части армии, без собственной инициативы ведет борьбу с остатками старого строя и вводит самые необходимые изменения.

4) Перед рабочим классом стоит громадная задача — довести дело революции до конца. Он должен своей организованностью, силой и единством с революционной армией и крестьянством реализовать нашу программу-минимум.

5) В этой борьбе он встретит противодействие и должен готовиться дать отпор нарастающей реакции со стороны господствующих классов.

Ввиду этого рабочий класс, организуясь самостоятельной классовой единицей, будет поддерживать лишь те начинания Временного правительства, которые согласны с его требованиями, и должен готовиться к решительной борьбе с контрреволюционными попытками, с какой бы стороны они ни исходили, и борьбе с препятствиями развития революции во всех проявлениях политической, социальной и экономической жизни».

Вскрыв на партийном собрании буржуазную сущность Временного правительства, саратовские большевики сделали оговорку о возможности поддержки тех его начинаний, которые согласны с требованиями рабочего класса. Эта ошибочная позиция, характерная в тот сложный период для многих партийных организаций страны, в том числе и столичных, твердо и уверенно была исправлена с приездом в Россию В. И. Ленина, после его выступления 4 апреля 1917 года с историческими Апрельскими тезисами, ответившими на все кардинальные вопросы русской революции.

«Агитация Ленина,— писал Лебедев,— ...вошла, можно сказать, в плоть и кровь. «Власть Советам!» — стало нашим лозун-

гом, который мы открыто провозглашали и на собраниях, и в «Социал-демократе». Этот лозунг резко отделил нас от остальных партий»[37].

— Центр тяжести,— говорил Петр Александрович в начале мая 1917 года на заседании исполкома,— передвигается на Советы. Оставаясь революционным органом, Советы являются еще и органом власти... Советы должны быть властью[38].

Борьба обостряется

Рост партийных рядов был ощутимее день ото дня. Ячейки создавались не только на предприятиях, но и в воинских подразделениях. В водоворот политической жизни втягивались все новые и новые силы. Рабочие все настойчивее требовали установления 8-часового рабочего дня, введения гарантий их трудовых прав, а представители власти отмалчивались, ссылаясь на то, что Временное правительство скоро решит эти вопросы. Однако буржуазия не бездействовала: все заметнее наблюдалось натравливание на рабочих их братьев, одетых в шинели, которым внушалось, что сокращение рабочего дня ослабит армию и приведет к другим нежелательным в условиях военного времени последствиям.

— Промышленники, прикрываясь патриотизмом,— говорили в конце марта ораторы-большевики на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов,— страшно эксплуатируют рабочих, особенно женщин, защищая не родину, а свой карман. В то же время, ведя агитацию в войсках против рабочих, они хотят натравить на них солдат, чтобы власть осталась у них в руках.

— Товарищи,— сказал в заключение председательствовавший на этом заседании Петр Александрович Лебедев,— есть предложение принять следующую резолюцию: «Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов с негодованием отвергает попытки предпринимателей, буржуазных партий и буржуазной печати ввести раскол между рабочим классом и революционной армией по поводу введения 8-часового рабочего дня, а также все нападки на Петроградский СРиСД и рабочую партию»[39]. Кто за эту резолюцию, прошу голосовать.

Над головами поднялся лес рук, большинство присутствующих было «за»...

А спустя несколько дней большевистская газета «Социал-демократ» сообщила, что собрание солдат батарей местной бригады единогласно признало требование 8-часового рабочего дня не противоречащим интересам солдат и общему делу народа.

Стремясь сплотить под своим знаменем рабочие массы и

широкие непролетарские слои, саратовские большевики, следуя муниципальной платформе ЦК РСДРП, приняли активное участие в выборах городских и районных дум.

30 марта на заседании Совета Лебедев сделал доклад о подготовке к предстоящим выборам. Он подверг резкой критике действующие органы самоуправления, указав на отвратительную постановку всего дела народного хозяйства, скверную организацию образования, снабжения населения, невыносимые гигиенические условия на городских производствах. Петр Александрович высказался за то, чтобы выборы были проведены на условиях всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Он предложил представителям партий ознакомить население с их муниципальными программами и приступить к выдвижению кандидатов.

Спустя три дня Лебедев выступил на собрании большевиков Городского района. Он подчеркнул, что работу по подготовке выборов партийные организации должны взять в свои руки, чтобы провести в органы городского самоуправления как можно больше своих кандидатов.

С учетом местных условий Петр Александрович составил проект муниципальной программы, которая была утверждена общегородской конференцией РСДРП и 3 мая опубликована в «Социал-демократе». Обстановку предвыборной кампании Лебедев описал так: «Большевистский комитет решил принять деятельное участие в выборах и назначил для этого избирательную комиссию, куда вошли я, Мицкевич и Петерсон. Агитаторских сил в нашем распоряжении было очень мало, тем не менее мы кампанию развернули вовсю, издавая листки, воззвания, устраивая собрания и пр.

Была выработана... программа городского самоуправления, но, конечно, в своей агитации мы касались не только задач городского самоуправления, а и общеполитических вопросов. С такого рода агитацией мы шли в самые глухие кварталы, где обывательская мещанская масса дико таращила на нас глаза, но все же слушала, и чем дальше, тем все с большим интересом.

Остальные партии, в том числе и кадеты... также повели усиленную кампанию. Меньшевики объединились с эсерами в избирательный блок и выставили общий список, возглавленный в виде приманки Керенским. Все враждебные нам газеты открыли против нас усиленную кампанию и тем только подзадоривали в массах желание узнать, что представляют из себя большевики, которых все так ругают. Наши шансы росли поэтому с каждым днем, и в особенности в солдатских массах, где нас теперь слушали особенно внимательно»[40].

В состав гласных думы по большевистскому списку были избраны: Милютин, Лебедев, Васильев, Антонов, Мгеладзе, Мицкевич и другие. О результатах выборов в думы городов Поволжья М. И. Васильев доложил VI съезду РСДРП(б), делегатом которого он был, подчеркнув, что, несмотря на неблагоприятные условия (голосование проходило вслед за событиями 3—5 июля), большевики получили немалое число голосов.

* * *

Еще при обсуждении в конце апреля ноты Милюкова меньшевик Гутерман внес предложение произвести переизбрание Совета рабочих и солдатских депутатов с тем, чтобы Совет и его исполком были, как он выразился, единым «революционным» органом.

Говоря о едином органе, меньшевики имели в виду принятие мер к укреплению своего влияния в Совете. Эти стремления особенно ярко проявились при обсуждении наказов делегатам, избранным на I Всероссийский съезд Советов, намеченный на 3 июня 1917 года.

Меньшевик Майзель предложил дать делегатам такие директивы, которые отображали бы мнение большинства Совета и, следовательно, должны были отстаиваться делегатами на съезде Советов независимо от их партийной принадлежности. Его активно поддержали меньшевики и эсеры.

Выступивший от имени большевистской фракции Васильев сказал, что поскольку у большевиков и меньшевиков разные мнения по ряду вопросов, в том числе по отношению к Временному правительству и войне, то съезд Советов должен знать об этих мнениях.

— Демократическая революция в России должна быть доведена до конца, то есть рабочие должны получить удовлетворение своих требований, крестьяне всю землю без выкупа, а вся Россия — широкую демократическую свободу,— с присущим ему темпераментом полемиста говорил Михаил Иванович.— Революция — это борьба угнетенных классов с классами угнетателей, рабочих и крестьян — с торгово-промышленной буржуазией и помещиками. Всякое соглашение с этими классами теперь означало бы конец революции или, во всяком случае, приостановку ее развития. Поэтому необходимо добиваться дальнейшей организации и сплочения всех демократических сил вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с Всероссийским Советом этих депутатов во главе. Революционное правительство и органы власти на местах должны быть сильными и

пользоваться доверием революционной демократии. Только правительство, составленное из представителей самой демократии, может пользоваться ее безусловным доверием. Только те власти на местах, которые будут созданы самой демократией, точно, быстро и неуклонно будут выполнять совместно с революционным правительством волю революционных классов. Поэтому всякие коалиционные правительства, являющиеся попыткой соглашения с господствующими классами, и все органы местной власти, составленные по тому же образцу, не соответствуют своему назначению, не могут быть сильными и пользоваться доверием большинства и являются лишь этапом в революционной борьбе. Поэтому же революционная демократия, продолжая организацию своих сил, должна стремиться к созданию собственного, то есть революционно-демократического, правительства в центре и собственных революционно-демократических органов власти на местах. Если же меня заставят выражать доверие нынешнему буржуазному Временному правительству, то это будет насилие над убеждениями. Нельзя кричать «ура», когда нужно кричать «караул». Необходимо стремиться к скорейшему окончанию мировой войны, преступно вызванной международными хищниками-империалистами...

В результате дружной поддержки большевистского оратора П. А. Лебедевым, В. П. Антоновым, В. П. Милютиным и многими другими меньшевики вынуждены были согласиться избрать на съезд и большевиков, не обязывая их поддерживать меньшевистско-эсеровский наказ.

Каждое решение, если его удавалось проводить через Совет, бралось, как говорится, с боя. А избрание председателем исполнительного комитета Совета меньшевика Черткова, вместо отозванного из Саратова Милютина, еще более осложнило работу.

13 июня в Совете стало известно о протестах солдат 90-го и 91-го полков против отправки чуть ли не всех воинских подразделений на фронт. Усматривая в этом подготовку к наступлению, солдаты провели собрание полковых представителей, носившее явно антивоенный характер. В принятой резолюции солдаты выражали недоверие Временному правительству.

Этот факт по-разному расценивался представителями различных политических партий, входящими в Совет. Большевики приветствовали это событие, меньшевиков же и эсеров оно повергло чуть ли не в ужас. Не скрывая раздражения, рассказывали в исполкоме о ходе собрания меньшевик Майзель и эсер Минин, требуя принятия каких-либо мер. Находившийся в исполкоме бывший председатель Военного комитета Максимович буквально взорвался:

— Революция,— выкрикивал он, обращаясь в сторону сидевших напротив Лебедева, Мгеладзе и Плаксина, невозмутимый вид которых его чуть не бесил,— превращается в анархию! Совету следует не обращать внимания на анархические выходки большевиков и немедленно принять резолюцию без каких-либо оговорок о безусловном доверии правительству и Керенскому. Только тогда мы сможем чувствовать себя уверенно.

Редкий гость исполкома губернский комиссар Топуридзе, прибывший на этот раз ввиду чрезвычайных обстоятельств, явно симпатизируя Максимовичу, в тон ему произнес:

— Революционный подъем идет на убыль, поэтому нам нужно искать путь, который с честью вывел бы нас из создавшегося положения.

Губернский комиссар — ставленник Временного правительства, функции которого были близки функциям бывшего губернатора,— путь этот видел, так же как и те, кому он подчинялся, в одном — в скорейшем удушении революции.

Предчувствие солдат оправдалось: 18 июня, в день проведения в Петрограде под большевистскими лозунгами демонстрации, по приказу Временного правительства на фронте началось наступление.

На эти события саратовские большевики откликнулись передовой статьей в «Социал-демократе», одним из авторов которой был Лебедев. В ней говорилось, что оставлять власть в руках коалиционного буржуазного правительства, обнаружившего своими последними действиями в тылу и на фронте явную контрреволюционность, дальше нельзя — власть должна перейти в руки Всероссийского съезда Советов.

В ответ на меньшевистско-эсеровскую резолюцию, призывавшую приветствовать армию, перешедшую в наступление, большевистская фракция Совета внесла свою резолюцию:

«Горячо приветствуя своих бесконечно страдающих братьев-воинов, Саратовский Совет солдатских и рабочих депутатов горестно отмечает, что на алтарь кровавого бога войны снова и снова приносятся тысячи человеческих жертв. И ужаснее всего, что эти жертвы приносятся хотя и под флагом борьбы за свободу, на самом деле во имя корыстных, хищнических интересов господствующих классов всех стран по их указанию и под их ликующие крики. Голодные продолжают уничтожать друг друга во славу сытых. И, заглушая стоны умирающих на поле брани, нагло звучит над миром сатанинский хохот упившегося человеческой кровью капитализма...» [41].

Последние слова этой резолюции вскоре нашли неопровержимое подтверждение и на внутреннем «фронте»: сначала раз-

вернулись кровавые события 3—5 июля, когда по приказу Временного правительства была расстреляна петроградская демонстрация рабочих и солдат, а затем свое лицо показала корниловщина. Не видеть при таких обстоятельствах готовности буржуазии пойти на любые преступления, лишь бы отстоять свою собственность и власть над народом, могли только те, кто хотел того же, или те, кто не желал этого видеть. Последнее положение, судя по поведению и практическим делам, импонировало меньшевикам и эсерам.

«Вся политика Керенского в целом,— писал Лебедев,— и внутренняя и внешняя, заигрывание с капиталистами, полное игнорирование нужд рабочих и крестьян, все это давало нам широкое поле для агитации. В это же время начались и крестьянские беспорядки в губернии. Не дождавшись закона о земле, крестьяне начали «своими средствами» разрешать аграрный вопрос, жгли помещичьи усадьбы, угоняли скот, захватывали землю. Комиссар Топуридзе тайно от нас направлял отряды казаков для защиты помещиков и усмирения крестьян. Мы, конечно, узнавали об этом... и всячески протестовали» [42].

Когда в Петербург дошла весть о том, что общегородское собрание рабочих и солдат Царицына приняло 10 июля резолюцию о недоверии Временному правительству и о передаче власти Советам, Керенский поспешил дать приказ о направлении в Царицын карательной экспедиции в составе тысячи юнкеров и казаков во главе с известным монархистом начальником Саратовского училища прапорщиков Корвиным-Круковским.

В ответ на это Лебедев, поддержанный другими большевиками, выступил на заседании исполкома с протестом, предложив направить в Царицын делегацию Саратовского Совета с целью предупредить возможные трагические последствия. Так как меньшевики и эсеры отклонили внесенное предложение, большевистская фракция командировала в Царицын своего представителя Антонова, который не только сообщил царицынским товарищам о карательном отряде Корвина-Круковского, но и провел на предприятиях города ряд собраний и митингов, направленных на защиту и развитие революции.

По прибытии в Царицын Корвин-Круковский сразу же начал «восстанавливать порядок». В первую очередь он арестовал председателя исполкома Совета Я. З. Ермана, затем — еще 27 партийных руководителей, закрыл большевистскую газету «Борьба», запретил проведение митингов и демонстраций, отправил на фронт большевистски настроенный 141-й пехотный полк.

Попали под арест в Камышине Антонов и поехавший его провожать царицынский большевик Минин.

Вооруженное насилие над революционным народом, к которому стало прибегать повсеместно Временное правительство, явилось переломным моментом в ходе революции: с одной стороны, при прямом содействии эсеров и меньшевиков, власть перешла в руки контрреволюции, с другой — трудящиеся массы окончательно разуверились в достижении своих целей с помощью буржуазного правительства. «Выступление Корнилова,— анализировал потом Петр Александрович,— и та двусмысленная роль, которую играло при этом Временное правительство во главе с Керенским, разом отшатнули от последнего тех, кто еще смотрел на него как на революционера и социалиста. Скоро само слово «Керенский» стало насмешливым, чуть ли не ругательным прозвищем. Редко вообще бывало в истории, чтобы кто-нибудь так стремительно падал с головокружительной высоты в бездну «насмешек и презрения». Государственное совещание заодно с ним похоронило и те партии, на которые он опирался,— меньшевиков и эсеров.

С другой стороны, выступление Корнилова, или, вернее, тот отпор, который оно встретило со стороны питерских рабочих под руководством большевиков, разом вернули нам... симпатии масс» [43].

Дальнейшее мирное развитие революции стало невозможным. VI съезд партии нацелил партию большевиков на подготовку к вооруженному восстанию.

28 августа на заседании исполкома Саратовского Совета обсуждался вопрос о предстоящих на следующий день митингах солдат гарнизона, где они должны были выразить свое отношение к контрреволюционному выступлению корниловцев. Дебаты на исполкоме были долгими и острыми. Меньшевистско-эсеровский блок настаивал на том, чтобы выделенные исполкомом ораторы выражали в своих выступлениях поддержку Временному правительству такими, например, лозунгами, как «Беспощадная борьба с посягательствами на правительство», «Да здравствует вождь революционных войск, министр-председатель Керенский», «Да здравствует правительство спасения страны и революции». Большевики выставили свои, диаметрально противоположные лозунги, преобладающим словом в которых было слово «долой»,— «Долой всех контрреволюционеров, как тайных, так и явных», «Долой буржуазную клеветническую прессу» и другие.

Поскольку ни один из лозунгов большевиков на исполкоме не прошел, сначала Васильев-Южин, а затем Лебедев и Анто-

нов заявили, что под лозунгами меньшевиков и эсеров выступать на митингах не будут, так как это противоречит их взглядам, их совести, и они оставляют за собой право выступить в случае надобности с такими речами, которые будут соответствовать их убеждениям.

Видя, что дело оборачивается невыгодной стороной, эсер Телегин поспешил сделать «экстренное» заявление о состоявшемся соединенном заседании общественных организаций, думы и земства с участием губернского комиссара Топуридзе, выработавшего обязательное постановление о запрещении впредь до особого распоряжения всяких уличных собраний, митингов и манифестаций в Саратове и всей губернии.

Но, несмотря на это, митинги солдат состоялись. Более того, они вылились в мощную демонстрацию, освободившую из тюрьмы группу царицынских большевиков и в их числе Ермана и Минина.

* * *

Общее собрание Совета, собрания рабочих и служащих заводов Бушкова, «Жесть», железнодорожных мастерских, некоторых других предприятий, состоявшиеся в последний день августа и в начале сентября, вынесли решения о необходимости вооружения народных масс для беспощадной борьбы с явными и тайными контрреволюционерами и создании власти, способной пользоваться доверием рабочих, солдат и крестьян.

Петр Александрович выступил с инициативой создания при Совете и его исполкоме рабочей дружины. Уже на следующий день, 3 сентября 1917 года, исполком утвердил устав дружины, проект которого подготовил Лебедев. В уставе говорилось, что рабочая дружина организуется при Совете рабочих и солдатских депутатов и находится под непосредственным руководством исполкома. В дружину мог вступить каждый рабочий или служащий, достигший 18 лет и согласившийся подчиняться Совету. Для вступления была необходима рекомендация партийного комитета, фабзавкома или больничной кассы. Рабочие каждого предприятия могли объединяться в отдельный отряд, если число их не менее 25 человек. Член дружины, получивший оружие, нес за него личную и имущественную ответственность.

Вспоминая о том, как организовывались рабочие дружины — первые в Саратове отряды Красной гвардии, Лебедев писал:

«По примеру Москвы и Петербурга я предложил создать Красную гвардию. Эта мысль у нас, впрочем, мелькала и раньше, ибо было ясно, что солдатская масса, где старая дисциплина упала... организованной опорой быть не могла... Получив санк-

цию своих товарищей... я созвал представителей фабрично-заводских комитетов, ознакомил их с проектом и встретил полное сочувствие. Тут же были назначены организаторы, и через несколько дней точно из земли выросла дружина человек в сто. Труднее обстояло дело с оружием, но... через товарищей солдат... достали из полков отличные винтовки...

Самым лучшим отрядом был отряд железнодорожных рабочих, которым командовал... т. Ерасов. По условленному сигналу Красная гвардия должна была немедленно собираться к исполкому. Иногда в городе царило возбуждение... Тогда вызывалась гвардия и демонстративно маршировала по улицам, одним своим видом внушая полную уверенность, что никаких погромов допущено не будет»[44].

28 сентября 1917 года газета саратовских большевиков писала: «Красная гвардия при Совете рабочих и солдатских депутатов организуется довольно энергично. В состав ее входит в настоящее время до 600 членов. Образован Штаб гвардии, в состав которого входит несколько начальников отрядов, представители исполнительного комитета и другие лица. Многие отряды деятельно ведут строевые занятия»[45].

* * *

В первой половине сентября на предприятиях и в воинских частях проходили выборы депутатов в новый, третий по счету, состав Совета рабочих и солдатских депутатов. Результаты выборов наглядно показали, как выросло влияние большевиков: их число в Совете увеличилось в четыре с половиной раза и стало преобладающим. Значительный перевес получили они и в исполкоме, председателем которого стал Антонов-Саратовский, а его заместителями — Васильев и Лебедев.

Так как аналогичная картина вырисовывалась и в других губерниях, эсеро-меньшевистские руководители ЦИКа Советов предприняли еще одну попытку задержать развитие революции. 14 сентября по их инициативе в Петрограде было созвано Демократическое совещание, с помощью которого соглашатели хотели подготовить почву для ликвидации Советов. Однако оно не оправдало надежд организаторов: созданный ими Предпарламент, призванный якобы содействовать разрешению вопроса об установлении народной власти, на самом деле являлся беспомощным прикрытием скомпрометировавшей себя власти Керенского.

Бойкотировав Предпарламент, ЦК партии большевиков стал агитировать за созыв II съезда Советов. Саратовцы откликнулись на это так:

«Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов совершил историческое преступление, подменив своевременный съезд Советов, особенно необходимый ввиду острого кризиса власти, созывом бесформенного и бессильного Демократического совещания...

Только съезд Советов может... образовать действительно революционный парламент и создать наконец творческую революционную власть»[46].

В начале октября в Саратов приехал из Петрограда член ЦК В. П. Милютин. Состоявшееся с его участием совещание представителей партийных организаций Саратова, Царицына, Вольска, Петровска и Ртищева одобрило ленинскую линию ЦК, взявшего курс на вооруженное восстание.

10 октября на заседании бюро исполкома был поднят вопрос о проверке обоснованности содержания под стражей четырех солдат, арестованных около двух месяцев тому назад в городе Аткарске. В связи с этим решили направить в Аткарский Совет запрос о том, что ему известно по данному делу, с предложением принять меры к освобождению солдат, если они невиновны. Одновременно Лебедеву было поручено выяснить в прокуратуре, предъявлено ли этим солдатам, содержавшимся в Саратовской тюрьме, обвинение.

По окончании заседания Петр Александрович направился в прокуратуру. Как он и предполагал, обвинение солдатам Нищенкову, Резинкову, Степнягину и Григорьеву не было предъявлено. Что они совершили, в прокуратуре толком не знали.

Прокурор, к которому зашел Лебедев, стал жаловаться:

— Солдаты бесчинствуют как в городе, так и на селе. Когда их посылают наводить порядок, они не подчиняются и часто сами участвуют в беспорядках, а военные власти и губернский комиссар каких-либо решительных мер к ним не принимают. Я был вынужден,— продолжал прокурор,— направить соответствующее донесение министру юстиции. Вот, прочитайте и, если найдете нужным, можете сообщить о том, что я написал, местным властям. Не буду возражать, если от вас узнает об этом и губернский комиссар Топуридзе.

«Считаю долгом донести,— начал читать Петр Александрович поданную прокурором бумагу, помеченную 6 октября 1917 года,— что город Саратов и вообще весь Саратовский округ находятся в настоящее время в очень тяжелом положении... Главное зло, против которого нет сил бороться,— это солдаты, являющиеся в настоящее время безответственными хозяевами положения. Губернские власти бессильны бороться с ними... Губерн-

ский комиссар правительства не обладает ни авторитетом, ни властью»[47].

— Вы живете еще в старой романовской эпохе — сказал Петр Александрович, возвращая копию донесения.— Но как бы то ни было, прошу вас проверить обоснованность содержания в тюрьме солдат и, если в их действиях нет состава уголовного преступления, освободить их, поставив в любом случае в известность исполком Совета.

Выйдя из прокуратуры, Петр Александрович продолжал думать о состоявшемся разговоре. «Что же заставило прокурора написать такое донесение?»— задавал он себе вопрос.

Ему вспомнился митинг шести полков гарнизона, состоявшийся месяц назад. На нем была принята резолюция с протестом против вновь сформированного правительства, названного «Директорией». Солдаты требовали роспуска IV Государственной думы, Государственного совета, передачи власти в руки демократии в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также ареста заговорщиков Гучкова, Милюкова, Родзянко, Рябушинского и других, очищения Генерального штаба от контрреволюционных элементов и замены их выборными лицами из революционно настроенных частей армии. До этого и после солдаты не раз отказывались от участия в карательных экспедициях, направлявшихся в сельские уезды для подавления революционных выступлений крестьян.

«Нет, пожалуй, дело не только в том, что прокурор в своем донесении стремился оправдаться перед министром юстиции за неблагоприятное положение в Саратовской губернии,— думал Лебедев.— Вопрос гораздо сложнее. Кому, как не ему, прокурору, известно, что положение не просто неблагоприятное,— оно угрожающее, критическое. Вопрос поставлен ребром: или — или. Или в России сохранится буржуазно-чиновничья машина, или власть перейдет в руки вооруженного народа, который в щепки разнесет эту машину. Инстинкт биологической особи бороться за свою жизнь — вот что в первую очередь руководит поступками таких людей, как прокурор. Или — или. Смерть или жизнь... Старый мир трещит по швам, новый приходит на смену ему...»

В памяти всплыло воспоминание о собрании представителей пяти деревень Аткарского уезда. На нем присутствовало 400 человек, решивших единодушно, что пора взять судьбу народа не на четверть и не наполовину, как это было до сих пор, а целиком в свои руки, передав власть по всей России Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Все предметы массового потребления, по мнению участников собрания, должны быть распределены по равному количеству на человека по всей

стране. Пусть хоть понемногу, указывали крестьяне, да у каждого будет... Они предлагали также закрыть газеты имущих классов, вроде «Русского слова», за систематическую клевету на трудовой народ, подчеркивая, что такие газеты не только не помогают, а, наоборот, только сбивают с толку, натравливая крестьян на рабочих и солдат. Запрещение губернским комиссаром Топуридзе собраний в деревнях и селах губернии, последовавшее 2 сентября 1917 года, крестьяне расценили как действия, присущие царскому правительству, боявшемуся свободного слова.

И еще любопытная деталь. Группа граждан села Шмаковая Балка после обсуждения программ «четырех главных российских политических партий», вынесла постановление, в котором указывалось, что они присоединяются к программе Российской социал-демократической рабочей партии, как партии, отвечающей их чаяниям и интересам.

То, что подавляющее большинство рабочих и солдат, а также значительная часть беднейшего крестьянства губернии находится на стороне большевиков, сейчас ни для кого не было секретом. Нет ясности только в одном — когда будет решительное выступление, когда наступит день вооруженного восстания.

Петр Александрович и его саратовские товарищи по партии не знали еще, что именно в этот день — 10 октября 1917 года — в Петрограде на квартире Сухановых состоялось конспиративное заседание ЦК партии во главе с В. И. Лениным, на котором была принята исторической важности резолюция о том, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, что вся работа партии должна быть подчинена задачам организации его проведения.

В это время Петр Александрович по поручению партийного комитета пишет для «Социал-демократа» статью, направленную на разоблачение контрреволюционной политики Временного правительства, меньшевиков и эсеров.

«Как и 7 месяцев тому назад, перед российской демократией становится в категорической форме вопрос: как быть дальше? Что делать, чтобы попытаться спасти страну от той ужасной пропасти, в которую она так неудержимо катится? На фронте войска Вильгельма наносят революции удар за ударом, и, хотя правительство неустанно твердит об обороне и о создании боеспособной армии, тем не менее во всех последних неудачах чувствуется какая-то сознательная рука. Ригу заведомо отдал немцам Корнилов, при более чем странном поведении «союзников» впустили немецкий флот в Балтийское море, собираются отдать Петроград. Подозрение против высшего командования и

неуверенность даже в самом правительстве парализуют возможность всякого успешного сопротивления.

Так же плохо и даже совсем безнадежно обстоит дело внутри страны с вопросами экономическими и продовольственными. Новое правительство в этом отношении сейчас ровно ничего не делает, предоставляя разрухе и голоду делать свое губительное дело. Растет безработица, растет дороговизна и недостаток продовольствия, а правительство, состоящее из корниловцев, точно радо этому: «Чем хуже, тем лучше, скорее народ разочаруется в революции и отвернется от большевиков». И наряду со всем этим усиливается контрреволюция, всячески стесняются и ограничиваются Советы, на месте их творческой революционной деятельности восстанавливаются бездушная казенщина и формализм. Для борьбы с революцией создаются охранные отделения, черные кабинеты, вводятся исправники и полицмейстеры. И наконец, крестьянство все более и более теряет надежду получить землю при теперешнем правительстве.

И вот, сжатая в тисках безвыходной нужды и голода, отчаявшись во всяких соглашениях, убедившись окончательно, что радикальные партии — эсеры и меньшевики — из трусости никогда не решатся порвать с контрреволюционной буржуазией и взять в свои руки власть, широкая масса демократии начинает обращать свои взоры к Советам рабочих и солдатских депутатов. Если кто может спасти страну и революцию, то только они, эти Советы... Только Советы могут принять решительные шаги к заключению мира, а если придется, то и защищать революцию от внешнего нападения, обеспечив армию от всякого предательства. Только Советы могут сократить аппетиты спекулянтов, установить действительно равномерное распределение продуктов и контроль над производством. Только они в силах повести решительную борьбу с контрреволюцией... Только они, наконец, смогут дать землю крестьянам.

И естественно, что отовсюду: из городов, из деревень, с фронта и с тыла, с близких и дальних окраин — несется клич: долой всякую коалицию. Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Так точно, емко и эмоционально описал Лебедев создавшееся в стране положение, выразив отношение к происходящим событиям с позиций большевистской, ленинской партии. Нет сомнения в том, что взволнованное слово Петра Александровича проникало в самую гущу простого народа и находило живой отклик в сердцах рабочих.

Эту статью за подписью П. Лебедева газета «Социал-демократ» опубликовала в № 75 за 15 октября 1917 года, вновь тем

самым решительно провозгласив на своих страницах лозунг большевиков: «Вся власть Советам!».

Вскоре в Саратовский партийный комитет пришли вести о состоявшемся 16 октября расширенном заседании ЦК РСДРП(б), на котором была подтверждена резолюция В. И. Ленина о вооруженном восстании и избран Военно-революционный центр по руководству восстанием.

В эти дни, следуя указаниям ЦК партии, саратовские большевики энергично готовили свои силы: на предприятиях и в воинских частях чаще обычного бывали пропагандисты и агитаторы, проводились учения красногвардейцев, принимались меры к вооружению рабочих отрядов.

За власть Советов

Сообщение о начавшемся в Петрограде вооруженном восстании с телеграфа было доставлено губернскому комиссару Топуридзе. Тот сразу же созвал своих сторонников для обсуждения вопросов, связанных с мобилизацией сил, чтобы не допустить перехода власти к Советам в Саратовской губернии.

Ни Лебедев, ни другие большевики Саратовской партийной организации не знали пока о петроградских событиях никаких подробностей: все сведения с телеграфа шли Топуридзе...

К шести часам вечера Петр Александрович отправился на межпартийное совещание. Открыл это совещание лидер меньшевиков Чертков.

— Интересно, чего же хотят от нас господа меньшевики и эсеры? — не рассчитывая на ответ, спросил Петр Александрович у Антонова, усаживавшегося рядом.

— Очередного предательства, чего же еще,— как нечто само собой разумеющееся подметил Владимир Павлович.

Сообщив о начавшемся в Петрограде восстании большевиков против Временного правительства, Чертков сделал акцент на том, что в данное время восстание, по всем имеющимся у него данным, подавляется силой оружия. По всему было видно, что Чертков неумело врал, отчего выглядел неубедительным и жалким. Справившись с неприятной для него частью выступления, он заговорил более уверенно, убеждая присутствующих принять экстренные меры к тому, чтобы не допустить вооруженных выступлений в Саратовской губернии, дабы не содействовать развязыванию в стране гражданской войны.

— Выражая мнение комитетов меньшевиков и эсеров,— продолжал он уже окрепшим голосом,— я надеюсь, что благоразу-

мие возьмет верх у представителей большевистской организации и они не поддадутся на авантюру, сохранив вместе с нами революционный фронт демократии.

Выступивший следом за ним эсер Минин пошел дальше:

— Мы требуем,— кричал он,— чтобы Саратовская организация большевиков решительно и публично осудила мятежные действия своего ЦК и Петроградского комитета партии!

После этих слов Петр Александрович почувствовал, как перехватило дыхание, а пальцы рук крепко, до боли, сжались в кулаки. Не выдержав такой наглости, вскочил со своего места побледневший Васильев.

— Понимаете ли, сознаете ли, чего вы требуете от нас? — едва сдерживаясь, начал он.— Ведь вы хотите, чтобы мы поступили как жалкие трусы, изменники и предатели. Как смеете вы думать так?! Как смеете предъявлять нам подобные требования? Впрочем, вы, мещане, иначе и не можете поступать...— Он выдержал паузу и, успокоившись, продолжил:— Но саратовские большевики всегда были и останутся честными и смелыми. От лица всех своих товарищей, без всякого обсуждения вашего гнусного предложения, я заявляю вам: мы всеми нашими силами, не останавливаясь ни перед чем, поддержим наших петроградских товарищей! Не так ли товарищи?!

— Правильно! — раздались дружные возгласы Лебедева и Антонова.

При выходе из зала заседания Петр Александрович столкнулся с Майзелем, который, видимо, все больше и больше сомневался в верности своего пути, по которому его несла загнавшая в тупик соглашательская, а теперь уже и предательская политика меньшевистской партии.

— Представляете себе, что вам придется меня арестовывать?—сказал, улыбаясь, Майзель.

— Я вполне это представляю,— серьезно ответил ему Петр Александрович, не найдя в себе эмоций для взаимной улыбки.

«Кому кого придется арестовывать? — продолжал мысленно рассуждать Петр Александрович.— Это зависит от того, у кого будет власть: мы их или они нас — третьего, пожалуй, не дано. Сопротивление, которое будет оказываться с той или другой стороны, неизбежно».

Он не сомневался, что сила в Петрограде на стороне большевиков, но официальных сведений об этом все еще не имелось. Губернскому комиссару пока удавалось скрывать от Совета как истинное положение в Петрограде, так и директивы, шедшие на места из центра вооруженного восстания. Действовал Топуридзе не только по своей воле, но и по предписанию свыше. Ночью с

24 на 25 октября он получил телеграмму: «Телеграф Петрограда занят большевиками. Просим все телеграммы, призывающие к ниспровержению Временного правительства и неисполнению боевых приказов, задерживать. За министра почты Малянтович»[48]. Но тормоза разваливающейся машины Временного правительства оказались ненадежными.

25 октября на расширенном заседании Саратовского комитета РСДРП(б) было принято решение срочно привести в боевую готовность отряды Красной гвардии и все наиболее надежные части солдат местного гарнизона. На предприятия города один за другим направлялись агитаторы и организаторы. В партийном комитете и исполкоме Совета было установлено круглосуточное дежурство.

В свою очередь, почти беспрерывно заседала и городская дума, где намечались планы и предпринимались конкретные шаги к тому, чтобы не допустить в губернии перехода власти к Советам.

26 октября огромный зал консерватории, где на этот раз заседал Совет, был буквально набит народом: кроме депутатов присутствовали представители фабрично-заводских комитетов, много солдат, расположившихся на хорах. За столом президиума — В. П. Антонов, М. И. Васильев, П. А. Лебедев, К. И. Плаксин, С. И. Тренин, другие большевики.

С докладом о текущем моменте от имени Саратовского комитета РСДРП(б) выступил М. И. Васильев. Его сообщение о том, что в Петрограде создано Советское правительство во главе с В. И. Лениным, было встречено громом аплодисментов и криками «ура». Скандировали не только в зале, но и на прилегающей к консерватории площади, заполненной рабочими и солдатами.

— Вся наша тактика,— продолжал докладчик,— сводится теперь к передаче всей власти Советам и на местах. Имеются сведения, что на нас будут двинуты казачьи части, и ввиду грозящей нам опасности мы должны быть готовы к бою, нам необходимо организовать свой Военно-революционный штаб из стойких революционеров, преданных делу рабочего класса и всего трудового народа...

При выборах штаба все кандидатуры инициаторов создания военного комитета были забаллотированы. Эсер Понтрягин в ответ на это стал угрожать:

— Если на Саратов пойдет Каледин, подступающий к Царицыну, то офицеры при таком положении откажутся от командования солдатами...

Выступление Понтрягина вызвало бурю негодования.

— Товарищи рабочие, и вы, товарищи солдаты,— вновь обратился к залу Васильев-Южин,— скажите нам и себе открыто и смело: сможем ли мы собственными силами, без помощи этих господ отстоять революцию от черных банд, идущих к Саратову?

— Отстоим! Справимся! — дружно ответил зал.

«Вот так-то,— мысленно оценил обстановку Петр Александрович,— историю творят массы, а не отдельные лица».

К этому времени из городской думы прибыли меньшевики. Чертков, которому было предоставлено слово для внеочередного заявления, стал зачитывать состряпанные заранее фальшивые телеграммы о том, что Керенский якобы вступил со своими войсками в Петроград и одерживает победы.

— Совет должен поддержать Временное правительство,— начал с напором Чертков,— и осудить безумную авантюру большевиков, ведущую к пропасти...

Молча слушал своего идейного противника председатель Совета В. П. Антонов. Но вот он распрямился и в установившейся тишине своим густым баритоном начал отповедь:

— Товарищи, вы слышите, что говорят они, эти социалисты, эти вожди. В страшный для нас час, в час величайших исторических событий для рабочих России, быть может, всего мира, в час, когда наши братья, наши товарищи — рабочие Петрограда — ломают скрижали прошлого, с оружием в руках восстают против векового врага — угнетателя, против буржуазии, когда одновременно с известием о восстании к нам пришли вести о том, что черные банды Каледина идут на штурм нашего красного Царицына, эти господа не нашли ничего лучшего, ничего более достойного, как пугать нас Керенским, пугать кровавой баней... Они не нашли ничего лучшего, как требовать от нас, послов рабочих и крестьян, гнусного и позорного спокойствия, гнусного и позорного отказа от поддержки товарищей. Мало того, они с наглой издевкой потребовали от нас осуждения рабочих и солдат, льющих кровь на улицах Петрограда, потребовали поддержки солдатского палача Керенского.

Шум одобрения прокатился по залу и смолк.

— Эй вы, социалисты! — продолжал вдохновенно Владимир Павлович.— Вы, кого мы недавно называли товарищами. Как осмелились вы оскорбить Совет?! Как смели вы хоть на минуту подумать о саратовских рабочих, о Саратовском гарнизоне как о предателях, как о людях, ради шкуры, ради жалкого страха способных отказать в помощи бойцам Петрограда?! Вы лжете! Вы хотите самым подлым способом обмануть рабочую и солдатскую массу. Это вам не удастся. Рабочие, солдаты, кто из вас

против восставших рабочих и солдат Петрограда?! Кто из вас против власти Совета?! Кто?!

Зал в ожидании замер. Противников, осмелившихся поднять руки, оказалось не более десятка.

— Кто за Совет? Кто за рабочую и солдатскую власть?

В зале, на хорах поднялся целый лес рук. Грянуло громкое «ура!», поддержанное сотнями голосов за пределами здания.

Когда меньшевики и эсеры-офицеры направились к выходу, чтобы покинуть заседание Совета, вновь раздался громкий голос председателя Совета:

— Вы, социалисты, остановитесь! Я отвечу вам от имени Совета. Вы уходите, вы, подобно Пилату, умываете руки. Что ж, уходите, но знайте и помните, что никогда вам этого ухода не простят рабочие и крестьяне. Из поколения в поколение они будут передавать: в величайший момент нашей жизни, когда мы брали власть и выдерживали бешеные удары буржуазии, меньшевики и эсеры покинули нас и ушли к врагам... Помните эту великую ночь. И знайте, мы победим.

— Вся власть Советам! Ура-а-а! — прокатилось по зданию консерватории и эхом отозвалось на улице.

* * *

С заседания Совета расходились с пением революционных песен. Люди пели о свободе, о готовности бороться за нее, не щадя своих жизней.

Большевики — члены исполкома — в четвертом часу ночи собрались в бывшем доме губернатора. Размещавшиеся здесь губернский комиссар Топуридзе со своими чиновниками куда-то исчезли: не было ни обычных часовых, ни дежурных. В первую очередь раздобыли хлеба и чаю: оказалось, что никто с самого утра не ел. За скудной трапезой Лебедев завел разговор с сидевшим напротив Петром Алексеевым — слесарем железнодорожных мастерских, членом партии большевиков с 1915 года, входившим в состав партийного комитета, исполкома Совета и его президиума.

— Помнишь, Петр Алексеевич, — начал Лебедев, — знаменитые слова твоего тезки Петра Алексеева: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Эти слова были сказаны за сорок лет до залпа «Авроры», и сейчас можно с уверенностью сказать: эти вещие слова сбываются.

— Да, дорогой Петр Александрович, если бы теперь узнал

об этом сам Петр Алексеев! А ведь он мог бы дожить до наших дней. Сколько бы ему сейчас было?

— Что-то около шестидесяти шести,— ответил Лебедев.— Сколько же погибло революционеров... И погибло, как правило, в расцвете сил *.

Их, членов исполкома, было 19. Но за ними и их товарищами — целая армия рабочих и солдат, которых требовалось организовать в мощную силу, способную противостоять многочисленным врагам. Для этого их нужно снабдить продовольственными и промышленными товарами, наладить медицинскую помощь, решить многочисленные проблемы на селе и многое другое, что поставлено в повестку дня требованиями социалистической революции. А прежде всего предстояло сломать старые, ненавистные народу остатки царского строя и создать такие, чтобы они отвечали чаяниям рабочего человека.

В четыре часа утра Антонов открыл заседание исполнительного комитета. В первую очередь было создано исполнительное бюро в составе восьми человек: Алексеева, Бабушкина, Васильева, Венгерова, Зенковича, Лебедева, Савельева, Баринова. Оно требовалось для решения самых неотложных дел.

Затем исполком рассмотрел вопрос об отстранении от должности губернского комиссара Временного правительства Топуридзе. Губернским комиссаром Советской власти был назначен Петр Александрович Лебедев. Его преданность делу революции, партийная принципиальность и последовательность большевика-ленинца определили выбор кандидатуры на эту чрезвычайно ответственную должность. Доверие товарищей было единодушным. И нужно сказать, что с этими совершенно новыми для него сложными обязанностями губернского комиссара Петр Александрович, как мы увидим дальше, успешно справился.

В том же постановлении исполкома было записано: «Отдать приказ о смещении уездных комиссаров и послать к ним своих комиссаров. В г. Вольск назначается т. Кукушкин, в Петровск — т. Ганжинский, в Аткарск и Ртищево послать т. Сергеева, предоставив ему право назначения комиссаров на месте. В отношении прочих уездов оставить кандидатуры открытыми впредь до выяснения» [49].

Следующими актами новой власти были решения о немедленном занятии телеграфной и телефонной станций, о запрете

---

* Забегая вперед, заметим, что и саратовский Петр Алексеев вскоре падет в числе первых жертвой белого террора, его убьет владелец типографии Рабинович (тот самый Рабинович, который, исходя из меркантильных соображений, печатал когда-то «Нашу газету»), убьет при реквизиции типографии.

газетам и типографиям печатать антисоветские материалы. Осуществить эти мероприятия были уполномочены Алексеев и Стипнек. Исполком утвердил также обращение к населению, в котором говорилось о переходе власти к Советам.

Во время заседания исполкома пришли вести о том, что из Военного городка к городской думе прошли в боевом снаряжении, с винтовками и пулеметами юнкера. Тотчас в исполком было вызвано для охраны воинское подразделение с пулеметами, вскоре сюда подошел отряд Красной гвардии. Безотлагательно был создан военный совет. На заводы, фабрики, в казармы отправились депутаты Совета с тем, чтобы призвать рабочих и солдат к революционной бдительности и боевой готовности. Все это нужно было делать быстро, так как городская дума спешно готовилась к сопротивлению: возле думы начали строить баррикады, к ней стали стягиваться офицеры, чиновники, студенты и гимназисты из зажиточных семей.

Но не только сопротивление замышляли думцы. Созданный ими «Комитет спасения» через бывшего губернского комиссара Топуридзе, купца Юрьева и некоторых эсеров вошел в сношение с атаманом Дутовым и заручился его согласием на оказание военной помощи. Эсер Понтрягин, командовавший ранее одним из воинских подразделений, сделал попытку перетянуть на свою сторону артиллеристов. Но они не только отказались от выступления против группировавшихся возле Совета сил, но сразу же установили свои орудия на возвышенных местах города, нацелив их в сторону городской думы.

И тем не менее меньшевики, эсеры, юнкера первыми начали военные действия. Они заняли несколько городских кварталов, прилегающих к думе. На Валовой улице был открыт оружейный огонь, появились первые жертвы.

Большевистский Совет не дрогнул. В протоколе заседания исполнительного комитета от 28 октября говорилось: «Настроение рабочих и гарнизона прекрасное. Все горят гневом против врагов Совета. Гарнизон в боевой готовности. В данный момент дума окружена нашими войсками со всех сторон; солдаты рвутся расправиться с противником. На Соколовой горе поставлена артиллерия. Очевидно, увидев свое бессилие, дума прислала делегацию, которую и предстоит выслушать исполнительному комитету» [50].

Были выработаны условия капитуляции думцев: полная сдача оружия, роспуск военного штаба и «Комитета спасения», немедленная отмена постановлений «Комитета», городского самоуправления и губернского комиссара, направленных на противодействие Советской власти...

Несколько часов длились переговоры. Чувствовалось, что делегаты думы Минин, Друшляков и другие всячески стремятся затянуть время, рассчитывая на помощь подходивших к городу казаков. Но помощь явно запаздывала. Чтобы покончить с затяжкой переговоров, члены исполкома вышли из комнаты, оставив делегатов думы одних, чтобы дать им возможность беспрепятственно переговорить по телефону со своими лидерами об окончательных условиях сдачи. Времени на это было отведено всего лишь несколько минут.

Вот протокольная запись, сделанная на заседании исполнительного комитета в ту же ночь:

«Тов. Лебедев предлагает принять условия, как единственный способ ликвидации конфликта без кровопролития.

Друшляков (офицер из делегации): Необходимо принять все меры. Я прихожу в ужас от последствий...

Тов. Антонов: Именем исполнительного комитета приказываю вам, товарищ начальник гарнизона *, до особого распоряжения держать оборону и не отдавать приказа о наступлении. Предлагаю делегации в пятиминутный срок обсудить условия и дать нам исчерпывающий ответ, считаясь с тем, что наступают сумерки. Нервы напряжены с обеих сторон. Темнота еще больше нервирует, и один выстрел может начать кровавую страницу.

(Через пять минут делегация выносит свое заключение.)

Друшляков: От имени штаба я согласен подписать условия.

Минин: Большинство делегации, в особенности военные представители, решили подписать условия, я подписываю, но заношу свое особое мнение.

(Делегация подписывает условия.)

Друшляков: Я прошу исполнительный комитет для безболезненного проведения сдачи делегировать своих представителей.

Исполнительный комитет делегирует тт. Антонова, Сережникова и Хрущева» [51].

Едва делегация, возглавляемая Антоновым, ушла, раздался телефонный звонок. Из думы звонил Понтрягин. Взявшему трубку Васильеву он сказал:

— Дума требует, чтобы делегация немедленно вернулась назад. Получена телеграмма — Керенский взял Петроград. Мы решили держаться до утра и не подписывать никаких соглашений.

— Перестаньте говорить глупости,— спокойно ответил Васильев.— Соглашение уже подписано. Если вы не сошли оконча-

* На должность начальника гарнизона был назначен Петр Карпович Щербаков, член партии большевиков с мая 1918 г.

тельно с ума, немедленно, не теряя ни минуты, выполняйте принятые условия. Иначе вам же будет хуже!

— Ах, уже подписано?.. Хорошо, мы подождем.

— Думать нечего и некогда.

Этот провокационный звонок Понтрягина вызвал у членов исполкома тревогу как за возможные осложнения обстановки, так и за судьбу отправившихся в думу товарищей.

— Пойду в думу,— вызвался Лебедев.— В случае чего с помощью солдат приму необходимые меры.

Возражать против этого никто не стал. Подойдя к солдатам, стоявшим в оцеплении напротив главного входа в думу, Петр Александрович из первых же разговоров уловил их нервное и озлобленное состояние. «Достаточно незначительного повода,— отметил он,— и может начаться стрельба, тем более что юнкера ведут себя нагло и задиристо».

Медленно тянулись напряженные минуты ожидания. Прошло полчаса, долгих 30 минут, затем еще 20 и еще... Одновременно с течением времени росло и возбуждение солдат, терпение некоторых, судя по их репликам, иссякало.

— Давайте подождем последние пятнадцать минут,— сказал Петр Александрович,— после чего я сам пойду за членами нашей делегации. И если мы не вернемся через последующие пятнадцать минут, значит, нас задержали. Тогда уж вы, товарищи солдаты, выручайте нас.

По истечении обусловленного времени Лебедев решительно подошел к цепи юнкеров. После короткого разговора юнкера пропустили его, считая, видимо, что чем больше будет заложников, каковыми они считали пришедших представителей Совета, тем лучше.

Быстро вбежав по лестнице, Петр Александрович почти сразу же отыскал комнату, где велись затянувшиеся переговоры, и, не раздумывая, громко произнес, обращаясь к окруженному думцами Антонову:

— Владимир Павлович! Если через пятнадцать минут мы не выйдем из думы, начнется стрельба!

Это подействовало на думцев отрезвляюще, и они наконец согласились принять условия сдачи и безотлагательно начать разоружение.

Когда представители Совета вышли на улицу и оказались среди своих, со стороны думы раздались выстрелы. Пропевшие в воздухе пули защелкали по камням мостовой и стенам расположенных рядом домов. После короткого замешательства, вызванного неожиданностью, загремела ответная ружейная стрельба. А через несколько минут Петр Александрович, шедший в на-

правлении исполкома, услышал первый орудийный залп... Трассируя, снаряд летел со стороны Соколовой горы в направлении центра города, с треском разорвавшись в районе думы.

В исполкоме Петр Александрович прошел к сидевшему у телефона Васильеву. Вид его был мрачноватый, но в поведении и разговорах чувствовались уверенность, выдержка и решимость.

— Где Антонов? — спросил Михаил Иванович.

— Когда началась стрельба, мы вынуждены были рассредоточиться, а затем потеряли друг друга из виду. Он был не один, и думаю, что вот-вот появится.

Вошедший красногвардеец доложил, что пришла какая-то пожилая дама, которая плачет и настойчиво просит принять ее. Оказалось, что это была жена присяжного поверенного Никонова. Она просила прекратить орудийный обстрел думы, мотивируя тем, что в помещении думы много гимназистов, поддавшихся на агитацию эсеров, что многие из них несовершеннолетние.

Попытки созвониться с думой оказались безрезультатными, но в этот момент сообщили о прибытии парламентеров. Как оказалось, «парламентеры» были самозванными: меньшевичка Лавлер, одетая в костюм сестры милосердия, и ее спутник Боярский заявили, что пришли по собственной инициативе, чтобы узнать, примут ли руководители Совета представителей думы для ведения переговоров.

— Если да,— заявили они,— будем содействовать присылке делегации.

— Возвращайтесь немедленно назад, и пусть сюда явятся полномочные парламентеры,— ответил им Васильев-Южин.

Рассветало. Заканчивалась очередная, третья по счету, ночь, не выделившая многим членам исполкома Совета ни единой минуты сна.

Через полчаса явилась депутация думы: офицер Понтрягин, присяжный поверенный Мясоедов и тот же меньшевик Боярский. В дополнение к ранее выработанным условиям сдачи им было предъявлено еще одно требование: все военные, принимавшие участие в мятеже, и наиболее ненавистные массам рабочих и солдат вожаки контрреволюции должны быть временно задержаны и изолированы. Решение о принятии условий сдачи, на этот раз более жестких, было принято после незначительных препирательств в считанные минуты. Особенно сговорчивым оказался Понтрягин, который всего лишь несколько часов назад пытался шантажировать членов исполкома по телефону. Чувствуя себя одним из виновников возникшей перестрелки и боясь расправы солдат, Понтрягин изъявил желание тут же последовать под арест, не возвращаясь в думу для доклада о резуль-

татах переговоров. Он надеялся, что Мясоедов и Боярский сделают это с успехом и без него.

По окончании переговоров последовал приказ о прекращении огня, привести в исполнение который оказалось не так-то просто. Раздраженные неоднократными обманами, провокациями, а также понесенными потерями, многие рабочие-красногвардейцы и особенно солдаты настаивали на взятии думских баррикад штурмом. Уговоры и разъяснения Лебедева и других, пришедших по поручению исполкома на боевые позиции, не дали гарантий избежать очередного кровопролития. Чувствуя это, Петр Александрович решил прибегнуть к помощи Васильева, пользовавшегося у солдат непререкаемым авторитетом и доверием. Раздобыв автомобиль, Петр Александрович срочно выехал в исполком: от дальнейших действий зависела судьба многих людей.

Вместе с Васильевым Лебедев поехал к революционным войскам. Их автомобиль остановился на углу Московской и Никольской улиц, где против окружного суда было установлено два орудия и несколько пулеметов. Ближайшие здания зияли пустыми глазницами окон, воздух пропах пороховым дымом.

— Товарищи солдаты! — голос Васильева звенел, перекрывая шум возбужденной толпы.— Поздравляю вас с победой! Противник готов сдаться и просит о пощаде. Я требую немедленно прекратить обстрел.

Он замолчал, и ему хватило секунды, чтобы уловить чуть заметный ропот протеста.

— Именем вашего Совета я требую немедленного и безусловного подчинения! Всякий неподчиняющийся будет рассматриваться нами как враг и провокатор!

В конце концов на Московской улице удалось водворить порядок, но на Соколовой горе изредка ухало орудие. Нужно было спешить туда.

Раздражение, гнев артиллеристов, занявших позицию на Соколовой горе, подогревались стрельбой юнкеров с колокольни церкви.

— Мы вдребезги разнесем и думу и церковь! — кричали солдаты в ответ на слова Васильева-Южина.— Если эта сволочь через полчаса не сдастся, мы ни одного из них не оставим в живых...

— Хорошо, товарищи,— успокоил их Васильев-Южин.— Я сам пойду к ним и потребую немедленно очистить здание думы. Но дайте слово, что вы не будете стрелять. Стреляя по ним, вы можете убить своих.

Возвратившись к зданию окружного суда, Васильев и Лебе-

дев увидели в кругу солдат думского парламентера полковника Чеснокова — начальника школы прапорщиков. Бледный, старающийся сохранить выдержку, он с видом загнанного зверя выслушивал самые нелестные, но справедливые слова солдат.

В думу направились небольшой группой. Вместе с М. И. Васильевым и П. А. Лебедевым вызвались пойти большевики — рабочие К. И. Плаксин, А. М. Марциновский, В. Ф. Букин... Впереди них с белым флагом в руке шел полковник Чесноков.

Белый цвет флага не остановил мятежников, с их стороны навстречу парламентерам просвистели пули. Прижимаясь к стенам домов, перебегая от подъезда к подъезду, члены исполкома Совета все-таки добрались до думы. В здании было тихо. Винтовки и боеприпасы были сложены в углу. Думцы признали себя побежденными.

Пока Лебедев принимал меры по охране и приему оружия, Васильев приказал думцам выйти на улицу и построиться. Теперь он был впереди с белым флагом, а сзади него шла процессия — все с поднятыми вверх руками. Они прошли так через весь город до исполкома.

Петр Александрович, отправив рененых в больницу и распустив находившийся в думе медицинский персонал, также вернулся в исполком. Арестованные, которых разместили в самых больших комнатах, сидели и лежали на полу. В соседнем доме кроме гласных думы находились лидеры мятежников — Чертков, Минин, Телегин. Среди них Лебедев увидел и Майзеля. Удрученный, он сидел за столом в глубокой задумчивости. Он поднял тяжелый взгляд на Лебедева и произнес:

— Ваши слова оказались пророческими. Я, Майзель,— под вашим арестом.

— Вы предпочли бы не быть здесь?

— Как знать, что лучше...— ответил тот.

Пройдя по городу сквозь коридор, образованный рабочими и солдатами, главари восстания были напуганы ненавистью и озлобленностью толпы. Опасаясь самосуда над собой, они сами попросили изолировать их и поставить к ним охрану из более дисциплинированных красногвардейцев.

— Пожалуй, здесь все-таки безопасней...— добавил Майзель.

— Я такого же мнения,— ответил Лебедев.— Лучше посидеть здесь до вечера. А с темнотой согласно договору мы отпустим вас. Отпустим с надеждой, что больше не придется встретиться по разные стороны баррикады.

По поручению исполкома Лебедев и Мицкевич занялись арестованными. В первую очередь было решено отпустить несовершеннолетних. Вызывая их в отдельную комнату небольшими

группами, они пытались объяснить им смысл революции, говорили о контрреволюционном характере выступления думцев, затем брали подписку о том, что впредь они не будут предпринимать никаких действий против власти рабочих и крестьян.

Сложнее дело обстояло с офицерами. Многие из них явились защищать думу из городских лазаретов — раны, полученные на немецком фронте, не остановили их. И все-таки, несмотря на это, тяжелобольных пришлось отпустить. Часть офицеров, настроенных особенно враждебно, и юнкера остались под арестом. Их освобождение было пока преждевременным.

Закончив беседу с последней партией арестованных, Петр Александрович сказал Мицкевичу:

— Сергей Иванович, обратите внимание, среди взятых в думе не оказалось ни одного солдата и ни одного рабочего даже из числа меньшевиков и эсеров. Не правда ли, факт знаменательный...

Он помолчал, размышляя, и добавил:

— Классовый инстинкт, именно он в решающую минуту определил их поведение.

* * *

В ночь на 30 октября разведка революционных войск донесла, что к Саратову движутся казачьи части, размещенные в свое время в уездах губернии для охраны помещичьих имений. Это подтвердили несколько позже и прибывшие в исполком крестьяне. По приказу Совета на защиту Саратова выступили отряды Красной гвардии, солдаты гарнизона, крестьяне пригородных сел и деревень. К казакам отправились большевистские пропагандисты и агитаторы, в короткий срок вокруг города были созданы оборонительные сооружения.

«Известия» войскового атамана Дутова, чтобы ввести в заблуждение личный состав дивизии, в большинстве своем одобрительно воспринявший первые декреты Советской власти, поместили провокационное сообщение. В нем говорилось: «...город в руках большевиков, офицеры и юнкера — в каторжной тюрьме, испытывают на себе режим хуже германского: морятся голодом, их бьют плетьми, прикладами, на день приковывают к стенам, не дают спать и, убирая нары ночью, позволяют только сидеть, всех одели в арестантскую одежду. В городе грабежи, расстрелы и виселицы... Атаман (Дутов) отдал приказ... освободить город от большевиков»[52].

Однако пропагандистские семена саратовских большевиков упали на благодатную почву. Под давлением казаков, хотевших

как можно скорее попасть домой, командир дивизии дал согласие не идти в наступление с условием, что от нового губернского комиссара поступит соответствующая телеграмма.

Требовавшееся распоряжение губернским комиссаром Петром Александровичем Лебедевым было незамедлительно составлено и отправлено по назначению. Казачья дивизия повернула от города. Возможность кровопролития была предотвращена.

Рассвет над Волгой

Победное шествие пролетарской революции стремительно охватывало саратовскую землю. Все новые и новые слои трудящихся становились под большевистское знамя Саратовского Совета. Надежды меньшевиков, эсеров, других контрреволюционных сил на восстановление Временного правительства рушились. Но тем яростнее было их сопротивление.

«Капиталисты, помещики, их слуги,— писали в эти дни «Известия» Саратовского Совета,— ведут против власти Советов беспрерывные атаки. Они пытаются сорвать дело мира и земли. Кто в этот грозный час не с народом — тот против народа» [53].

Саратовский комитет партии большевиков и исполнительный комитет Совета обратились с призывом к трудящимся: в воскресенье 17 декабря 1917 года провести в городе всеобщую демонстрацию.

В морозный полдень на Театральной площади собрались революционные воинские части, железнодорожники, рабочие саратовских фабрик и заводов, крестьяне окрестных сел, служащие многих учреждений. Стройно, по шесть человек в ряду, демонстранты проследовали мимо трибуны через Никольскую, Немецкую, Ильинскую и Московскую улицы до Московской площади. Они соблюдали строгий порядок и дисциплину, сознательность и организованность, показав, что трудящиеся нерушимо стоят за власть Советов, за партию большевиков.

Саратовские «Известия» писали в эти дни: «Смотр силам революции... показал наймитам буржуазии, изменникам народа, пытающимся внести смуту в ряды революции: бесцельна и бесплодна их грязная работа. Рабочие, солдаты, весь трудовой люд становятся под Красное знамя Советов, под знамя Мира, Земли, Воли народов, Социализма» [54].

Очевидец этого яркого революционного события заметил и то, что из «некоторых окон выглядывали солидные (с брюшком) типы», которые «с ненавистью смотрели на проходивших мимо солдат и рабочих» [55].

Враги строили козни. На первых порах это был контрреволюционный саботаж.

Когда войска 2-й Оренбургской дивизии еще стояли возле Саратова, местные антибольшевистские силы подняли крик о незаконном содержании под стражей лиц, «защищавших» думу, призывая городских служащих не выполнять распоряжений Советской власти. Их влиянию поддались многие служащие почты, телеграфа, городского самоуправления и некоторых других учреждений.

Почтово-телеграфные служащие устраивали митинги, не работали и не пускали к себе контролеров. Учитывая, что Саратов, не имея связи, оказался отрезанным от центра и других городов, а также то, что на телеграфе давали возможность переговариваться дутовцам и калединцам, возникла экстренная необходимость принять соответствующие меры. Вопрос об этом был обсужден 31 октября 1917 года на заседании исполкома Саратовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Член исполкома Баранов заявил:

— Положение угрожающее. Необходимо действовать вооруженной рукой.

— Прежде чем действовать оружием,— предложил Лебедев,— надо поговорить с почтовиками...

Исполнительный комитет принял решение: послать Лебедева для улаживания конфликта с почтово-телеграфными служащими мирным путем.

По окончании заседания Петр Александрович сразу же отправился на почтамт. «Огромное помещение почтамта,— вспоминал он,— гудело, как встревоженный улей. Я пытался вступить в переговоры, предлагал собраться в обширной столовой и там обсудить создавшееся положение, но не тут-то было: крик, шум, бранные выкрики прерывали мои слова. Видя столь возбужденное состояние служащих, я решил уйти обратно и уже вышел было во двор, но за мной побежала кучка народа и, окружив меня со всех сторон, насильно повела обратно. Меня провели через всю бушующую толпу, ввели в небольшую комнату, обыскали и объявили арестованным. В комнату набилось масса служащих, которые шумели, кричали и всячески поносили меня и большевиков. Некоторые пытались устроить что-то вроде допроса, спрашивая, кто я такой.

— Член президиума губисполкома, губернский комиссар,— ответил я» [56].

Ответ вызвал взрыв ругани и насмешек. Наконец Лебедева оставили одного, заперев за ним дверь. Вскоре в комнату зашел какой-то интеллигентного вида господин.

Петр Александрович потребовал немедленного освобождения.

— По этому вопросу идет совещание,— последовал ответ.— И пока результат не известен...

Между тем дело шло уже к вечеру. Вдруг где-то рядом послышался шум и крики. Дверь неожиданно открылась, и показалась огромная фигура солдата с ружьем в руках, на котором буквально висело с десяток человек.

— Товарищ Лебедев, вы здесь?

Это был рабочий Кузнецов, который, стараясь как-то помочь революции, добровольно принял на себя охрану членов исполнительного комитета. Он день и ночь с оружием в руках проводил у кабинета, где шли заседания. Когда в исполкоме узнали об аресте Лебедева, то вызвали отряд для его освобождения. Кузнецов, не дождавшись отряда, кинулся один освобождать задержанного, но в дверях комнаты, где находился Петр Александрович, разъяренная толпа остановила его. Он был вынужден отступить *.

Прошел еще час. Явился опять тот же господин и объявил:

— Вы свободны.

Минут через десять на почтамт прибыли красногвардейцы. Они перерыли все сверху донизу, не веря, что Лебедева уже освободили.

Сопротивление почтово-телеграфных служащих, вдохновителями которого было эсеро-меньшевистское руководство этого ведомства, носило длительный и упорный характер. Вдохновители прямого саботажа и неповиновения дошли до того, что не только лишили исполком Совета связи с центром и периферией, но и открыто стали помогать злейшим врагам Советской власти. Из 10 миллионов рублей, поступивших из центра для выплаты заработной платы рабочим (до этого из местных банков саратовские богачи сумели забрать крупную сумму, значительная часть которой была передана Каледину), исполкому Совета было выдано лишь 1 миллион 300 тысяч рублей. Остальные денежные средства саботажники переправили в Тамбов своим сторонникам, рассчитывая, что большевики долго не продержатся.

Такое положение не могло быть терпимым. По приказу исполкома помещения почты и телеграфа заняли караулы красногвардейцев, которые стали пропускать на работу только тех, кто изъявил желание трудиться на поставленных Советской

* Рабочий Кузнецов впоследствии погиб на одном из фронтов, защищая Советскую власть.

властью условиях. Главные подстрекатели саботажа были арестованы.

Меры принуждения, наряду с широкой разъяснительной работой, пришлось принять и в отношении служащих некоторых других учреждений. Большое значение для налаживания деятельности многих городских служб имел роспуск городской думы и ее исполнительного органа — городской управы.

О том, как осуществлялась в Саратове ломка старых буржуазных органов власти, как протекало становление новых советских органов, в каких условиях приходилось трудиться представителю Советской власти — губернскому комиссару, рассказывает в своих воспоминаниях П. А. Лебедев:

«Первые дни после переворота, захваченный событиями, я не мог приступить к исполнению своих новых обязанностей губернского комиссара. Мне напомнил о них, как это ни странно, бывший правитель дел канцелярии губернатора, некто Яковлев, старый чиновник, кажется, статский советник, очень незаметный с виду, но неглупый и прекрасно знакомый с административным механизмом. Он предложил мне начать прием посетителей, которые у него не раз справлялись о новом губернском комиссаре. Я назначил прием на следующий день. К назначенному часу приемная набилась массой народа, жаждущей попасть к новому комиссару. Это были все обыватели, безразличные к политическим переменам и лишь заинтересованные в каком-нибудь своем личном маленьком деле. Они совершенно не представляли себе, что властью теперь является исполнительный комитет, и по-прежнему считали комиссара, как преемника губернатора,— высшим органом власти. Считаясь с такой психологией обывательской массы и имея в виду освободить исполком от административных мелочей, мы и оставили временно должность комиссара. Затруднение возникло в том, что с бегством Топуридзе исчезли все канцелярии присутственных мест, подчиненных непосредственно ему. Ни один чиновник не являлся на службу. Яковлев предложил мне послать персональные бумаги нужным лицам. Средство это подействовало. Скоро все, кто мне был нужен, сидели за работой» [57].

Приведенный факт свидетельствует о том, что и в среде старых царских чиновников было немало людей, которые сочувствовали большевикам и старались честно служить новой власти. По отзывам П. А. Лебедева, Яковлев, будучи беспартийным, добровольно оказал новому губернскому комиссару большие услуги.

Один случай особенно расположил Лебедева в его пользу. Скрывавшийся где-то в окрестностях города бывший комиссар То-

пуридзе обратился к Яковлеву с запиской, в которой просил переслать ему казенные деньги. Яковлев не только не исполнил этого поручения, но передал хранившиеся у него денежные средства и записку Петру Александровичу.

При ознакомлении со структурой бывших местных органов власти Лебедева поразило их обилие, никчемность большинства из них. Почти единственным назначением многих из этих учреждений являлось рассмотрение вопросов о выдаче тех или иных «разрешений».

Среди многочисленных обязанностей губернского комиссара первейшей было взятие всех учреждений в непосредственное ведение исполкома Совета. Одни надо было полностью ликвидировать, другие — решительным образом реорганизовать. Вся эта работа была осуществлена довольно быстро, в течение трех месяцев.

Важным средством установления контроля над учреждениями явилось введение такого порядка, чтобы ни одна копейка не выдавалась без подписи комиссара. Благодаря этому удалось выявить немало фактов, которые буквально поражали своей нелепостью. Так, в городе оказалось действующим правление одного из городов «Царства Польского» с губернатором, вице-губернатором, полицмейстером и всем штатом чиновников, пытавшееся получать денежное содержание от Советской власти.

По всему чувствовалось, что буржуазная власть благоговейно относилась к учреждениям царского времени. Весь старый фундамент оставался цел и невредим. Сохранилось, например, даже губернское по судебным делам присутствие, которое с упразднением земских начальников лишено было всякого смысла. Конечно, это учреждение, как и некоторые другие, было тотчас же ликвидировано. Кое-что пришлось пока оставить, вдохнув новое содержание, другое строить заново.

В эти дни Петр Александрович принимает меры к открытию учебных заведений, соблюдению в городе и губернии санитарных правил с целью ликвидировать обнаружившиеся вспышки чумы и тифа, обеспечению населения продовольствием и топливом, упорядочению арестов и реквизиций, наведению должного порядка в местных тюрьмах. Он ведает вопросами муниципализации домостроений, общественной помощи нуждающимся, работы детских приютов и многими другими.

Так, в феврале 1918 года Лебедев принял деятельное участие в решении вопросов размещения нескольких тысяч детей петроградских рабочих в бывших помещичьих усадьбах тех уездов, где было лучше с продуктами. Взятые Петром Александровичем на строгий учет запасы одеял и теплой одежды, обнару-

женные в бывшей каторжной тюрьме, были переданы в фонд общественной помощи детям.

После экстренного выяснения всех возможностей телеграфировали в Петроград Н. И. Подвойскому: «Саратов может принять пять тысяч детей, остальных — по мере подготовки».

Рассматривая вопросы отмены частной собственности на городские домовладения и их национализации, Лебедев выступал против крайностей в этом деле.

— Национализация — только одно из средств повышения благосостояния трудящихся. Расселением бедняков в квартиры богатеев нельзя улучшить положение всех трудящихся. Нужны другие меры,— говорил он.— Нужно возводить новые дома, так как капиталисты теперь их строить не будут...

Ломка старого и созидание нового, борьба за мир, хлеб и свободу были непременными условиями развития пролетарской революции. Ломка и созидание — на этом были сосредоточены сейчас усилия губернского комиссара Петра Александровича Лебедева.

* * *

14 ноября 1917 года Саратовский совет присяжных поверенных вынес постановление о возбуждении против В. П. Антонова, М. И. Васильева и П. А. Лебедева дисциплинарного производства. Мотивировалось это их участием в захвате Саратовским Советом власти, сопровождавшимся «ружейным и артиллерийским обстрелом правомочной демократической городской думы... арестом гласных, защищавших думу, военных и других лиц». Обвинение «усугублялось» тем, что все трое, являясь присяжными поверенными, «стоят во главе названного Совета; первый в качестве его председателя, второй — товарища председателя, а третий — назначенного Советом губернского комиссара» [58]. Их действия, говорилось в постановлении, противны элементарнейшим основам не только сословной, но и общественной морали, гражданственности и права.

Под таким документом руководящего ядра саратовских адвокатов, председатель которого и ряд членов принадлежали к кадетской партии, могли бы подписаться эсеры и меньшевики, так как и те и другие действовали, по существу, заодно.

Получив официальные повестки о явке, В. П. Антонов, М. И. Васильев и П. А. Лебедев решили пойти на заседание совета присяжных поверенных, на которое было приглашено все местное сословие адвокатов. После прочтения постановления «обвиняемые» заявили, что все изложенное в нем действительно имело место, но никакой вины они за собой не признают, так как

действовали и действуют в интересах революции. Принадлежа к партии большевиков, продолжали «обвиняемые», мы гордимся этим, как и тем, что после победы в октябре сразу же приступили к строительству первого в мире Советского государства, призванного утвердить господство угнетенного ранее класса, идущего теперь к избавлению от ига капитала.

Посыпались многочисленные вопросы:

— Как понимаете вы адвокатскую этику?

— Может ли быть допустимо при совершении любой революции ограничение прав частных лиц и общественных организаций?

В каждом из вопросов нетрудно было почувствовать сгущение красок, недоброжелательность и прямую враждебность.

— Мы с вами стоим на разных политических позициях,— резко сказал Антонов.— Друг друга мы не убедим. А вы толкуете об исключении из сословия. Это смешно!..

Видя, что доказать этой публике правоту своих взглядов и действий невозможно, Антонов, Васильев и Лебедев удалились, на прощание, однако, отметив, что их деятельность как членов большевистской партии не подлежит контролю со стороны совета присяжных поверенных.

Совет присяжных не решился принять какие-либо санкции к трем руководителям революции в Саратове, удовлетворившись тем, что выразил свое отношение к новой власти.

— Привлечены к ответственности за совершение Октябрьского переворота. И кем?.. Советом присяжных поверенных! Есть ли еще такие примеры в России? Вряд ли... Вот додумались?!— возмущался Петр Александрович.

— Пора нам браться за роспуск и адвокатуры и суда,— вторил ему Васильев.

— Существование этих органов,— поддержал Антонов,— особенно окружного суда и судебной палаты, которые продолжают выносить по имеющимся в их производстве делам решения именем несуществующего Временного правительства, выглядит по меньшей мере нелепо. Настало время подумать о создании нового пролетарского суда, без которого, как показывает жизнь, не обойтись.

Все это происходило во второй половине ноября 1917 года — в первый месяц после победы Октябрьской революции. Но не сразу до всего доходили руки. «Мы переживали страдные дни,— писал потом П. А. Лебедев.— Нас было страшно мало, а работа была колоссальная... Мы дни и ночи проводили в исполкоме, спали тут, не раздеваясь, ели, что приносили нам из дома, но были веселы и бодры, как никогда в жизни» [59].

* * *

Наряду с многочисленными обязанностями губернского комиссара на Петра Александровича еще 2 ноября 1917 года были возложены и другие обязанности. Он стал комиссаром по внутренним делам, руководителем Совета комиссаров милиции, комиссаром по делам юстиции. В связи с этим именно ему пришлось стоять у истоков первых правоохранительных органов губернии — милиции и суда. Им или с его участием были составлены основные проекты первых положений, постановлений и других нормативных актов, регламентировавших структуру и порядок деятельности качественно новых пролетарских органов.

В канун исторического залпа «Авроры» один из корреспондентов «Саратовского вестника», подводя некоторые итоги Февральской революции, в статье под заголовком «Агония. Революция сама себя изживет» писал, что благородные идеи революции, за которые люди гибнут, отдают силы и кровь свою, опошлены, цели извращены... Вместо торжества права, свободы и братства, наблюдается торжество бесправия и старого рабства. Безвестный автор этой статьи был прав. Февральская буржуазная революция не принесла трудовому народу долгожданной подлинной свободы.

Ненавистные трудящимся порядки остались по существу неизменными. Февральская революция только переименовала полицию в милицию, которая по-прежнему была обязана руководствоваться царскими законоположениями. Хотя отдельные одиозные личности и были удалены, милиция продолжала оставаться переполненной чинами старой полиции, а командные должности занимали офицеры, служившие в подразделениях царского министерства внутренних дел.

Ко всему прочему эта милиция еще и бездействовала. Она «сидит по канцеляриям участков и исполняет лишь хозяйственно-канцелярские функции. Словом, милиции нет»,— был вынужден признать «Саратовский листок» в публикации накануне взятия власти большевиками [60].

Почти полностью распавшаяся в результате Октябрьской революции из-за несовместимости классовых интересов милиция не только не обеспечивала надлежащего порядка в городе, но в ряде случаев потворствовала преступным элементам. Ее руководство и значительная часть среднего командного состава после Октября, одни тайно, другие явно, перешли в стан врагов. А заметно прогрессировавшие в условиях войны и хозяйственной разрухи общественные недуги — спекуляция, кражи, грабежи,

другие тяжкие преступления — требовали принятия немедленных мер.

При обсуждении этого вопроса на исполкоме Лебедев заявил:

— Милиция фактически не существует. Надо объявить, что она распускается, и необходимо создать новую милицию, подчиненную губернскому исполкому[61].

В этих целях исполнительный комитет Совета по предложению Петра Александровича принял специальное постановление о мерах по организации охраны порядка в городе Саратове, на основании которого 8 ноября 1917 года в саратовских «Известиях» было опубликовано сообщение губернского комиссара. В нем говорилось, что охрана города временно поручается Красной гвардии, на которую возлагались главные надежды как на наиболее дисциплинированную и преданную революции силу.

Из числа красногвардейцев были созданы революционные дружины. Во главе дружин стоял Главный штаб, в районах — районные штабы, при каждом из которых имелся боевой вооруженный отряд, а также лица, выполнявшие постовые, конвойные, вестовые и другие обязанности.

Но усилий одной Красной гвардии, основные силы которой были направлены на борьбу с белоказачеством, явно недоставало. Это заставило прибегнуть к организации ночных дежурств жителей, хотя многие члены исполкома и высказывали опасение в том, как бы под видом самоохраны не сорганизовались отряды контрреволюции.

Петр Александрович принял меры к подбору и укреплению личного состава милиции: на все участки были направлены комиссары из числа наиболее сознательных рабочих, которые и стали вскоре руководителями этих участков. Немедленно заменил он и прежнего начальника милиции, бывшего присяжного поверенного Аксенова, ориентировавшегося на враждебные Совету силы.

О первых шагах в деле налаживания в городе революционного порядка Лебедев вспоминал:

«Назначением своих комиссаров в милицию вопрос об охране порядка не разрешался. Милиция была численно слаба, почти не вооружена... и довольно плохо дисциплинирована. Ночные посты она совсем не несла. Иногда по ночам я брал автомобиль и объезжал все участки и заставал повсюду самую плачевную картину: постовых нет, в участках нет даже дежурных и т. д. Мера репрессии мало помогала, а между тем в городе в сильнейшей степени усилились грабежи и нападения, обыватели были в панике. Красная гвардия взяла... на себя охрану города по

ночам и некоторое время энергично выполняла свои обязанности... грабежи несколько стихли, но она была слишком малочисленна для такого большого города... Тогда я решил предложить самим гражданам взять на себя ночную охрану. Созвав представителей от граждан из разных районов города, я предложил им свой проект самоохраны, который они с радостью одобрили, и скоро весь город покрылся сетью самоохраны. Дежурство ночью на улице сделалось обязанностью каждого взрослого мужчины. Это проводилось довольно строго, только самые ответственные работники были освобождены от него»[62].

В целях лучшей постановки дела самоохрана организовывалась по участкам. Жители каждого участка выбирали комитет самоохраны, который назначал квартальных старост, а эти, в свою очередь, распределяли дежурства между жителями квартала. В ночных дежурствах участвовало до четырех тысяч членов добровольческих дружин.

Пытаясь принизить значение этих мер, антибольшевистская пресса называла народную охрану «бабушкиной гвардией», но в то же время была вынуждена признать, что «в смысле дисциплины она не уступает всякой другой гвардии и регулярным войскам»[63].

Первые пролетарские суды в Саратове стали создаваться по почину самих трудящихся еще до выхода в свет декретов Совнаркома о суде. Действуя самостоятельно, по своему усмотрению, не имея длительное время указаний из центра по причине саботажа почтово-телеграфных служащих, Лебедев и его товарищи при организации судов и других учреждений юстиции не разошлись почти ни в чем с декретами Совета Народных Комиссаров.

Первым же официальным судом стал Временный революционный суд, избранный 5 декабря 1917 года исполкомом Саратовского Совета. Он был учрежден в составе шести отделений, действовавших на территории милицейских участков. В каждом отделении имелся один постоянный судья и три заседателя, избиравшиеся на рабочих собраниях и распределявшиеся потом по отделениям суда по жребию.

Через четыре дня, 9 декабря, состоялось первое заседание этого суда — рассматривалось дело по обвинению девяти служащих в саботаже. Учитывая, что они не были организаторами, а слепо подчинились постановлению контрреволюционного делегатского собрания, суд, морально осудив поведение обвиняемых, освободил их от дальнейшего содержания под стражей. Такое решение оказалось не случайным. В первые дни Советской власти, когда сопротивление врагов революции не набрало еще си-

лы, приговоры судов были рассчитаны не столько на наказание, сколько на переубеждение виновных.

Большое значение для становления пролетарского правосудия в Саратове имело Положение о суде. Проект этого Положения, разработанный Лебедевым, был опубликован в саратовских «Известиях» 15 декабря 1917 года, а затем утвержден исполкомом Совета.

В Положении подробно излагались вопросы организации и деятельности нового суда, определялись его подсудность, порядок фиксации показаний, исполнения принятых решений. Подчеркивалось, что дела в суде рассматриваются публично. Судьи обязаны были решать дела «по совести» и большинством голосов. При вынесении обвинительного приговора суд мог подвергнуть виновного общественному порицанию, штрафу, аресту, лишению общественных прав, общественным работам, заключению в тюрьму. Большое значение придавалось опубликованию приговоров в печати.

Положение предусматривало образование постоянно действующих следственных комиссий, каждая из которых выбиралась исполнительным комитетом Совета в составе трех человек. Им в установленном порядке предоставлялось право производства обысков, выемок, допроса свидетелей, совершения других следственных действий в целях установления всех виновных и степени их вины.

В связи с декретом о суде № 1 в Положение были внесены соответствующие изменения: временному революционному суду было присвоено название «местный суд», вместо трех заседателей устанавливалось два, разрешавших дела совместно с судьей [64].

Вскоре после этого последовало распоряжение губернского комиссара юстиции, доведенное до общего сведения через печать, в котором сообщалось об упразднении остатков старого суда (мировых судей), о порядке обжалования принятых местными судами решений. В частности, указывалось, что поводами к подаче кассационных жалоб являются: несоблюдение декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров, несоответствие решения или приговора Программе партии, грубое нарушение установленных правил судопроизводства и явная несправедливость [65].

К середине 1918 года в Саратовской губернии, во многом благодаря стараниям, энергии и инициативе комиссара юстиции Лебедева, была проделана значительная работа по организации судебных органов. Наряду с местными народными судами стал функционировать окружной суд и революционный трибунал. На-

родные судьи, выбранные из среды трудящихся, быстро осваивали свои обязанности. Рос и авторитет пролетарского суда, последовательно защищавшего интересы общественных, государственных организаций и трудящихся.

* * *

Петр Александрович не заметил, как в его кабинет вошла Зинаида Ивановна. Он был целиком поглощен работой — готовился к общегубернскому съезду деятелей юстиции, на котором должен был выступить с докладом. И только тогда, когда Зинаида Ивановна села напротив, поднял глаза.

— Зина, дорогая, это ты... Прости, опять засиделся. Который там час?.. Третий? Как же быстро летит время.

— Ты же с утра ничего не ел. Разве можно так, Петр. Убирай бумаги, я принесла горячую картошку в мундире.— Зинаида Ивановна лишь делала вид, что сердится,— она давно привыкла к тому, что муж зачастую пропадал на работе сутками.

— Чудесно! Ты знаешь, я как раз дописал доклад. Конечно, еще о многом хотелось бы сказать, но довольно. Главное — вовремя поставить точку, остальное в порядке импровизации.

Он сдвинул бумаги в сторону, освободив часть стола, и с жадностью накинулся на картошку. Он ел ее, густо посыпая солью, и продолжал о своем:

— Вот, послушай: внимание судов должно быть сосредоточено на борьбе с преступностью, в том числе с бюрократизмом, злоупотреблением властью. Иными словами, народным судам необходимо стать в первую очередь на защиту общественных интересов и прав граждан. В этом я вижу одну из главных задач советского суда. Это нужно объяснить всем, кто соберется на съезд. Ты согласна со мной?

— Продолжай, я внимательно слушаю тебя.

— И еще мне вот о чем хочется сказать в своем выступлении... О неотвратимости наказания. Именно сознание неизбежности наказания, хотя бы и не очень сурового, имеет наибольшее моральное воздействие. Но что это я все об этом. Довольно. Видишь, за окном голубеет небо. Сейчас мы отправимся домой, но прежде пойдем на берег Волги и встретим рассвет.

Они вышли на улицу. Город еще спал, окутанный предрассветной тишиной и покоем. Он спал, чтобы пробудиться и снова закипеть прежними страстями.

— Помнишь, Петр, шестнадцать лет назад была такая же теплая августовская ночь. Мы разбрасывали листовки в рабочей слободке...

— И я первый раз поцеловал тебя. И признался, что люблю.

— Как давно это было. Но я помню все до мельчайших подробностей. Даже того жандарма...

По узкой улочке они спускались к Волге, оттуда тянуло прохладой и запахом рыбы. По небу растекался голубой свет — предвестник зарождающегося дня.

— Еще в ранней юности я усвоил сказанные однажды слова: память надо беречь. И очень хорошо, что мы ничего не забыли... Мне сейчас почему-то вспомнилось мое пребывание в Бельгии, куда меня выслали за принадлежность к партии. Как мучительна была разлука с тобой, с родиной. Как ждал я возвращения.

— А помнишь, тебя увозил пароход от этой пристани в Сибирь. И, несмотря на горе, мне верилось тогда, что пройдет время, и не будет ни разлук, ни тревог... будет покой и счастье.

Над горизонтом, там, где левый берег реки упирался в небо, показалось молодое солнце. Начинался новый день. И в этом начале было обещание дальнейшей борьбы и добрых свершений.

Молча наблюдал восход Петр Александрович, углубленный в свои раздумья. Он вспоминал прожитую жизнь, еще и еще раз возвращаясь к ее последним событиям. Он думал о будущем.

— Тревоги навсегда останутся с нами, Зина,— прервал он молчание.— Но пусть утешением нам будет мысль: мы вышли на дорогу, которая ведет нас к счастью. Мы пойдем по ней с глубокой верой в правоту выбранного пути.

Послесловие

Деятельность П. А. Лебедева на посту комиссара, а затем заведующего отделом юстиции (комиссариат был преобразован в отдел) не замыкалась решением юридических вопросов, хотя и их было — непочатый край. Он проводил самую многогранную советскую и партийную работу, являясь не только членом исполкома Совета, но и членом губернского комитета большевиков. В сентябре 1919 года он выступает на заседании губернского съезда Советов с докладом «О взаимодействии отделов губернского исполкома с отделами уездных и волостных исполкомов»[66]. В третью годовщину победы Советской власти П. А. Лебедев публикует в саратовских «Известиях» статью «Штрихи Октябрьской революции», в которой делится личными воспоминаниями о незабываемых исторических событиях, в которых он принимал непосредственное и активное участие[67].

В 1922 году при Совете Труда и Обороны Советской Республики образовывается Арбитражная комиссия. П. А. Лебедев по представлению народного комиссара юстиции РСФСР назнача-

ется ее председателем. На этом посту он находился в течение шести лет и многое сделал для становления и развития нового государственного органа. Продолжая оставаться председателем Арбитражной комиссии при СТО, в феврале 1924 года П. А. Лебедев был избран в состав Верховного Суда СССР и утвержден председателем гражданско-судебной коллегии.

В первые годы существования Верховного Суда СССР деятельность возглавляемой Петром Александровичем коллегии сосредоточивалась на вопросах надзора за соответствием издаваемых правовых актов Конституции СССР.

П. А. Лебедев разрабатывал первые руководящие разъяснения Верховного Суда СССР по вопросам гражданского права. Он активно участвовал в разработке законодательства. Поддерживая П. И. Стучку и ряд других советских юристов, он выступал за исключение из проекта Гражданского кодекса РСФСР тех его положений, которые были заимствованы почти целиком из кодексов буржуазных стран. «Приспособление наших гражданских законов и наших гражданских судов к потребностям широких трудящихся масс, а не к крупному частно правовому обороту,— писал Петр Александрович,— можно считать вполне выявившейся задачей, которая в ближайшем времени настойчиво потребует своего разрешения. Гражданские суды в таком случае приобретут огромное культурное значение, которое пока недостаточно велико» [68].

Статьи Петра Александровича на правовые и воспитательные темы часто печатались в юридических и других журналах, в центральных и местных газетах.

В 1928 году Петр Александрович был направлен на дипломатическую работу в Турцию. По возвращении из Анкары Лебедев находился в течение ряда лет на руководящей хозяйственной и научной работе: был членом Главной концессионной комиссии СССР, директором института «Главхимпром», директором Ташкентского института субтропиков. С 1935 по 1937 год он вновь в Верховном Суде СССР. В сороковые годы работал в Совинформбюро старшим редактором по вопросам государства и права СССР, а затем вышел на персональную пенсию.

Умер Петр Александрович в 1952 году, в возрасте 75 лет.

Его жизнь, полная напряженного труда, была целиком посвящена делу освобождения рабочего класса. Он был среди тех, кто готовил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, кто отстаивал ее завоевания и верил в ее непобедимость.

Примечания

[1] Студенческое движение 1899 года. Сборник под ред. А. и В. Чертковых. 1900, с. 26.
[2] Там же.
[3] Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5-ти т. М., 1956, т. 1, с. 108.
[4] ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП-3, 1902, д. 2731, л. 28.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 102, ОП. 230, 1903, д. 1113, л. 67.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 102, ОП. 230, 1903, д. 1113, л. 67 об.
[7] Курсанова А. В. Первые социал-демократические организации и искровцы в Саратове. Саратов, 1963, с. 55.
[8] Там же, с. 55, 56.
[9] ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП-3, 1902, д. 2731, л. 41.
[10] Там же, л. 42.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП-7, 1905, д. 799, л. 6.
[14] Там же.
[15] Ходаков Г. Ф. Очерки истории саратовской организации КПСС. Саратов, 1968, ч. 1 (1898—1918), с. 101.
[16] Там же, с. 127.
[17] ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. 2, д. 1094, л. 19.
[18] Там же.
[19] Ходаков Г. Ф. Очерки истории саратовской организации КПСС. Саратов, 1968, ч. 1 (1898—1918), с. 218, 219.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1915, д. 3627, л. 6, 8.
[21] Наша газета, № 1—9, 1915, Саратов, 1935, с. 1.
[22] Там же.
[23] Вопросы страхования, 1915, № 7.
[24] Наша газета, № 1—9, 1015, Саратов, 1935, с. 38.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1915, д. 3627, л. 7, 8.
[26] Наша газета, № 1—9, 1915, Саратов, 1935, с. 75, 76.
[27] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1915, д. 3627, л. 23.
[28] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1916, д. 38, ч. 1, л. 49, 49 об.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1915, д. 3627, л. 24.
[30] По ленинскому пути. Воспоминания старых большевиков. М., 1972, с. 85.
[31] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 679.
[32] Там же, с. 673.
[33] Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). Сборник документов. М.—Л., 1931, с. 19.
[34] Там же, с. 781.
[35] Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). Сборник документов. М.—Л., 1931, с. 781.

[36] Там же, с. 29.

[37] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 242.

[38] Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). Сборник документов. М.—Л., 1931, с. 110.

[39] Там же, с. 75, 76.

[40] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 244, 245.

[41] 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957, с. 108.

[42] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 247.

[43] Там же, с. 248, 249.

[44] Там же, с. 250.

[45] 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957, с. 162.

[46] Там же, с. 165.

[47] Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1957, ч. 1, с. 297.

[48] Б. Костюковский, С. Табачников. Главный университет. М., 1975, с. 347.

[49] Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). Сборник документов. М.—Л., 1931, с. 219.

[50] Там же, с. 220.

[51] Там же, с. 221.

[52] За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий 1917 года в Саратовской губернии. Саратов, 1957, с. 63.

[53] Известия Саратовского Совета Р. и С. Д., 1917, 16 декабря.

[54] Известия Саратовского Совета Р. С. и К. Д. и районного исполнительного комитета, 1917, 20 декабря, № 114.

[55] Там же.

[56] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 256—257.

[57] Там же, с. 264.

[58] Там же, с. 323, 274, 275.

[59] Там же, с. 256.

[60] Саратовский листок, 1917, 23 октября, № 248.

[61] П. Н. Синицын. История рабоче-крестьянской советской милиции по Саратовской губернии. Саратов, 1924.

[62] Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 270, 271.

[63] Саратовский листок, 1917, № 248.

[64] 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957, с. 240, 241, 360.

[65] Известия Саратовского Совета, 1918, 1 марта, № 37.

[66] Известия Саратовского Совета рабочих и крестьянских депутатов Губисполкома и Губернского комитета РКП(б), 1919, 14 сентября, № 201.

[67] Известия Саратовского Совета рабочих и красноармейских депутатов Губисполкома и Губернского комитета РКП(б), 1920, 8 ноября, № 253.

[68] Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР, 1927, № 2, с. 10.

Содержание

Память надо беречь 3
В ладу с совестью и честью 7
Любовь и ненависть 18
В пламени пролетарской борьбы 34
Работали для будущего 47
Саратов. Март 1917-го 65
Борьба обостряется 77
За власть Советов 90
Рассвет над Волгой 103

Послесловие 115

Примечания 117

Григорий Захарович Анашкин,
Михаил Михайлович Глазунов

ГУБЕРНСКИЙ КОМИССАР

Литературная обработка
Н. В. Болкунова

Редактор *Л. А. Розанова*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *Н. Н. Попова*

ИБ 875

Сдано в набор 23.04.82. Подписано к печати 17.12.82. НГ25522. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,97. Усл. кр. отт. 7,9. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 10 000. Заказ 1350. Цена 50 коп.

Приволжское книжное издательство, Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

Губернский комиссар